

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА СУРХАНДАРЬИ

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА СУРХАНДАРЬИ

Сборник научных статей,
посвящённых археологическим исследованиям
в Сурхандарьинской области
Республики Узбекистан

IFEAC

Inventaire n° 9852.....
date : 22 APR 2003.....

Государственное научное издательство
«Узбекистон миллий энциклопедияси»
Ташкент-2001

Академия наук Республики Узбекистан
Институт археологии
Академия художеств Республики Узбекистан
Отдел Истории искусств НИИ искусствознания

Под редакцией академика АН РУ Э.В.Ртвеладзе и
кандидата исторических наук Ш.Р.Пидаева

В сборник включены статьи, посвященные результатам исследований древних средневековых памятников Сурхандарьи. В научный обиход вводится новый разнообразный материал, иллюстрирующий историю материальной и художественной культуры Бактрии - Тохаристана.

Книга рассчитана на историков, археологов, востоковедов, а также на всех интересующихся историей культуры Узбекистана.

Издание осуществлено при финансовой поддержке профессора К.Като.

Введение

Сурхандарьинский оазис, расположенный на крайнем юге Узбекистана, представляет собой особую географическую область, границы которой определены естественными рубежами: на западе и востоке это горные хребты Кугитанг и Бабатаг, на севере – Гиссарский хребет и его многочисленные отроги, на юге – Амударья. Основным источником орошения – Сурхандарья, а также реки Шерабад, Тупаланг, Сангардак, Халкаджар.

Этот регион не являл собой объединенную единым названием историко-культурную область, но в древности был частью Бактрии – Тохаристана. В раннем средневековье здесь было несколько небольших областей: Термез, Чаганиан (бассейн Сурхандарьи) и Гуфтан (долина Шерабада). Горными проходами, долинами рек и водными артериями оазис был связан с соседними областями Бактрии – Тохаристана, а также с Маргианой, Согдом, Уструшаной.

Через горный проход Дар-и Аханик (Железные Ворота) и по долине Сурхандарьи проходили важнейшие трассы Великого шелкового пути.

Сурхандарьинский оазис входил в состав крупных государственных объединений: Ахеменидского, Селевкидского, Греко-Бактрийского, Кушанского, Арабских халифатов, Саманидов, Газневидов, Сельджукидов, Караханидов, Монгольских ханов, Темуридов, Шейбанидов, Джанидов и Мангытов.

На его территории происходило становление одного из наиболее ранних в Средней Азии очагов древнеземледельческой цивилизации (вторая четверть II тыс. до н.э.), зарождение и формирование первых государств в Среднеазиатском Двуречье (первая половина – середина I тыс. до н.э.). Здесь зарождались товарно-денежные отношения в Средней Азии (IV–III в. до н.э.), бытовали различные системы письменностей (греческой, бактрийской, арамейской, кхароштли, брахми, “неизвестного” письма, среднеперсидской).

Сурхандарья – один из самых ранних в Средней Азии центров формирования изобразительного искусства, в том числе настенной

живописи и скульптуры. Здесь находились основные среднеазиатские центры буддизма.

В области выявлено около 500 археологических памятников различных эпох. Среди них: Сапаллитепа и Джар-Кутан (эпоха бронзы); Бандыхан, Кызылтепа и Кучуктепа (эпоха раннего железа); Айртан, Дальварзитепа, Кампыртепа, Зартепа, Каратепа, Фаязтепа и Халчаян (эпоха кушан), Балалыктепа (раннее средневековье), Термез и Будрач (древность и средневековье). Археологические материалы из раскопок этих памятников внесли выдающийся вклад в изучение развития историко-культурных процессов Среднего Востока.

Значимость Сурхандарьинской области в истории цивилизации Средней Азии можно рассматривать как своего рода феномен, выделяющийся, особенно в древние периоды, даже на фоне высокой культуры остальных областей этого региона. Не случаен большой интерес к истории и культуре этой области ученых различных стран (Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов. Средневековые памятники Сурхандарьи, Ташкент, 1983.).

Богатый вклад в исследование Сурхандарьинской области внесли М.Е. Массон, Г.А. Пугаченкова, А.А. Аскарлов, Л.И. Альбаум, Б.Я. Ставиский, А.С. Сагдуллаев, Т.Ш. Ширинова, Ш.Р. Пидаев, Э.В. Ртвеладзе, Б.А. Тургунов и другие.

Истории и культуре Сурхандарьинской области посвящены десятки монографий и сотни статей. Однако не все историко-культурные проблемы изучены и исследованы. В связи с этим издание настоящего сборника призвано в какой-то мере восполнить пробелы в изучении истории и культуры этой области, привлечь к их исследованиям не только профессиональных ученых, но и краеведов и музейных работников.

В сборник включены статьи различной тематики. Так, Э.В. Ртвеладзе, освещает некоторые вопросы исторической географии древней Средней Азии. Сопоставляя все известные сведения древних письменных источников о петрах – “скалах” с данными археологии и географии, он предлагает свою версию о локализации этих скал. Очень заманчиво сопоставление крепости Сисимифра с куэстой Сусистаг.

Небольшое сообщение А.А. Восковского посвящено открытию на цитадели Дальварзинтепа керамики-обжигательной печи греко-бактрийского времени. Автор приводит краткое описание устройства раскопанных печей и найденных предметов.

В статье К.А. Абдуллаева и Т.Д. Аннаева отражены первые сведения о могильнике Рабат, расположенном к югу от райцентра Байсун.

В совместной статье И.Т. Батырова и К.А. Шейко дается подробная характеристика археологических предметов, найденных на Кампыртепа и переданных в фонд Сурхандарьинского краеведческого музея.

В статье С.В. Левушкиной дается подробный спектрально-лазерный анализ 54 изделий из меди и ее сплавов. Автор выделяет семь групп цветных металлов с родственными химическими чертами, свойственными данному поселению, а путем сопоставления с изделиями из цветных металлов других поселений Северной Бактрии, приходит к выводу о том, что металлурги Кампыртепа использовали иное рудное месторождение, чем металлурги Айртама, Дальварзинтепа и Ялангуштепа.

В статье В.П. Никонорова описываются две новые терракотовые статуэтки, найденные при раскопках на городище Кампыртепа.

Находкам на Кампыртепа посвящены еще две статьи. Это работа Н.Г. Скугаровой, в которой подробно, с привлечением археологических параллелей и этнографических материалов, анализируется заколка с навершием в виде плода граната.

В статье Б.Я. Ставиского "Ходжа-Гульсуар – гора Орлиная" впервые обстоятельно рассказывается об уникальном археологическом памятнике кушанской Бактрии, расположенном на правом берегу Амударьи выше Термеза. Здесь находились основанные месторождения органогенного известняка, из которого изготовлялись базы колонн, капители, пилястры и скульптура.

Статья В.В. Луневой посвящена исследованию литейных форм для производства ювелирных изделий.

Небольшая по объему статья В.А. Завьялова, Ш.Р. Пидаева посвящена изучению терракотовых статуэток бодхисатв, найденных на Зартепа и Хайтабадтепа. Анализируя находки, авторы констатируют большую роль буддизма в общественной и культурной жизни Кушанской Бактрии.

Несколько статей сборника отражают раннесредневековую и средневековую культуры Сурхандарьи. С.Б. Болелов подробно рассматривает комплекс керамики VII–VIII вв. н.э., полученный при раскопках Шуроб-Кургана и Бабатепа. В статье Г.М. Майтдиновой анализируется костюм эфталитского времени и предпринимается попытка определить его этническую принадлежность.

Интересному археологическому памятнику – городищу Шуроб-Курган, расположенному рядом с Кампыртепа у древней переправы, посвящена статья П.И. Гендельмана, в которой всесторонне

анализируются данные стратиграфического изучения цитадели этого городища и находки, полученные во время раскопок.

Исследованию одного вида ремесленной продукции средневекового Термеза посвящена статья Ш.Р. Пидаева, где подробно рассматриваются найденные в последние годы на городище Старого Термеза изделия из камня. В свете новых находок исследуется техника обработки каменных изделий и торгово-культурные контакты Термеза с другими городами Средней Азии.

Большой научный интерес представляет статья Е.Г. Некрасовой. Автор на основании археологических данных убедительно доказала, что время сооружения знаменитого Кырк-Кыз, прежде относимого к X в., не может быть датировано ранее XIV в.

В сборник включены в основном статьи, содержащие новые или малоизвестные материалы, характеризующие различные проблемы истории и культуры Сурхандарьинской области.

Представляется, что настоящая книга будет с большим интересом встречена учеными и всеми, кто интересуется прошлым Узбекистана.

Директор Международной академии «Шелковый путь»
профессор Кюдзо Като.

К ВОПРОСУ О ПЕТРАХ

Э.В. Ртвеладзе

Во время походов Александра Македонского в Наутаку и Парейтакену его войскам приходилось штурмовать неприступные крепости, которые в античных письменных источниках названы термином "петра", что в переводе на русский язык обычно передается словом "скала".

В этих источниках в совокупности дается название четырех скал: Аримаса, Сисимифра, Согдийская и Хориена.

Однако исследователи этого вопроса считают, что речь идет всего лишь о двух скалах, поскольку в описании двух других детали их штурма войсками Александра повторяются.

Так это или нет – решать текстологам после тщательного сличения сохранившихся рукописей Арриана, Квинта Курция Руфа и Страбона.

Нашей же целью было выявить наличие на местности скал, подобных тем, что приведены в письменных источниках, и определить, что они собой представляли в географическом и археологическом отношении, так как исследователи этого вопроса в основном были кабинетными учеными и не представляли реальной географии горных районов Южного Узбекистана.

Более или менее точно локализовать возможно лишь скалу Сисимифра, так как имеются достаточно отличительные описания географии местности, где она находилась. В отношении других скал таких ориентиров нет и их местонахождение лишь предположительно: Западный Гиссар, вероятнее всего, в пределах современных Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областей Узбекистана. В то же время пока не достаточно археологического материала для установления точного местонахождения этих скал – петра.

Наши неоднократные обследования скал и гор в Кугитанге и Гиссаре не дали сколько-нибудь выразительных археологических находок, которые можно было бы датировать ахеменидским временем, за исключением отдельных фрагментов керамики. Тем не менее позволим себе высказать свои соображения по этому поводу.

Первое. По нашему мнению, скалы – крепости представляли собой лишь временные убежища на случай войн и нашествий, а не стационарные поселения. Примечательны в этом отношении сведения Арриана о наличии в них запасов продовольствия, из которых видно, что до бегства сюда населения в самих петрах или совсем не имелось припасов или они были рассчитаны лишь на небольшое количество людей (IV, 18, 5, 21, 10).

Выявленная к настоящему времени топография расположения археологических памятников показывает, что в VI–IV вв. до н.э. основная часть поселений находилась на небольших саях, в непосредственной близости от выхода их из горных ущелий (Сагдуллаев, 1989, с. 15-16; Лушпенко, 1998, с. 7-11). Другая, но значительно меньшая группа поселений, размещалась в долинах более или менее крупных рек или на боковых протоках рек Кафирниган, Вахш, Сурхандарья, Кашкадарья. Горы и высокогорья, если в эту эпоху и были обжиты, то весьма незначительно и непостоянно. Из найденных поселений самыми “высокогорными” оказались поселения Дабиль-Курган и Сартепа, расположенные на высоте около 1000 м, остальные – на высоте от 200 до 500 м над уровнем моря.

Если верна наша гипотеза, то обнаружение подобных памятников на местности будет весьма затруднительно, поскольку из-за непостоянного проживания населения на них накапливался незначительный культурный слой, который впоследствии мог быть смыт или развеян, как это происходит на многих средневековых скальных поселениях, осмотренных нами в Сурхандарьинской области.

При внимательном рассмотрении текста Арриана, повествующего об осаде “Скалы Хориена”, обращает на себя внимание наличие здесь очень высоких “елей”, из которых по приказу Александра сделали лестницы, предназначавшиеся для штурма (Арриан, IV, 21, 3). Однако в горах Южного Узбекистана ели не росли и не растут сейчас. Поэтому перевод этого слова как “ели” в данном случае неточен. По всей вероятности имеется в виду арча (*Juniperus excelsa*), заросли которой в горах Средней Азии встречаются в основном с высоты более 1000 м и до 2500–3000 м, изредка достигая 3500–3700 м. Но дело еще в том, что высокие породы арчи распространены только в нижних зонах, примерно до 2500 м, выше они становятся все мельче, а на высоте около 3000 м и более приобретают подушкообразную форму (Баранов, 1924, с. 14; Райкова, 1924, с. 63).

Исходя из этого, можно считать, что “скала Хориена” располагалась на высоте от 1500 до 2500 м, где ее и следует искать.

Второе. Из описания греко-римских авторов очевидно, что петры представляли высокие труднодоступные скалы большой площади. Так, скала Аримаса в высоту достигала 30 стадий, а в окружности – 150 стадий и на ней помещались 30000 войска (Курций Руф, VII, XI). Высота скалы Хориена достигала 20 стадий, а окружность 60 стадий (Арриан, IV, 21).

Высота скалы Сисимифра 15 стадий, окружность 80 стадий, верхняя часть скалы плоская, покрыта плодородной почвой, может пропитать 500 человек (Страбон, XI, 4).

Следовательно, при стадии в 191 м окружность скалы Аримаса достигала около 30 км, скалы Сисимифра – 15,3 км, а скалы Хориена на немногим более 10 км.

Сопоставив характеристики особенностей петр, их размеры, данные в греко-римских письменных источниках, мы еще в 70-х годах пришли к

выводу, что они представляют собой особые горные массивы, которые в геологии называют куэстами. В Средней Азии такого рода куэсты с плоской вершиной называют майдан – площадь, тахт – стол, трон, доска или сырт – открытое пространство (Пославская, Атаджанов, 1987, с. 41). Независимо от нас к аналогичному выводу пришел хорошо знающий горы Гиссара М.А. Хашимов, опубликовавший свое мнение в небольшой и интересной книжке, в которой он сопоставил Согдийскую скалу с куэстой Сар – и Маск, возвышающуюся к северу от к. Дербент (Хашимов, 1990, с. 45-49).

Для куэст характерны отвесные вертикальные склоны и плоская ровная поверхность, зачастую покрытая плодородной почвой, на некоторых из них имеются природные родники, а также пещеры. Подобные горы – куэсты довольно часто встречаются в Западном Гиссаре среди горных хребтов. Они бывают сравнительно небольшими и довольно значительными по площади.

Так, куэста Сар – и Маска, возвышающаяся к западу от Тургандарьи, в окружности более 30 км, куэста Сусистаг, расположенная в том же районе и разделенная с куэстой Сар – и Маска долиной Шуробсая, – около 20 км, куэста Капкаглы – Аузы, находящаяся к югу от долины Кичи – Урдадарьк около 15 км.

Все эти куэсты были обследованы нами на предмет выявления археологических памятников. Среди них особо интересные материалы найдены на куэсте Сусистаг.

Эта куэста клиновидной формы, вытянута с юго-запада на восток. С северо-востока она ограничена ущельем Шуробсая, который протекает здесь в глубоком, до 150 м каньоне.

С северо-запада естественной границей куэсты является такая же, но более широкая долина Шуробсая, где у одноименного кишлака выявлено раннесредневековое поселение Актепа, а выше по течению, на правом берегу Шуробсая, сохранились остатки средневекового караван-сарая Абдулла-хана. По долине этой реки, в обход пограничной стены, на юг через перевал Хазрат-баши, а затем по Кугитангдарье к важнейшей переправе через Амударью у Келифа, шел караванный путь. Судя по археологическим памятникам, расположенным вдоль него, эта дорога стала активно использоваться уже в кушанское время.

Она же выводила к знаменитым источникам соли – Хамкан, где добыча этого важнейшего для человека минерала, начавшаяся в глубокой древности, продолжается и сейчас.

С востока куэста Сусистаг ограничена возвышенной долиной р. Шерабад, по которой сейчас на юг к Термезу пролегает Большой Узбекский тракт, а в более раннее время дорога проходила ниже и ближе к реке.

С юга естественной границей куэсты Сусистаг является река Узундара (дословно – длинное ущелье), протекающая здесь в глубоком скалистом каньоне.

Доступ на вершину куэсты возможен по отдельным крутым тропам,

подъем, по которым занимает несколько часов. С северной стороны подъем на нее вообще невозможен, из-за вертикально обрывающихся скал.

Вершина Сусистаг плоская, с заметным уклоном к юго-западу, покрыта плодородной почвой, на которой произрастает, особенно весной, сочная трава, а кое-где сохранились заросли арчи и различных кустарников.

Площадь куэсты настолько значительная, что способна вместить десятки тысяч человек. Обследованием куэсты было выявлено наличие в северной ее части остатков фундаментов, круглых в плане, каменных сооружений, возможно, сторожевых башен. Но наиболее интересные результаты дали исследования на южной оконечности куэсты у ущелья Узундара в 1991 г.

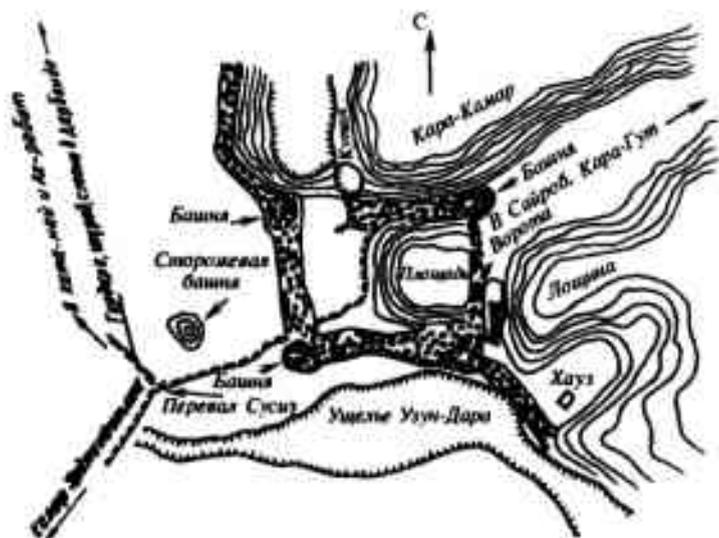
Здесь была выявлена крепость, которая находится на крутом склоне, ограниченном с юга глубоким и скалистым каньоном Узундара, а с севера — более пологим, но не менее глубоким урочищем Кара-Камар, с востока край крепости выходит к широкой ложине; между ней и Кара-Камар проходит дорога, следующая затем в западном направлении к вершине куэсты.

Крепость прямоугольная (160–140 м, по внешнему обмеру), ориентирована по странам света. Каждый из ее углов защищен округлыми в плане башнями до 20 м, стены выложены из каменных плит и глыб, шириной 15–20 м. Сохранившаяся высота 2–3 м, 5–6 м. В центре восточного фасада находились ворота. Внутреннее пространство крепости различно по рельефу. Восточная часть ровная, западная — возвышенная. От северо-западной и юго-восточной башен отходят дополнительные отрезки стен, закрывающие незащищенные пространства вдоль обрыва в ущелье.

За западной стеной имеется ровная площадка, в центре которой в скальном массиве выбит резервуар (9x5) глубиной 1,5–2 м, вероятно, бассейн для сбора и хранения воды на случай осады. Внутри крепости и на стенах ее найдены отдельные фрагменты керамики, относящиеся по ряду признаков к первым векам нашей эры, т.е. к периоду существования Кушанской империи (Ртвеладзе, 1992, с. 4-5).

Еще одно крепостное сооружение, но неопределенного типа находилось на вершине куэсты Сусистаг по дороге к кишлаку Гардара, расположенного в долине Шуробая у западного подножья куэсты. Оно было обнаружено местными жителями при строительстве хозяйственных построек. По словам археолога К.А. Шейко, стены этого сооружения возведены из сырцового кирпича, а археологический материал, найденный здесь, относится к раннему средневековью. Таким образом, проведенные нами исследования впервые выявили не только факт обживания куэст, но возведение на них крепостных сооружений, по крайней мере, уже в кушанский период. Однако не исключено их функционирование и в более ранние периоды, в т.ч. и в ахемендское время.

Географические особенности, большая площадь, строение, природные условия, наличие крепостных сооружений позволяют считать, что именно подобные куэсте Сусистаг горы являлись теми петрами, которые

План крепости Узундара.

охарактеризованы греко-римскими авторами, описывающими поход Александра Македонского в горные районы Наутаки и Парейтакены, а саму эту куэсту можно сопоставить с скалой Сисимифра.

Литература

- Баранов П.А.** Очерк растительности Чимгана // ИТОРГО, т. XVII, Ташкент, 1924, с. 14; **В.И. Масальский.** Туркестанский край. СПб, 1913, с. 230–2635; **И.А. Райкова.** Материалы к ботанико-географической характеристике Памира // ИТОРГО, т. XVII, Ташкент, 1924, с. 63.
- Лушпенко О.Н.** Раннежелезный век Южного Согда. Самарканд, 1998, с. 7–11.
- Пославская О., Атаджанов И.** По подземному царству Узбекистана. Ташкент, 1987, с. 41.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В.** Северная Бактрия – Тохаристан. Ташкент, 1990, с. 21–25;
- Ртвеладзе Э.В.** Фортификационные сооружения на северных границах Кушанского государства // МАСКАН, № 5–6, Ташкент 1992, с. 4–5.
- Сагдуллаев А.С.** Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа. Автореферат докт. диссертации. М., 1989, с. 15–15;
- Хашимов М.А.** По следам легенд. Ташкент, 1990, с. 45–49.

КЕРАМИЧЕСКИЕ ПЕЧИ ГРЕКО- БАКТРИЙСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЦИТАДЕЛИ ДАЛЬВАРЗИНТЕПА

А.А. Восковский

С 1996 по 1999 гг. узбекскими (Институт искусствоведения, г. Ташкент) и японскими (Университет Канадзава, Музей Древнего Востока, г. Токио) учеными ведутся археологические раскопки на больших площадях в юго-восточной части цитадели городища Дальварзинтепа, в Шурчинском районе Сурхандарьинской области.

Проводится планомерное послойное вскрытие архитектурных остатков. Вместе с тем на квадрате 20 К раскопа ДТС-4 автором изучена стратиграфия площади цитадели до уровня материкового слоя.

Шурф размером – 6х4 м (по достижении уровня материка его размеры составляли 5,5х2,70 м) прорезал почти десятиметровую толщу культурных напластований. Культурный слой включает архитектурные остатки девяти строительных периодов, самый ранний из которых (глубина залегания – 7,50 – 9,80 м от дневной поверхности) датируется греко-бактрийским, а самый поздний – раннесредневековым периодами.

В слое вскрыты остатки двух круглых двухкамерных керамических печей. Их топочные камеры вырыты в материковом грунте. Синхронное печам помещение, часть которого вскрыта в северо-западном углу шурфа, также заглублено в материковый грунт.

ПЕЧЬ 1. Частично сохранились стенки камеры обжига (на высоту 25–30 см от пода в юго-восточной части), около 3/4 площади пода и топочная камера. Стены камеры обжига сооружены из пахсы, в ходе функционирования печи сильно прокалились. Толщина пода 25 см, в его сечении прослеживаются до 6 слоев толщиной 3–5 см, в глину, послужившую для его изготовления, была добавлена рубленая солома. Под снабжен круглыми вертикальными, упорядоченно расположенными продухами диаметром 5 см. В сохранившейся части пода их 7. Упорядоченное расположение продухов позволяет считать, что всего их было 12. Высота топочной камеры от нижней плоскости пода до ее дна составляет 1,5 м. Диаметр на стыке с подом 0,65 м, в нижней 1/3 высоты, т.е. в месте максимального расширения 1,25 м. Внизу камера сужается, переходя в уплощенное дно. Верхняя часть топочной камеры на стыке с подом подверглась штукатурной доработке – с использованием глино-

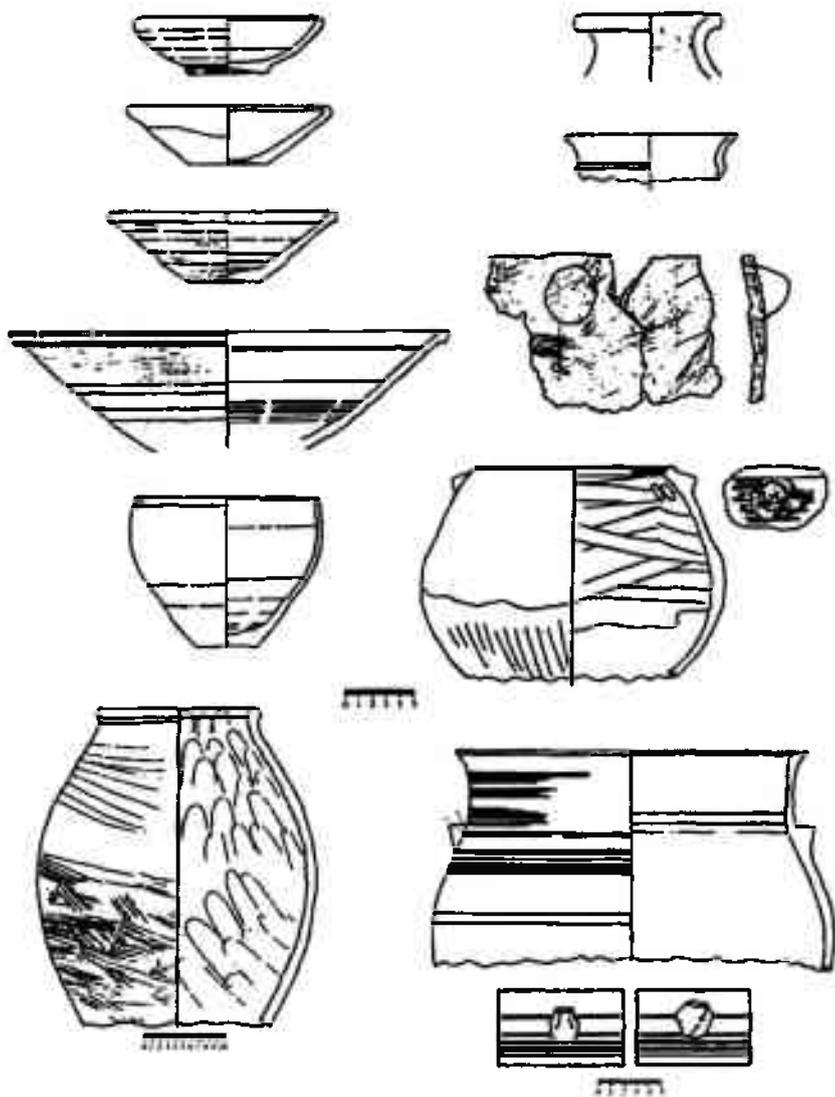

Рис. 1. Первый строительный период.

саманного раствора, место стыка закруглено, а между расположенными по краю продухами устроены вертикальные ребра. Устье топки обращено на запад, ее нижняя часть находится на высоте 0,9 м от топочной камеры, высота около 0,4 м.

Незначительная ошлакованность стенок камеры позволяет предполагать, что печь функционировала недолго. Нижняя треть объема камеры заполнена золой, включающей фрагменты керамических сосудов. Зола перекрывал рыхлый грунт, попавший в камеру через пролом в поду.

ПЕЧЬ 2. Вскрыта и зафиксирована восточная часть, поскольку западная перекрыта многометровыми культурными напластованиями. Благодаря вскрытию опорного столба можно считать вскрытой 1/2 часть остатков печи. Сохранилась весьма незначительная часть пода толщиной 30 см, с одним круглым продухом диаметром 6 см (в южной части), и топочная камера. Ее глубина от нижней (внутренней) плоскости пода до дна составляет 1,3 м; наибольший диаметр в верхней части 1,65 м, в нижней – 1,4 м. Диаметр опорного столба 0,25 м, в месте стыка с подом он плавно расширяется. В его верхней части просматриваются кирпичи, послужившие для его сооружения, их размеры не читаются.

Стены камеры сильно ошлакованы. Во вскрытой части топочной камеры устье топки не обнаружено, следовательно, оно было обращено на запад (как у печи 1), возможно с отклонением к югу или к северу.

Камеру заполняли обломки пода и колья прокаленной докрасна глины, возможно, являющиеся фрагментами камеры обжига.

Морфологический анализ керамики из слоя позволяет датировать ее греко-бактрийским временам (рис.1).

Однако, следует отметить некоторую упрощенность выделки сосудов и частичную утерю характерных признаков сосудов греко-бактрийского времени. Их поверхности шероховаты, в ряде случаев не ангобированы. Венчики "рыбных блюдец" не имеют столь характерного клювовидного сечения.

Отмеченные особенности указывают на частичную утерю эллинистических традиций в изготовлении керамики, что, в свою очередь, позволяет несколько "омолодить" комплекс и датировать его пределами II в. до н.э.

Этим же временем могут быть датированы печи, обнаружение которых дополнило уже имеющиеся данные о керамическом производстве эллинистического периода в истории Южного Узбекистана.

ДРАХМА АГАФОКЛА ИЗ ДАЛЬВАРЗИНТЕПА

Д.В. Русанов

История исследования городища Дальварзинтепа в Шурчинском районе Сурхандарьинской области Узбекистана насчитывает более 50 лет. Более тридцати лет здесь ведут стационарные раскопки ученые Узбекистана. Последние десять лет в исследованиях принимают участие ученые из Японии. По результатам работ очевидно, что в раннесредневековый период на цитадели Дальварзинтепа находился крупный жилой комплекс.

Среди обнаруженных находок особенно интересной является монета, найденная в верхнем культурном слое. Это редкий раннеаббасидский фельс второй половины VIII в. [Русанов 1999, 84-86]. Находка этой монеты имеет принципиальное значение для истории Дальварзинтепа – крупнейшего, после Старого Термеза, города Северной Бактрии – Тохаристана, который в конце VIII в. перестал существовать как населенный пункт.

В результате археологических исследований цитадели Дальварзинтепа, проводимых в 1999 году, обнаружены новые монеты, среди которых есть уникальные. Одной из таких является драхма Агафокла (185-170 гг. до н. э.), найденная на участке ДТС-6, на уровне 6,87 м (от базового репера), на глубине 5,74 м от современной дневной поверхности (шифр 64034). Монета находилась в заполнении на высоте 0,60 м над плотным уровнем улицы или двора. До очистки ее диаметр составлял 1,9 – 2,0 см, толщина 2-3 мм.

После очистки монеты стало различимо изображение (рис. 1, 2).

Погрудное изображение правителя вправо. Кудрявые волосы перехвачены диадемой, которая лентами спускается на спину. Лицо в профиль, лоб с выступающими надбровными дугами, нос крупный прямой, тонкие губы сжаты, подбородок выступает вперед. На груди различимы складки одежды. Ободок монеты оформлен точечным кругом.

В центре стоящая фигура Зевса. Торс оголен, через левое плечо перекинута ткань одежды (гиматий), которая волнами спускается вдоль левого бока. Левая рука, согнутая в локте и приподнятая, держит – скипетр. Правая рука отведена в сторону и поддерживает маленькую фигурку Гекаты, в руках которой два факела. Под ней располагается монограмма. Справа и слева от фигуры Зевса греческая легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΥ – царя Агафокла.

Рис.1.

Рис.2.

Рис.3.

Монеты Агафокла.

Драхма. Диаметр – 1,8 – 1,9 см, толщина – 3 мм, вес – 3,5 гр.

До настоящего времени на городище Дальварзинтепа были найдены два медных халка Евтидема (235 – 200 гг. до н.э.) и драхма Деметрия (200-185 гг. до н.э.). (Rtveladze 1978, 227 – 228; Дальварзинтепа шахристони 1996, 65, № 228). Монеты Агафокла встречаются на территории Средней Азии редко. Всего в публикациях упоминается 17 его монет.

Две Тетрадрахмы из клада окрестностей города Бухары с именем Антиоха и Евтидема. (Rtveladze 1984, P. 65; 71; Pl. IV 49, 50).

- Купроникелевый дихалк(?). Термез. Музей Истории народов Узбекистана.

Бюст Диониса вправо/ шагающая пантера вправо (Зеймаль 1983, С. 46; Rtveladze 1984, P. 71).

- Купроникелевый дихалк(?). Музей Истории народов Узбекистана (шифр ТШ 15/18)

Бюст Диониса вправо/шагающая пантера вправо. (Зеймаль 1983, С. 46).

- Бронзовый тетрагалк (?) Зартепе. Южный Узбекистан.

Бюст Диониса вправо/шагающая пантера вправо (Массон 1977, С. 141).

- Две драхмы из коллекции Б.Н. Кастальского. Самаркандский музей (Зеймаль 1983, С. 46).

- Купроникелевый тетрагалк (?). Тахти Сангин, Храм Окса.

Бюст Диониса вправо/шагающая пантера вправо. (Древности Таджикистана 1985, С. 48; Zeimal 1997, P. 90, 106, 108 13(по.349)).

- То же, но дихалк (?).(там же).

Рис.4.

Рис.5.

Монеты Агафокла.

- Тетрадрахма. “Кулябский район”, Таджикистан.

Бюст царя в диадеме вправо/ стоящий Зевс-Гекатофор. (Массон 1948, С.42-44; Зеймаль 1983, С. 54).

В составе Амударьинского клада также имелись 7 монет Агафокла, в том числе три купроникелевых дихалка. Принадлежность монет этого правителя Амударьинскому кладу спорна, так как они “...выпадают из общего хронологического ряда...” клада [Зеймаль 1983, С. 43-44]. Однако, несмотря на то, что монеты могли быть примешаны к предметам Амударьинского клада, мы учитываем их, так как место нахождения клада сейчас сопоставляется с городищем Тахти-Кувад в Южном Таджикистане (Северная Бактрия).

Все описанные выше монеты можно разделить на пять иконографических типов:

1. Бюст Диониса вправо/ шагающая пантера вправо (рис.3).

2. Бюст Евтидема в диадеме вправо в точечном круге/ фигура сидящего обнаженного Геракла (рис.4).

3. Бюст Антиоха в диадеме вправо в точечном круге/ фигура стоящего обнаженного Зевса с пучком молний в правой руке и вытянутой левой рукой с эгидой (рис.5).

4. Бюст царя в диадеме вправо/ стоящий Зевс-Гекатофор (рис.1).

5. Женская фигура влево/ львица вправо.

К какой группе или типу можно отнести дальварзинтепинскую находку?

На лицевой стороне дальварзинтепинской драхмы волосы правителя перехвачены диадемой, подобной тем, которые изображены на портретах Евтидема и Антиоха. Известно, что диадема Диониса, как правило, оформлена вьющимся плющом, чего мы не видим на дальварзинтепинской драхме, поэтому можно утверждать, что изображен портрет Агафокла (рис.1,2).

При внимательном рассмотрении оборотной стороны, можно заметить, что женское божество в руках держит факелы. Верхние части изображенных факелов показаны как языки пламени. Божество, атрибутом которого может быть факел, – Геката – богиня мрака и ночных видений, получившая в дар от Зевса власть над судьбой земли и моря [Мифологический словарь

1991, С. 143]. Таким образом, можно предположить, что на оборотной стороне дальварзинтепинской драхмы изображен Зевс-Гекатофор. К настоящему времени для территории Северной Бактрии известны две монеты подобного типа: случайная находка тетрадрахмы из Кулябского района Таджикистана и новая находка из Дальварзинтепа. В отличие от большинства находок греко-бактрийских монет, дальварзинтепинская драхма обнаружена в культурном слое, который относится к начальному периоду формирования поселения на цитадели Дальварзинтепа (III – II вв. до н.э.). Эта дата подтверждается также результатами радиоуглеродного анализа проведенного, в лаборатории Оксфордского Университета. Анализы проведены Dr. Christopher Bronk Ramsey (Deputy Director), Radiocarbon Accelerator Unit, Research Lab for Archaeology and the History of Art, 6 Keble Road, Oxford OX1 3QJ.

Литература

Дальварзинтепа шахристонӣ (кадимшунослик таджикотлари якунлари) Токио, 1996.

Древности Таджикистана (каталог выставки), Душанбе, 1985.

Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.

Zeimal E.V. Coins from the excavations of Takht-i Sangin (1976-1991). Studies in Silk Road coins and culture. Silk Road Art and Archaeology. Special vol., Tokyo, 1997.

Массон М. Е. Неопубликованные находки греко-бактрийских монет на территории Таджикской ССР до 1917 г. Сообщения Таж. ФАН'а СССР, вып. VII, 1948.

Массон В. М. Зар-тепе – кушанский город в Северной Бактрии. История и культура античного мира. М., 1977.

Мифологический словарь, М., 1991.

Ртвеладзе Э. В. Монетные находки на Дальварзинтепа. Дальварзинтепа: Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Rtveladze E. V. La circulation monétaire au nord de L'Oxus a l'époque Greco-Bactrienne. Revue numismatique, t. XXVI, 1984.

Русанов Д. В. Раннеаббасидский фельс из Дальварзинтепа. Нумизматика Центральной Азии. Вып. IV, Ташкент, 1999.

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЮГЕ ГИССАРСКОГО ХРЕБТА

К.А. Абдуллаев, Т.Д. Аннаев

Могильник Рабат (название условное) находится на правобережье Байсунся в 3 км южнее райцентра Байсун. Общая протяженность его до момента земляных работ была не менее 100–120 м. В связи с тем, что верхняя часть могильника разрушена, он сохранился лишь до уровня погребальных камер. В процессе обследования были выявлены 10 погребальных ям с остатками костяка и сопровождающего инвентаря:

1. Могила разрушена полностью при земляных работах, здесь удалось расчистить лишь контуры могильной ямы;

2. Расположено к югу от погребения 1, сохранилось на уровне погребальной ямы. Костяк лежит на спине, ориентирован с севера на юг. Скелет принадлежал, по всей видимости, женщине – об этом свидетельствует набор украшений и характер костяка (определен антропологом С. Мустафакуловым). Над изголовьем погребенной помещен цилиндрикоконический бокал, а в разрушенном дромосе (надмогильной ямой) найдено бронзовое зеркало;

3. Расположено параллельно погребению 2 на расстоянии 1,5 м к западу от нее. Могильная яма овально-продолговатой формы. Костяк сохранился очень плохо, расчищены лишь части черепной коробки. Из погребального инвентаря сохранились несколько бронзовых женских украшений и одноручный керамический кувшин, расчищенный за головой погребенного. По аналогии с вышеописанным погребением костяк был ориентирован, по всей видимости, на север;

4. Сохранилось на уровне погребальной ямы, на северо-восточной стороне которой видна кладка из крупных, сложенных в один ряд вдоль ямы камней. Скелет находился в вытянутом положении, головой на север, сохранность костяка очень плохая. За головой погребенного обнаружены красноангобированный горшок и чаша с остатками пищи;

5. Расчищено на расстоянии 3,5 м к западу от погребения 4. Костяк ориентирован на север, сильно потревожен, сохранность плохая. Из сопровождающего инвентаря обнаружены несколько фрагментов бронзовых браслетов и бус. За головой погребенного расчищены сероглиняная чаша и горшок;

6. Расположено между погребениями 4 и 5. Из-за отсутствия сопровождающего инвентаря, стратиграфии могильной ямы, а также по

состоянию костей скелета, погребение это, по всей вероятности, относится к более позднему времени;

7. Расположено на расстоянии 1 м к северу от погребения 5. Могильная яма овальной формы, западная стенка ее, в отличие от предыдущих погребений, выложена сырцовым кирпичом. На уровне 6 см от современной поверхности расчищен костяк. Кости лежали хаотично, череп находился в отдалении от скелета в перевернутом вниз положении. Вокруг черепа было скопление булыжников. Сопроводительный инвентарь включал небольшой кувшинчик и бронзовую серьгу;

8. Расчищено на расстоянии 1,7 м западнее погребения 7. Могильная яма овальной формы. Костяк сильно деформирован, лежал на спине, головой на север. В области височной части черепа была обнаружена бронзовая серьга;

9. Находилось на расстоянии 5,5 м к северу от погребения 8. Форма могильной ямы аналогична вышеописанным, костяк лежал в вытянутом положении в северном направлении. С левой стороны скелета в области тазобедренных костей обнаружен металлический стержень.

Для сравнительного анализа и предполагаемой датировки могильника представляется необходимым более детальное описание сопровождающего погребального инвентаря. Наиболее целесообразной и приемлемой, на наш взгляд, является характеристика предметов погребений по роду материала.

Металл. Самой многочисленной категорией находок являются изделия из металла, преимущественно из бронзы и железа. Функциональное назначение металлических предметов разнообразно. Одна из находок – бронзовое зеркало округлой формы с утолщенным ободком по краю (ширина 8 мм) и небольшой ручкой с зауженным концом и просверленным для подвешивания отверстием. Ручка была, по всей вероятности, отлита вместе с диском. С обратной стороны зеркала поверхность его утолщается к центру. Восемь браслетов представлены в основном тремя типами. Первый тип, преобладающий, изготовлен из цельного медного прута с утолщением на концах. Браслеты этого типа найдены в количестве 5 штук. Один из них найден в погребении 2; размер 5,5–6 см, остальные в погребении 3; размеры их колеблются от 5,5 до 6,7 см. Второй тип изготовлен в аналогичной технике, но отличается формой. Один конец браслета имеет утолщение, между тем как другой на конце утончается. Третий тип, изготовленный в технике литья, имеет сдвоенную форму, имитирующую, по всей видимости, двойной браслет. Этот тип был найден в погребении 2.

В погребениях обнаружено 5 перстней, один из которых изготовлен из железа, остальные из бронзы. Общим для всех перстней является наличие щитка на верхней части. Перстни можно подразделить на два типа по форме щитка: овальная, характерная для 3 перстней, причем один из них довольно массивной формы (2,5 см) изготовлен из железа и сильно корродирован. На перстне из погребения 2 щиток передает негативное изображение стоящей женской фигуры, держащей в вытянутой руке инвестирующее кольцо. Две

закругленные назад линии, выполненные тонкими вдавлениями, следуют параллельно и изображают, по всей вероятности, крылья. Изображение фигуры вписано в овал щитка, сюжет, представленный на данном перстне, является довольно распространенным в греко-бактрийском и кушанском изобразительных комплексах. Второй перстень из этого же погребения имеет прямоугольный щиток.

Из украшений можно выделить серьги, изготовленные из бронзы, подразделяющиеся на три типа. Первый тип представляет собой тонкую плоскую пластину круглой формы с прямоугольным ушком, прикрепленным к верхней части (диаметр 2,6 см). Второй тип серег изготовлен из круглой в сечении медной проволоки, в центральной части дополнен обмоткой из тонкой проволоки. Третий тип оформлен в виде полумесяца с утолщением в средней части и продольной выемкой с наружной стороны.

К украшениям следует, по всей вероятности, отнести и бронзовый колокольчик конической формы с петелькой, прикрепленной к верхней части. Петля округлой формы с просверленным отверстием в центре. На внешней поверхности колокольчика сохранились следы налипшей ткани, на которых различимы нити и способ их плетения, образующие рисунок сеточки. Диаметр основания колокольчика 3,5 см, высота — 4 см.

В погребении был найден железный стержень. Он округлой в сечении формы. Длина 22 см, один из концов обломан, другой несколько уплощенной формы. Стержень подвергся сильному коррозионному разрушению.

Ожерелье из бус расчищено в погребении в области шейного позвонка. Оно состояло из различных полудрагоценных, поделочных камней и стеклянных бусин. Бусины из стеклянной пасты представлены различными формами (конические, цилиндрические, восьмигранные), подавляющими из которых являются бусины сферической формы с большими сквозными (5 мм) отверстиями. Крупные бусины (диаметр 15 мм) из пасты имеют гофрированную поверхность. В ожерелье входят также три сердоликовые бусины, две из них сферической формы, одна в форме бочонка. В этот же набор включены бусины из черного камня агат (?), отшлифованные в призматическую и пирамидальную огранки. Среди украшений, составляющих ожерелье, имеется раковина каури.

Наибольший интерес в нитке шейного ожерелья представляют 4 мелких подвесок-амулетов, выполняющих функцию оберега. Подвеска фаллической формы с изображением мужских гениталий связана, скорее всего, с идеей плодородия. Верхняя часть подвески состоит из трех, как бы нанизанных друг на друга, конических выступов с вертикальными продавленными линиями. Другая подвеска оформлена в виде стиснутого в "кукиш" кулака, отверстие просверлено в середине, на запястье тонкими параллельными линиями показаны складки рукава, пальцы выполнены в схематической манере. Еще одна подвеска изготовлена из стеклянной массы в виде миниатюрного изображения амфоры. Корпус украшен продольными линиями, петля с просверленным на ней отверстием находится над горловиной.

Четвертая подвеска сделана в виде кисти винограда и украшена углублениями, расположенными в шахматном порядке. Ушко (петля), расположенное в верхней части, имеет вид широкой полоски с тремя рельефными линиями. Всего ожерелье включает 23 бусины.

К погребальному комплексу можно отнести подъемный материал, собранный на поверхности могильника: несколько фрагментов бронзовых браслетов с утолщенными концами, одноручный кувшин, каменная ступка, изготовленная из белого мрамора (размеры: высота 12 см, диаметр 4,5 см, глубина резервуара 6,5 см) и пестик с округлым навершием (размеры: длина 11 см, диаметр навершия 2,5 см). Пестик изготовлен из глинистого сланца зеленого цвета.

Керамяка. Одноручный кувшин с грушевидным туловом (погр. 1) изготовлен на гончарном круге. Тулово сужается в верхней части и переходит в узкое горлышко. Профилировка венчика треугольных очертаний, дно плоское. Размеры: высота 19 см, диаметр венчика 5,3 см, диаметр поддона 8 см. Сосуд покрыт красным ангобом, излом черепка красновато-коричневых оттенков, тесто мелкоотмученное с добавлением гипса. На тулове под ручкой отверстие. Обжиг равномерный качественный.

Из инвентаря того же погребения отметим миниатюрный сероглиняный кувшинчик, изготовленный из тонкоотмученной глины с ровным качественным обжигом. На плечиках – сколы от ручек сосуда. Тулово имеет форму приплюснутой сферы с плоским дном. Нижняя часть сужающегося горлышка подчеркнута невысоким ребром, нижняя часть тулова по всей окружности подрезана инструментом, верхняя часть не сохранилась. Диаметр донца 3,5 см.

Одноручный кувшин (погр. 3) изготовлен на гончарном круге, нижняя часть подтесана инструментом. Внешняя поверхность покрыта светлым (желтоватого оттенка) ангобом. Излом желтовато-коричневого цвета, без видимых примесей, отмучка тонкая, обжиг равномерный, качественный, ручка прикреплена под основание венчика, на уровне основания ручки следует концентрическая линия. Высота сосуда 14,5 см, диаметр по венчику 6 см, диаметр основания 6 см.

Сосуд с шаровидным туловом, с плавным сужением в нижней части (погр. 4). Горловина цилиндрической профилировки, венчик уплощенный. Изготовлен на гончарном круге. На плечике две продавленные концентрические линии, основание горлышка подчеркнута ребристым рельефом. Нижняя часть подрезана по окружности. Дно плоское, поверхность покрыта светло-коричневым ангобом. Излом желтовато-коричневый с равномерным обжигом.

Невысокая сероглиняная миска (погр. 5) изготовлена из мелкоотмученной глины. По внешней поверхности концентрические линии, образованные посредством вращения гончарного круга. Венчик отогнут вовнутрь, дно плоское. Размеры: высота 5 см, диаметр 17 см, диаметр доньшка 6,3 см.

Миниатюрный одноручный кувшинчик изготовлен из тонкоотмученной

глины. Поверхность покрыта светлым ангобом. Форма венчика уплощенная. Высота 11 см, диаметр венчика 5 см, диаметр донца 5,3 см. Излом розоватого оттенка с качественным обжигом, нижняя часть сосуда подтесана режущим инструментом. Поверхность покрыта светлым ангобом. Ручки, прикрепленные к самому венчику, отходят от него горизонтально.

Сосуд-поильник (погр. 7) изготовлен из тонкоотмученной глины, цвет черепка серовато-желтый, поверхность рыхлая, пористая с включением кусочков гипса. На поверхности сохранились следы красной краски. Носик заостренной формы прикреплен к плечу сосуда. Форма шаровидная с чуть вытянутой верхней частью, венчик треугольных очертаний. Диаметр венчика 5 см, диаметр донца 6,5 см, высота сосуда 12 см. На внутренней поверхности горловины, следы копоти.

Вследствие слабоизученности археологических памятников южной предгорной полосы Гиссарского хребта при датировки функционирования погребального комплекса мы вынуждены обратиться к аналогичному материалу памятников, расположенных в других частях правобережной Бактрии.

Среди погребального инвентаря тулхарского могильника можно отметить аналогичные серьги в виде полумесяца, перстень с овальным щитком, украшенным изображением крылатой фигуры божества. Аналогии с материалом тулхарского могильника заметно и у керамических сосудов из могил Рабата: горшки с невысокой шейкой, сосуд с носиком. А.М. Мандельштам датировал тулхарский могильник последней третью II в. до н.э. — началом первых веков н.э. (Мандельштам, 1966, с. 160, табл. 57, 3).

Основными предметами погребального комплекса, позволяющими установить хронологические рамки памятника, являются: подвеска фаллического типа (погр. 1, 2), подвески в виде миниатюрной амфоры и "кукиша" (погр. 2), виноградной грозди, подвеска в виде скарабеоида (погр. 3), цилиндрикоконический бокал (погр. 2), сероглиняная чаша с выделенным дисковидным поддоном и венчиком, загнутым внутрь (погр. 5).

В материалах некрополя Тепай-шах (погребение 1) прослеживаются аналогии с браслетами с утолщенными концами и колокольчиком конической профилировки. Авторы находок датируют комплекс этого сооружения I—II вв. н.э. (Литвинский, Седов, 1983, с. 61, таб. 30, 2, 3).

Хронологические рамки бытования амулета-подвески фаллического типа по материалам могильника Тупхона приходятся на конец I в. до н.э. — II в. н.э., преимущественно I в. н.э., амфоровидные подвески распространены в I—II вв. н.э., "кукиш" — конец I в. до н.э. — II в. н.э. (Литвинский, Седов, 1983, с. 63).

Помимо материалов погребальных сооружений Бактрии, представляется возможным привлечение аналогий из археологических комплексов I в. до н.э. и более ранних исторических периодов данного региона. В частности, керамический материал раннекушанского поселения Мирзакултепа аналогичен одноручному кувшину, сосуду с носиком, цилиндрикоконическому

бокалу. Несмотря на относительную многочисленность сероглиняной керамики, в комплексе Мирзакултепа отсутствует чаша на дисковидном поддоне с загнутым вовнутрь краем (как в погр. 5). Комплекс Мирзакултепа датируется I в. до н.э. – I в. н.э. (Пидаев, 1978, с. 93).

Сравнительный анализ вещественного материала из могильника Рабат с другими погребальными комплексами Бактрии дает возможность установить более раннюю дату функционирования могильника I в. до н.э. Для определения верхней даты представляется целесообразным привести материал из погребального комплекса Ялангтуштепа. Несмотря на наличие в нем некоторых сходных форм бус, керамический материал имеет сильное отличие. Так, в погребальном инвентаре преобладают кувшины. Могильник Ялангтуштепа датирован II – первой половиной III в. н.э. (Ртвеладзе, 1983, с. 138).

В непосредственной близости от исследуемого могильника расположена крепость Пойкурган. Результаты раскопок на этом памятнике показали время функционирования крепости на протяжении трех строительных горизонтов, причем верхний вскрывается на значительной площади и располагает на настоящий момент археологическим материалом, позволяющим датировать его II в. н.э. Керамический материал верхнего горизонта включает сероглиняные чаши с вертикальным краем, имеющие выделенный кольцевидный поддон, чаши с гофрированным венчиком, невысокие чаши, эволюционировавшие, по всей вероятности, от так называемых "рыбных" блюд. Для рассматриваемого горизонта характерно также полное отсутствие двуручных кувшинов среди красноглиняной керамической посуды. Сероглиняные чаши, как в погребении 5, фиксируются в находках I строительного горизонта. Таким образом, верхняя дата функционирования могильника Рабат I падает на I в. н.э.

Литература

- Дальварзинтепа – кушанский город на Юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
Литвинский Б.В., Седов А.В. Тепай-шах. М., 1983.
Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.
Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. М.–Л, 1966.
Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок. Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
Ртвеладзе Э.В. Могильник кушанского времени у Ялангтуштепа. СА, 1983, 2.
Седов А.В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правобережье Амударьи. СА, 1984, 3.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ КАМПЫРТЕПА В ФОНДАХ СУРХАНДАРЬИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

И.Т. Батыров, К.А. Шейко

С 1987 г. археологический отряд музея начал стационарные раскопки на Кампыртепа и приступил к изучению жилого комплекса, получившего название Р-5. В результате за три сезона в фондах музея сформировалась небольшая, но интересная коллекция находок.

Условно эту коллекцию можно разделить на четыре группы. К первой относится керамический материал (чаши, тарелки, миски, кувшины, горшки, светильники, тагора, хумы). Ко второй – нумизматический материал. Третья, пока малочисленная, – терракотовые статуэтки. Четвертая – металлические изделия.

Одним из самых интересных экспонатов, на наш взгляд, является сосуд-фляга. Тулово округлой формы, плавно переходящее в невысокое узкое горлышко. Место перехода от тулова к горлышку подчеркнуто концентрической прочерченной полосой. Венчик манжетовидный, чуть отогнут наружу. По верхней площадке его проходят две концентрические рифленые бороздки. Две ручки крепились в верхней части тулова. В сечении ручки прямые снизу и овальные сверху. Одна из наиболее выпуклых сторон фляги, в середине чуть приплюснута (сосуд этой частью ставился на гончарный круг). Весь сосуд снаружи и вдоль венчика покрыт красным ангобом. Д. венчика – 5,2 см, Н – 16,5 см. Найден в помещении 2, блок I.

Кувшины выполнены из светлой и светло-коричневой глины хорошей отмучки, без примесей. В основном преобладают округлая, бочковидная и яйцеобразная формы тулова, на которые крепились одна или две ручки.

Как правило, у всех кувшинов невысокое горло, переход от тулова к венчику плавный. На большинстве кувшинов дно вогнутое, но имеются сосуды с плоским дном, на котором следы среза ниткой с гончарного круга.

По внешним стенкам и венчикам кувшинов, а также изнутри по венчику наносился ангоб светлого, светло-коричневого, красного и коричнево-красного цвета. В некоторых случаях ангобом покрывался весь сосуд. Внешние стенки некоторых сосудов украшены орнаментом в виде процарапанных, повторяющихся зубьев пилы или волнообразные концентрические линии. Д. венчиков от 5 до 15 см.

В некоторых помещениях найдены миниатюрные (диаметр венчика 2–3,5 см) кувшинчики, которые, по всей вероятности, использовались как сосуды для специй, благовоний и, вполне возможно, как детские игрушки.

Выделяются два кувшинчика-поильника: первый яйцеобразной, а второй округлой формы тулова, которое плавно переходит в узкое невысокое горлышко. На одном из поильников венчик округлой формы и отогнут наружу. В верхней части сохранился скол от носика и небольшое отверстие для слива жидкости. Сосуд снаружи покрыт кремовым ангобом. Д. венчика 3,8 см, Д. донца – 4,5 см, Н – 9.

На втором сосуде горлышко выделено нечетко. Тулово округлой формы. С одной стороны расположен носик, а с противоположной сохранились следы от ручки, дно чуть вогнутое. Д. венчика – 4,6 см, Д. донца – 4,5 см, Н–7,8 см.

Другая форма керамики представлена чашами конической, усеченно-конической и полусферической форм. Венчики в большинстве случаев загнуты вовнутрь, но имеются экземпляры с прямостоящими, подтреугольной формы в сечении. На некоторых чашах место перехода к нижней части подчеркнуто рядом прорезных концентрических полос. Поддоны невысокие, дно чаши вогнутое, но имеются и плоские. Д. венчиков от 17 до 26 см.

Черепок в изломе светлого, светло-коричневого и красного цвета.

Внутренняя часть покрывалась красным и темно-коричневым ангобом. Снаружи покрывалась только верхняя часть сосуда, но на нескольких сосудах вся поверхность покрыта ангобом.

Другая категория керамики представлена горшками и хумами. Из целых форм имеются два горшка и один хум. Горшки округлой формы. Венчик прямостоящий, Г-образной формы: Д. венчиков от 7 до 15 см.

На некоторых фрагментах по выступу венчика проходят две концентрические бороздки. Орнаментация в виде волнистых линий намечена по верхней части тулова.

Хумы в коллекции представлены двумя экземплярами, из которых один имеет целую форму. Его высота 105 см, Д. венчика 42 см. Он изготовлен из светло-коричневой глины. Горлышко невысокое, плавно переходит в манжетовидный венчик. Тулово яйцевидной формы. Особый интерес представляет оттиск штампа с наружной стороны венчика, на котором изображены два персонажа в эротической позе, один из которых, наклонившись вперед, опирается правой рукой на предмет, напоминающий табурет, изображенный в виде буквы Н. В левой руке над своим туловищем он держит, а может передает второму персонажу, предмет в виде обруча, посредине которого имеется шар меньшего диаметра.

По всей видимости, данный сюжет связан с сексуальной культовой сценой, тогда как обруч передает солярный символ. Неслучайна и передача предмета, на который опирается первый персонаж, в виде буквы – Н, Гелиос, божество солнца, возможно, от HΛΙΟΣ.

На другом фрагменте венчика от хума также имеется штамп в виде круга (д-2,6), в центре которого изображен олень с ветвистыми рогами и подогнутыми ногами. Перед ним расположена ветка. Край круга подчеркнут линией с косыми насечками. Целый хум и фрагмент венчика, на которых имеются вышеуказанные изображения, найдены в помещении 13, II блоке жилого комплекса.

Почти в каждом помещении в процессе раскопок встречались светильники или их фрагменты. В основном все они имеют полусферическую форму тулова, венчик загнут вовнутрь. Дно плоское со следами подрезки. Носик чуть вытянут вперед, на всех светильниках имеются следы закования. Только один светильник ладошкообразной формы, с чуть пониженным краем венчика в месте выхода фитиля. Тесто рыхлое, слоистое. Его размеры Дл-11,5 см, Д-7,5 см, Н-3 см.

Многочисленным материалом в коллекции являются грузила. Их можно разделить на два типа.

I тип – пирамидальной формы с вертикальными гранями, в верхней части имеются сквозные отверстия. Часть грузил обожжена, но встречаются просто высушенные на солнце.

II тип – лепёшкообразной формы, также делятся на обожженные и необожженные, сквозные отверстия просверлены не по центру, а ближе к краю. Эти грузила, по-видимому, применялись в ткачестве и рыболовстве.

В ходе раскопок в большом количестве встречались пряслица из белого мраморовидного камня. В основном все они полусферической формы. На большинстве пряслиц, на сферической части имеются концентрические кольцевые желобки. На всех пряслицах посередине сквозное отверстие.

За три полевых сезона в нумизматический фонд музея поступило 39 медных монет, из которых 36 экземпляров относятся к чекану кушанских царей – Вимы Так [то] (Сотер Мегас), Вима Кадфиз II, Канишки I.

К чекану Вима Так [то] относятся 9 медных монет из разных помещений, из которых одна является малым номиналом – д. 1,2 см.

Аверс – изображение всадника на коне вправо, на голове всадника конический головной убор, перехваченный диодемой, концы которой развеваются за спиной. В правой, вытянутой, руке боевой топорик.

Реверс – погрудное изображение правителя вправо. Волосы, стянуты диодемой, одежда передана складками плаща, скрепленного на плече фибулой.

Правая рука вытянута вперед и держит дротик. В поле монеты слева от правителя тамга, повторяющая тамгу на реверсе.

Длительное время в научных кругах спорным является вопрос о принадлежности чекана монет Сотер Мегаса и его настоящего имени.

Благодаря открытию надписи на каменной плите из Северного Афганистана, выполненной на бактрийском языке, установлена полная хронология кушанских царей и их имена. В частности, установлено, что

настоящее имя Сотер Мегаса – Вима Так [то], который правил с 80 по 90 гг. н.э. (Ртвеладзе, 1998 г., с. 67).

Чекан кушанского, третьего по счету царя – Вимы Кадфиза II представлен 8 медными монетами.

Аверс – фигура стоящего перед алтарем правителя. Правая рука над алтарём, левая на поясе. По кругу надпись.

Реверс – стоящий Шива с поднятой рукой, сзади него священный бык Нанди вправо. Правой рукой Шива опирается на длинный трезубец, локоть согнутой левой руки покоится на спине быка. По кругу монеты надпись (легенда), которая на всех монетах стандартная и по содержанию и по начертанию – “Царя царей, великого спасителя Вимы Кадфиза”.

Медные монеты кушанского царя Канишки I представлены 19 экземплярами, из которых 3 монеты имеют д. 2,2 см, остальные 16 – от 2,4 до 2,9 см.

Все монеты можно разделить на два типа.

I тип. Аверс – фигура стоящего царя, голова повернута влево. Правая рука опущена на уровень пояса, левая согнута и находится на уровне плеча. С левой стороны у нижнего края кафтана имеется тамга.

Реверс – божество с поднятой правой рукой, левая рука опущена на пояс. Фигура изображена фронтально, голова повернута вправо.

II тип. Аверс как на I типе.

Реверс – фигура бегущего божества – ВАДО. Руки подняты, тело показано в экспрессии.

В ходе работ на Кампыртепа установлено, что последними в обращении на объекте Р-5 были монеты кушанского царя Канишки I, который правил в первой половине II в. н.э.

Именно в это время жители покидают укрепление и переселяются на новое место. По нашему предположению, одним из таких мест могло быть городище Зартепа, в 8–9 км северо-восточнее Кампыртепа.

Из других находок необходимо отметить медную бляху с изображением морды льва.

Хорошо переданы уши, глаза, нос, надбровные дуги. От нижней челюсти льва отходят две прямоугольные пластинки с округлыми кольцами и отверстиями посередине. Через эти отверстия продевался железный стержень, а на него одевался язычок. Длина бляхи 7,5 см.

В традиционном искусстве кушан часто выступают звери, птицы и другие природные существа (Ремпель, 1987, с. 19). В описываемой коллекции это не единственный персонаж из животного мира. Изображение петуха на костяной заколке, ручки сосудов в виде фигурок кабана, терракотовые фигурки лошадок, баранов, джейранов.

И если, как пишет Ремпель Л. И., изображения животных на керамике и терракоте на ранних ступенях развития носили тотемный характер, то в

античный период на смену тотемизму приходит магическая символика, более сложный ритуал обрядов, моления и заклинаний (Ремпель 1987, с. 19).

Лев на бляхе из Кампыртепа выполняет функции оберега и выступает как символ власти. Такую же смысловую нагрузку, по всей вероятности, мы наблюдаем и на ручках сосудов. В кушанский период широкое распространение получил прием украшения ручек или стенок сосудов мордами или фигурками льва, обезьяны, кабана.

На одном из сосудов из Кампыртепа имеется ручка в виде кабана. Морда показана продолговато, ноздри с небольшими углублениями, рот приоткрыт – видны клыки, глаза сделаны при помощи пуансонов, ушные раковины выполнены в виде углубления. Туловище расписано вертикальными полосками, вся фигура покрыта красно-коричневым ангобом. Длина – 7,5 см.

В античный период широкое распространение получает резьба по кости. На Кампыртепа найдено несколько таких предметов со следами их обработки. Остановимся на двух, это – костяные заколки. На одной изображен петух, а на другой – плод граната.

Костяная заколка с петухом конической формы. Одна сторона заострена, а другая оформлена изображением петуха. Птица выполнена очень реалистично. Глаза сделаны пуансонами, подчеркнут гребень, хвост, крылья. Длина 13,5, диаметр в верхней части 0,6 см.

Вторая заколка высотой 12 см, диаметром в верхней части 0,6 см.

Одна из ее сторон заострена, а другая оформлена в виде плода граната.

Навершие отделено от стержня двумя ярусами манжетов, прямоугольной и трапециевидной формы. На каждом из них располагается рисунок. На одном – это ряд наклонных пересекающихся полос, на другом – ряд горизонтальных полос.

Персонаж на первой заколке – петух является носителем идеи, символом метафоры. Птица – знак, символ и чувственный образ мироздания и природы. Что касается функционального назначения этих предметов, то, несомненно, они выполняли роль женских заколок. Наиболее широкое распространение заколки получили в первые века до н.э. – первые века н. э. на территории Бактрии.

За время работ на объекте Р-5 найдено 7 терракотовых фигурок, из которых три передают антропоморфные образы, а остальные 4 экземпляра – фигурки животных.

Наибольший интерес представляют терракоты, изображающие людей. Так, на одной из терракот изображена фигура (без головы) человека (пол определить нельзя), одетого в широкое трапециевидной формы длинное платье. От шеи и до конца платья проходят две вертикальные орнаментальные полосы. Внутри одной из них по две пересекающиеся зигзагообразные линии, в образовавшемся таким образом ромбе поставлена точка. По бокам

проходят 2 жгута, оформленные наклонными прорезными полосками. Из под платья выглядывает нога (вторая отбита), вокруг шеи, видимо, была гривна (?). Вся фигурка покрыта красно-коричневым ангобом.

Другая – женская фигурка, изготовлена из глины светло-коричневого цвета. Голова отсутствует, сохранилась шея, предплечье и грудь. Просматривается нагрудное украшение. Глина хорошей отмучки. Боковая и задняя часть терракоты подрезана и заглажена.

На другом фрагменте терракоты изображены постамент, на котором от всей фигуры остались только мужские ноги, облаченные в полусапожки с остроконечными носами. Шаровары вправлены в полусапожки и перехвачены широкой лентой. На левой ноге, чуть ниже колена сохранился край верхней одежды, по всей вероятности, кафтана.

По расстановке ног и постаменту можно предположить, что персонаж данной терракоты восседает на троне. При сравнении этой терракоты со скульптурой кушанского царя Вимы Кадфиза из с. Мат, на наш взгляд, возможна интерпретация данной терракоты, как изображающей Виму Кадфиза или другого кушанского правителя.

Раскопки на Кампыртепа дали прекрасный материал по археологии Кушанской Бактрии, а некоторые из находок несомненно украсят экспозицию Сурхандарьинского областного краеведческого музея.

Литература

Ремпель Л.И. Цепь времен. Ташкент, 1987.

Ртвеладзе Э.В. Новые данные к истории государства кушан. ОНУ, 1997, №5.

ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ КАМПЫРТЕПА

С.В. Левушкина

Состав извлеченных при раскопках Кампыртепа медных изделий определялся методом спектрального лазерного анализа. Исследовано 54 изделия.

Для исследования отбирались изделия хорошей и удовлетворительной сохранности.

Оружие. Три трехлопастных втульчатых наконечника стрел. Размер оперения от 2 до 2,3 см, диаметр втулки – 0,6 см, длина – 1 см (Рис. II. 1–3). Металл изделий сильно минерализован, на изломе черного или темно-коричневого цвета без блеска.

Бытовые предметы. 1. Светильник (Рис. I. 10, 11). Состоит из двух частей: ручка-держатель и площадка. Массивная ручка отлита в форме кошачьего торса. Длина ручки – 9,5 см, толщина 3,5 см. Диаметр сильно деформированной площадки – 7 см, высота бортика – 3 см. Металл составных частей светильника различный. Сохранность ручки хорошая, на изломе металл розоватого цвета с блеском. Сохранность площадки плохая. На изломе металл слоистый, с чередованием сохранившейся и окисленной зон. Металл красноватого цвета с блеском.

2. Крючок (Рис. II. 17). Длина – 4,5 см, высота головки – 3 см, сохранность металла хорошая, на изломе розоватого цвета с блеском.

3. Колокольчик (Рис. I. 18). Литой, толстостенный, часть ручки с отверстием для крепления отломана. Сечение устья круглое, диаметр – 2,5 см. Длина – 5 см, толщина стенок 0,3–0,15 см. Сохранность металла хорошая, на изломе розоватого цвета с блеском.

4. Скоба (Рис. I. 15). Изготовлена из ковальной пластины. Длина – 10 см, ширина – 0,6 см, толщина – 0,2 см. Согнута под углом 125°. Металл сильно минерализован. Сохранившаяся часть имеет красноватый цвет с блеском.

5. Фрагмент чаши от весов (Рис. I. 12), с остатками истлевшей хлопчатобумажной ткани на тыльной стороне плоского дна. На бортике имеется отверстие квадратной формы. Изготовлена из ковального листа. Сохранность плохая, структура металла на изломе слоистая, цвет черный без блеска.

6. Два фрагмента ручек от ковшей (Рис. I. 13, 14). Длина 7,8–8,7 см, толщина 0,2–0,4 см. Сохранность металла плохая, на изломе слоистая, цвет черный без блеска.

7. Литой стержень (Рис. 1. 16). Длина 19,8 см. Сечение круглое, с утолщением на одном конце. Диаметр 0,5–1,0 см. Сохранность металла хорошая, на изломе красноватого цвета с блеском.

Туалетные принадлежности. 1. Зеркала (Рис. 1. 1–8). Всего 8 экз., 4 массивные, кованые, с ручками и валиком на тыльной стороне и выпуклостью в центре. Диаметр диска 10–15 см, длина ручек 3–6,5 см.

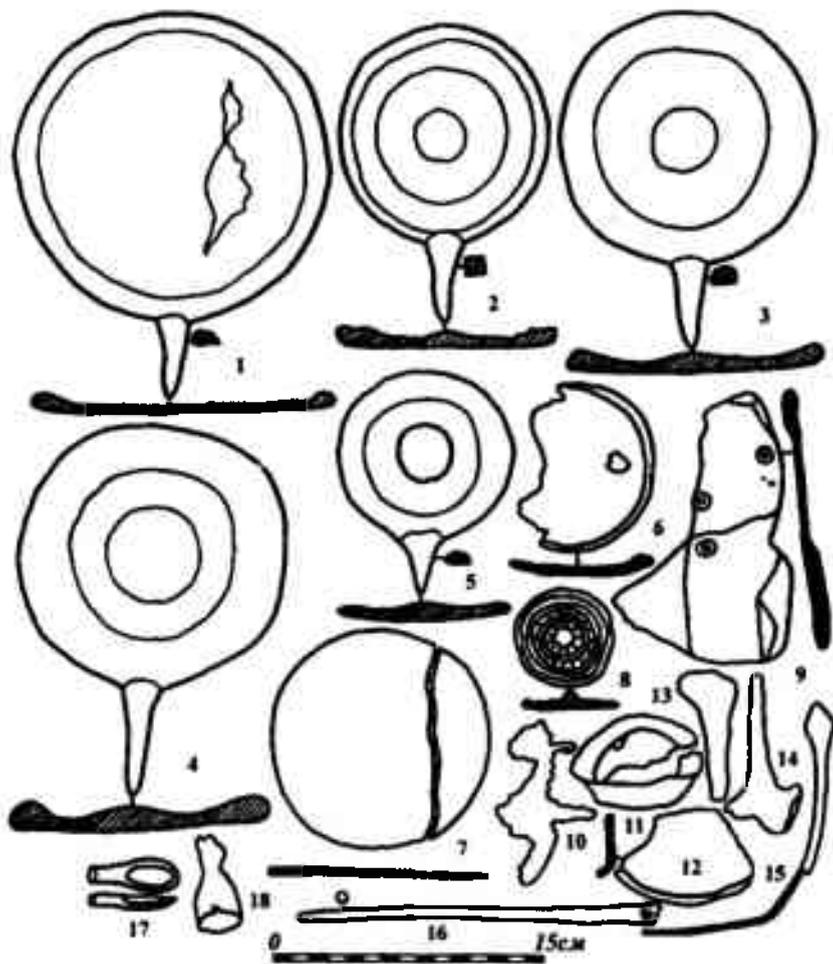

Рис. 1. Металлические предметы Камлыртела

Сохранность металла плохая. На изломе темно-серого цвета без блеска. По краю лицевых сторон имеются широкие и глубокие трещины. 1 экз. – кованное круглое с ручкой, валиком по периметру тыльной стороны, но тонкое и без выпуклости в центре. 1 экз. – зеркало маленького размера с петелькой в центре тыльной стороны и арочным орнаментом вокруг нее. Диаметр диска 5 см. Сохранность металла хорошая, на изломе желтовато-розового цвета с блеском. 2 экз. – круглые зеркала без ручек, одно представлено фрагментом, слегка выпуклое с лицевой стороны. Сохранность металла плохая, структура слоистая, цвет на изломе черный без блеска.

2. Пуговица (Рис. II. 6). Литая, круглой формы, невысокий бортик служит рантом под камень-вставку, который не сохранился. С тыльной стороны имеется два ряда припаянных петель для крепления к одежде. Сохранность металла плохая, структура рыхлая, на изломе черного цвета без блеска.

3. Бляшки (Рис. II. 7, 23, 24, 27). Разной формы и размера, 2–3 см. Хорошей сохранности. На изломе металл от красноватого до светло-желтого цвета, в зависимости от состава, с блеском.

4. Булавки с навершием в виде кольца (Рис. II. 14–16). Диаметр кольца – 2,5 см. Сохранность металла плохая, на изломе черного цвета без блеска.

5. Подвески (Рис. II. 24, 8). Треугольной формы. Со сторонами треугольников 2,2–3 см. Металл первой белого цвета, с поверхностной позолотой, второй – плохой сохранности, на изломе черного цвета без блеска.

6. Фрагмент литой накладки с отверстиями в углах, для крепления (Рис. II. 25). Внутри рамки (4,2×4,2 см) отлит всадник на колено-преклоненном коне. Металл хрупкий, на изломе имеет рыхлую структуру розоватого цвета с блеском.

7. Ложечка для подогревания косметических составов или лечебных мазей (Рис. I. 17). Длина вместе с втульчатой ручкой – 4,8 см, ширина – 1,5 см, диаметр втулки – 0,7 см. Сохранность металла хорошая, на изломе розового цвета с блеском.

9. Гвоздики для крепления накладок или бляшек на костяную или деревянную основу (Рис. II. 4, 5). Шляпки полусферической формы, концы заострены и загнуты под прямым углом. Сохранность металла хорошая, на изломе красноватого цвета с блеском.

10. Булавки с различной формы навершиями (Рис. II. 18–22, 26). Сохранность металла удовлетворительная или хорошая, в зависимости от состава металла на изломе красноватого или желтого цвета с блеском.

Личные украшения. В эту категорию изделий входят кольца, перстни, браслеты, серьги, височные подвески.

1. Литые кольца и перстни (Рис. II. 33–36). Ободки разного размера с диаметром 1,4–1,9 см. В качестве вставки к ободку либо припаяна пластина с матричным оттиском божества-покровителя, либо литая глухая оправа

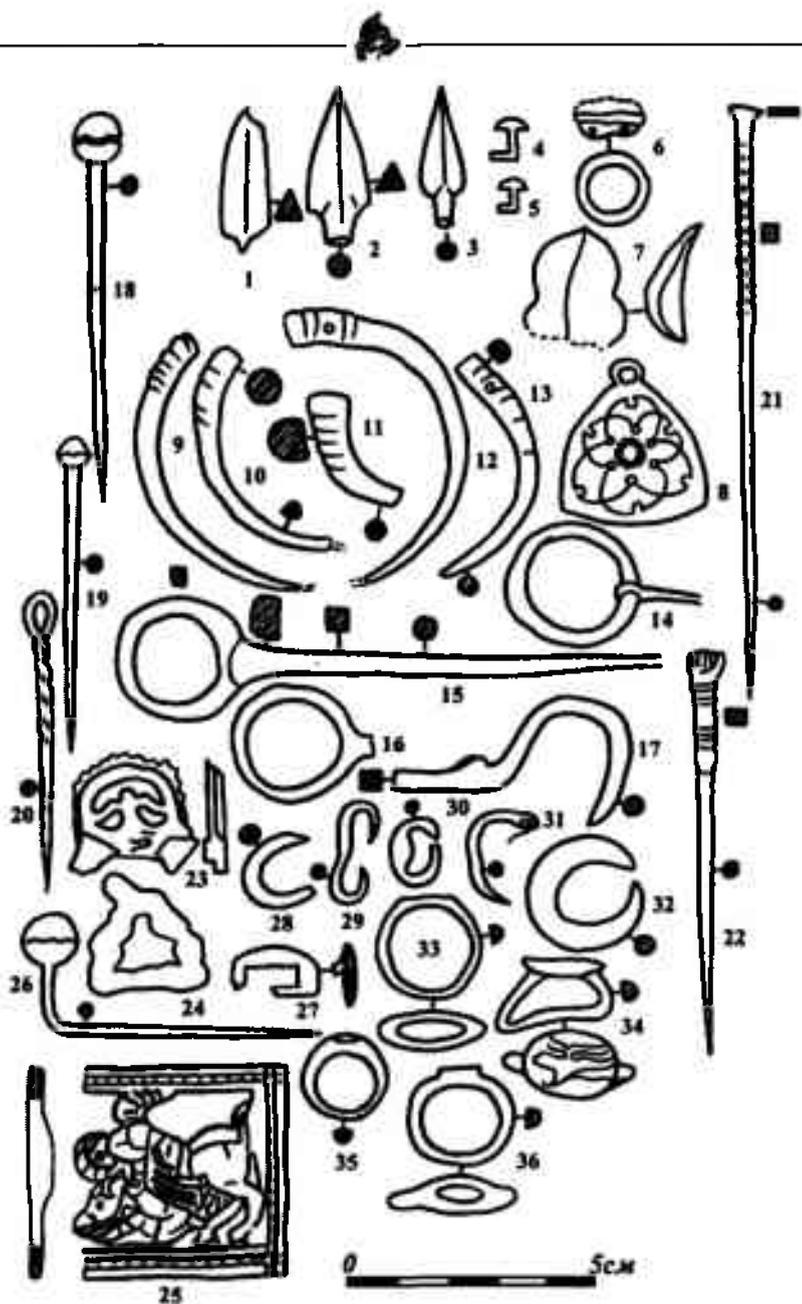

Рис. II. Металлические предметы Камлыртапа.

под камень. Камни не сохранились. На изломе металл розоватого цвета с блеском.

2. Серьги, 4 экз. (Рис. II. 28–31). Традиционной формы в виде полумесяца. Один экземпляр с утолщением посередине. Металл на изломе желтого цвета с блеском.

3. Литая височная подвеска (Рис. II. 32). Традиционной формы “калач”. Диаметр 0,2–0,87 см. Металл на изломе черного цвета без блеска.

4. Браслеты (Рис. II. 9–13). Представлены фрагментарно. Традиционной формы с утолщающимися концами и насечками на них, по 4–5 штук на каждом. Сохранность удовлетворительная, металл на изломе розоватого цвета с блеском.

Путем графического сопоставления процентного содержания примесей олова, свинца, цинка, железа, висмута, сурьмы и мышьяка (по горизонтали) с концентрациями серебра (по вертикали), удалось выявить три химических элемента – висмут, сурьму, мышьяк, наличие или отсутствие которых можно считать дифференцирующим признаком для состава цветного металла Кампыртепа. Таким образом, было выявлено 7 групп с родственными химическим чертами.

Самыми многочисленными оказались изделия двух групп: 1 – без примеси висмута, сурьмы, мышьяка – 13 экз., и 6-й – с примесью одного висмута 0,001–0,05% – 16 экз., 7 – группа с присутствием висмута (до 0,1%), сурьмы (до 0,1%) и мышьяка (0,1–0,5%) – 6 экз. (Табл. 1). Возможно, варианты примесей к меди этих групп характеризуют рудные источники кушанских металлургов.

Цветной металл хронологически близких городищ (Айртам, Ялангтуштепа, Дальварзинтепа), хотя и охватывает более широкие временные границы бытования, также возможно поместить в сходные химические группы, но в ином количестве.

Айртам – поселение I в. до н.э. – III в. н.э. Один из крупных буддийских центров Бактрии. Цветной металл (Табл. II. См. Приложение) попадает преимущественно в 7 группу – 17 экз. (81%). В 4–6 группы вошли единичные изделия, а металл первых трех групп и 6 вообще отсутствует.

Некрополь Ялангтуштепа открыт и описан Э.В. Ртвеладзе. Судя по монетным находкам, использовался для захоронений в промежутке между правлением кушанских царей Сотера Мегаса – Васудевы. (Ртвеладзе, 1983 с. 125–143). Цветной металл могильника (Табл. III), по аналогии с айртамским, попадает преимущественно в 7 группу – 23 экз. (80%), 4 и 6 группы представлены единичными изделиями, а первые три и 5 отсутствуют.

Металл городища Дальварзинтепа (Табл. IV), представлен сравнительно малым числом изделий, в основном из камер науса, датированных монетами кушанских царей от Сотера Мегаса до Васудевы II. И хотя металл происходит преимущественно из верхних, более поздних слоев, датировать

его производство довольно сложно. По своим химическим характеристикам преобладающая часть изделий, попадает в 7 группу (с примесью висмута, сурьмы, мышьяка) – 11 экз. (65%). Пять экземпляров – в 4 группу (без примеси сурьмы) (30%). Остальные группы представлены единичными предметами.

Таким образом, исходя из количественной локализации металлоизделий со сходным химическим составом, металлурги Кампыртепа предпочитали иные рудные месторождения, отличные от тех, рудой которых пользовались айртамские, ялангтушские и дальварзинтепинские мастера. Но, видимо, между жителями этих поселений и Кампыртепа существовал активный товарообмен, чем можно и объяснить появление единичных экземпляров с нетипичным для данного поселения составом металлоизделий.

Исследователи древнего металла, изучая его состав и свойства, пришли к выводу, что наиболее ранние медные сплавы содержат примеси олова и золота, а при выплавке из колчеданных руд и железа. Это обуславливалось как исходным составом руд, так и профессиональными навыками мастеров. Со временем, от поколения к поколению росло мастерство, накапливался опыт определения зависимости свойств металла от конкретных добавок. Освоена плавка металла с комплексом заданных свойств. Этапы этого процесса отразились не только в таких радикальных изменениях, как переход от меди к бронзе, латуни, позднее и железу. Различные моменты фиксируются и в количестве и в ассортименте микропримесей характерным для каждого периода рецептом.

Кушанское государство – это период развитого железа, когда повсеместно изготавливают орудия труда, оружие, бытовую утварь, отчасти украшения. Сплавы меди в это время идут преимущественно на чеканку монет, украшений, туалетных принадлежностей. Сырье для этого добывалось из медно-колчеданных и полиметаллических руд, поэтому в изделиях была неизбежна микропримесь железа, порядка 0,01–0,5%, что отмечается в ранних кушанских медных сплавах. Логично предположить появление сплавов меди с железом. Действительно, при Кадфизе II монета чеканится из меди с примесью железа около 3%. В монетах последующих царей эта стабильность нарушается и возвращается к прежним концентрациям. А в составах цветного металла повторяются закономерности, выявленные для нумизматического материала. В одной третьей части цветного металла из Кампыртепа наблюдается постоянная 3% примесь железа (Табл. 1). В изделиях из Айртама таких составов около 10%, не отмечаются вовсе в ялангтушских и дальварзинских. Металлурги Кампыртепа пошли еще дальше. Среди находок есть бляшка (Рис. II. 23) с уникальным для кушанского времени составом типа томпак – сплав меди с железом, цинком, с примесью до 8% свинца (Табл. I, 32). Сочетание меди с железом стало широко применяться только в развитом средневековье. С повышением

концентрации железа в кушанском цветном металле коррелирует примесь микроколичеств молибдена, который попадал в сплав, видимо, с железом.

Другим признаком древности металла является наличие в его составе микроконцентраций золота. Эта закономерность была ранее подтверждена автором при спектральном изучении сплавов кушанских монет. В наиболее ранних из них примесь золота находится в границах 0,001–0,01%, начиная с монет Канишки, она отсутствует в уловимых пределах. Есть, конечно, и отклонения от этой тенденции, но они свидетельствуют либо о том, что монеты ранних царей могли чеканить и в последующие после их правления годы, либо о том, что чеканка монет не была централизована.

В металле из Кампыртепа в 80% случаев сплавы меди не содержат примеси золота. Металл синхронных городищ менее однороден: Айртама только в 33% случаев не содержит золота, Ялангтуштепа – 29%, Дальварзинтепа – 28%. Возможно, подавляющая часть предметов из этих поселений была изготовлена в раннекушанское время, либо металлурги придерживались иных традиций при плавке металлов по устоявшимся рецептам, потому что обстоятельства попадания изделий в тот или иной хронологический слой не известны.

В отношении металлургической характеристики изделий из Кампыртепа можно отметить, что изделия, применение которых в быту или на войне требовало легкости, механической прочности и тонкого поперечного сечения, производились из чистой меди с последующей холодной ковкой и упрочняющим обжигом при невысокой температуре (200°), потому что, чем чище медь, тем лучше она куется, и тем тоньше лист можно из нее получить. Таковы наконечники стрел (Рис. II. 1–3), гвоздики-заклепки (Рис. II. 4, 5), зеркало (Рис. I. 1), площадка светильника (Рис. I. 2), отдельные виды булавок (Табл. II, 21), ручки ковшей (Рис. I, 13, 14), весовая чашка (Рис. I, 12), височная подвеска (Рис. II, 32), стержень (Рис. I, 16). Сохранность массивных предметов, как правило, удовлетворительная, местами даже есть металлическая основа, но тонкого металла – очень плохая. В дошедшем до нас состоянии он слоистый, хрупкий, на изломе черного цвета, состоит из окисленных форм.

Кроме меди, как и в других вышеназванных синхронных городищах, применялись двухкомпонентные сплавы: 1) меди с оловом (бронзы): с низким содержанием олова (0,1–0,9%) – зеркала (Рис. I. 2, 5), перстень (Рис. II. 33), бляшка (Рис. I. 7) и высоким содержанием олова (до 6%) – зеркала (Рис. I. 3, 4, 6, 7), литая накладка на пояс (Рис. II. 25). Эти составы сравнительно лучшей сохранности, но куются они плохо, литейные качества также низкие. Металл на изломе рыхлый, пористый. В данном случае, видимо, механической прочности изделия был предпочтителен более высокий художественный уровень внешнего вида.

Другим видом двухкомпонентного сплава было сочетание меди с цинком

(латуни). Эта разновидность представлена металлом серег (Рис. II. 28–31). Сохранность металла, литейные и механические качества хорошие.

Особой популярностью пользовались трех- и четырехкомпонентные сочетания на основе меди. Это были медно-свинцово-оловянистые – с примесью олова до 6% – булавка (Рис. II. 15), бляшки (Рис. II. 24, 27), колокольчик (Рис. I. 18), крючок (Рис. II. 17), браслеты (Рис. II. 10, 11) ручка светильника (Рис. I. 10) и с примесью олова выше 10% – зеркало с петелькой в центре (Рис. I. 8). Медно-свинцово-цинковые: браслеты (Рис. II. 12, 13), пуговица (Рис. I. 6), перстень (Рис. II. 34), кольца (Рис. I. 33, 35).

Четырехкомпонентные сплавы представлены медно-свинцово-цинково-оловянистыми. Такой сложный сплав у булавок с биконическим навершием (Рис. II. 19), булавок-стилей, с навершием в виде кулака правой руки (Рис. II. 22), булавок-уховертки (Рис. II. 20). Сохранность изделий очень хорошая, литье плотное, без поверхностных трещин и внутренних пор. Кроме того, они легко поддаются механической обработке.

Составы отдельных перечисленных сочетаний включают повышенные концентрации никеля, сурьмы, висмута, мышьяка – до 3%. На других синхронных городищах также отмечены сходные составы. Возможно, это импортные изделия или отражение творческих поисков древних ювелиров.

Литература

Левушкина С.В. Химический состав металла монет из Северной Бактрии. В кн. Э.В. Ртвеладзе, Ш.Р. Пидаев, "Каталог древних монет Южного Узбекистана". Ташкент, 1981, с. 94–119.

Левушкина С.В. О химическом составе металла из могильников кушанского времени в Дальварзинтепа, Ялангуштепа, Айртаме. Сб. "Консервация и реставрация музейных художественных ценностей". М., 1989, вып. 3, с. 17–22.

Ртвеладзе Э.В. Кушанская крепость Кампыртепа. ВДИ, 1984, 2, с. 87–106.

Ртвеладзе Э.В. Могильник кушанского времени Ялангуштепа. СА., 1983, 2, с. 125–143.

Ртвеладзе Э.В. Дальварзинский наус. В кн. "Дальварзинтепа-кушанский город на юге Узбекистана". Ташкент, 1978, с. 97–114.

НОВЫЕ ТЕРРАКОТЫ ИЗ КАМПЫРТЕПА

В.П. Никонов

В 1989 г. на Кампыртепа на участке обводной стены между башнями 8 и 10 было обнаружено несколько изделий изобразительного искусства, в том числе уникальный гребень из слоновой кости, декорированный с обеих сторон живописными рисунками, и две терракоты. Первая терракота, найденная в помещении 3, прилегающем к части внутрисконной галереи между башнями 9 и 10, представляет собой иконку-образок в виде оттиснутой в матрице в технике невысокого рельефа (до 13 мм) фигуры воина с непокрытой головой, который стоит в полный рост в фас на низком прямоугольном постаменте; левой рукой он опирается на прислоненный к ноге щит, обращенный к зрителям ребром, правая рука, слегка согнутая в локте, покоится на талии. Скульптурка небольшая: при общей длине фоновой пластины рельефа в 90 мм и наибольшей ширине в 36 мм, высота фигурки 75 мм, наибольшая ширина 22 мм, высота постамента 9 мм; толщина фоновой пластины 1–3 мм (рис. 1). Черепок терракоты красноватого цвета, с частыми вкраплениями песка, что вообще характерно для изделий коропластики из термезского региона; покрывающий ее ангоб желтоватого оттенка. Этот образец был зафиксирован на самом нижнем полу помещения 3, материалы с которого по стратиграфическим наблюдениям могут быть предварительно датированы в пределах I в.н.э.

Ближайшей и пока единственной аналогией этой находке является терракотовая плитка-образок из Сурхандарьинского областного краеведческого музея в г. Термезе (шифр: КП 640–1, инв. № 928), которая происходит с холма Чингизтепа городища Старого Термеза (Пугаченкова, 1971, с. 92, ил. 140) (рис. 2). Несмотря на то, что ее нижняя часть, а также голова оттиснутой на ней фигурки не сохранились, можно говорить об идентичности изображений в целом как на кампыртепинской, так и на термезской терракотах: у персонажей одинаковая военная экипировка и одна и та же поза – в полный рост, перенес тяжесть тела на левую ногу, опираясь левой рукой на приставленный к ней щит. По всей видимости, на этих плитках один и тот же иконографический тип, хотя изображения на них выполнены в разных матрицах, на что указывают различия в манере исполнения, а также в размерах (высота только сохранившейся части термезской терракоты 75 мм, ширина – 45 мм). Наибольшая высота рельефа образка из Термеза – 10 мм, а наибольшая толщина его фоновой пластины – 5 мм. По аналогии с кампыртепинским, он может быть датирован примерно I в.н.э.

Чрезвычайно интересны элементы военного снаряжения персонажей на этих терракотах. Оба они облачены в подходящие до пояса панцири гладкого покроя с рельефно переданной мускулатурой тела. Этот доспех именуется в научной литературе "мускульной" кирасой, которые изготовлялись из металла (бронзы или железа), а также толстой кожи и состояли из нагрудной и спинной частей, соединенных на плечах и по бокам застежками. Нагрудной части панциря этого типа специально придавались очертания человеческого тела, но существовали и кирасы с относительно ровной поверхностью, без искусной моделировки мускулатуры. Кирасы появились в Греции не позднее VIII в. до н.э. и, судя по их вещественным находкам и изображениям на памятниках искусства и монетах, были широко распространены там до эллинистической эпохи (Connolly, 1981, с. 54, 55; Choremis, 1980, с. 10–13, рис. 4–6, 11; Виллер, 1972, рис. 105, 118, 126, 128, 238; Seltman, 1955, табл. XXXIV, 15). На Восток панциря этого типа попали вместе с воинством Александра Македонского. В Бактрии использование "мускульных" кирас отмечено, начиная, по крайней мере, с Греко-Бактрийского царства: так, в них облачены Диоскуры на монетах царя Евкратиды (ок. 170–145 гг. до н.э.) (Cardner, 1886, табл. V, 6–9; Seltman, 1955, табл. IV, 5), а также некоторые персонажи на знаменитых ритонах из Старой Нисы (Массон, Пугаченкова, 1956, табл. VI, XIII, XXVI, XXX), которые, очень возможно, принадлежат к кругу памятников греко-бактрийского искусства (Chirshman, 1962, с. 30; Bernard, 1985, с. 89–91). В дальнейшем "мускульные" кирасы хорошо фиксируются памятниками искусства в кушанском комплексе оборонительного вооружения. В частности, на воинах, изображенных на золотых застежках из погребения некрополя Тиллятепа в Северном Афганистане, которое относится к I в.н.э. (Сарианиди, 1989, с. 73–77, рис. 28; Sarianidi, 1985, ил. 81–84). Изображения кирас, помимо образков с Кампыртепа и из коллекции термезского музея, имеются еще на двух терракотах из

Рис.1. Кампыртепа.
Фигура воина.

Рис.2. Чингизтепа.
Фигура воина.

Рис.3. Кампыртепа.
Голова богини.

Северной Бактрии, датируемых кушанским (?) временем, — из Дальварзинтепа (Пугаченкова, 1989 б, с. 96–104) и с цитадели Кампыртепа (Пугаченкова, 1989, с. 55–57; 1989 а, с. 19–21); персонаж на последней терракоте одет в панцирь без рельефной передачи мускулов тела. Изображения кирас "мускульного" типа встречаются и в гандхарской скульптуре (Горелик, 1982, с. 90–91, табл. 4), на кушано-сасанидских монетах (Луконин, 1969, табл. XIII, 11, 14, XIV, 13, 16).

Вторым элементом оборонительного снаряжения, показанного на терракотах-образках из Кампыртепа и Термеза, является панцирный подол, прикрывающий живот и бедра. Эта деталь доспеха, как и панцирь-кираса, восходит к эллинистической традиции, однако с аналогичными панцирными набедренниками греческих воинов ее роднит лишь форма юбки-подола, тогда как их покроя существенно отличается. В эллинистическом комплексе защитной одежды подол-набедренник набирался из расположенных в один-три ряда матерчатых или кожаных фестонов вытянутой прямоугольной формы, которые зачастую были усилены металлическими или кожаными пластинами (*греч.* "птериги"); именно такой набедренник на терракоте с цитадели Кампыртепа. Персонажи же на плитках с обводной стены Кампыртепа и из термезского музея облачены в набедренники из матерчатой или кожаной юбки, сплошь обшитой металлическими пластинками в два ряда. Близкие по конструкции панцирные набедренники имеют воины, изображенные на упоминавшихся уже застезках из захоронения 3 тиллятепинского могильника. Они представлены также в гандхарском иконографическом материале (Горелик, 1982, с. 98–99) и на кушанских монетах (там же, табл. 2, г, д, ж).

Завершает военное одеяние персонажей на терракотах из Кампыртепа и Термеза массивный широкий пояс, который, очевидно, также нес защитную функцию.

Кто же изображен на терракотах? По мнению Г.А. Пугаченковой, на плитке из Чингизтепа запечатлена дева-воительница (Пугаченкова, 1971, с. 92). Однако находка на Кампыртепа целой, однотипной термезскому экземпляру терракоты позволяет предложить иную интерпретацию этого образа. Прежде всего, это не женский, а мужской персонаж. И дело не только в том, что выпуклости на его груди обозначают панцирь-кирасу "мускульного" типа. При ближайшем рассмотрении головы воина на кампыртепинской плитке, даже несмотря на известную условность и грубость ее передачи, на ней достаточно хорошо различимы прическа в виде длинных густых волос, зачесанных назад и перехваченных надо лбом лентой, а также обрамляющие нижнюю часть лица усы. По этим признакам рассматриваемый персонаж этнически сближается с представителями рода "Геранчей"-юечжей, изображенными на монетах "Герая-Санаба" и в скульптуре из Халчаяна, т.е. того клана кочевых завоевателей Бактрии, который стоял у истоков кушанской государственности (Пугаченкова, 1965, с. 127–133; 1966, с. 188–190; 1971, с. 45–46; 1989 в, с. 97–101). В принципе, близкое этническое родство между реальными людьми,

чей облик послужил моделью для портретных образов "Герачей", так и для терракоты из Кампыртепа, вполне допустимо. Примечательно, что кампыртепский персонаж показан стоящим на постаменте — это явно свидетельствует в пользу того, что оригиналом для него являлась большая статуя, которая была выставлена в каком-нибудь храме или общественном месте Бактрии, и которая, возможно, изображала обожествленного предка-родоначальника династии Великих Кушан или же правящего монарха, чей культ официально исповедовался в империи. С этой статуи (или статуй) и тиражировались небольшие терракотовые копии, предназначенные для отправления данного культа в бытовых условиях.

Вторая публикуемая терракота из Кампыртепа представляет собой отбитую (очевидно, умышленно — с какой-то ритуальной целью) голову женской статуэтки (рис. 3). Она найдена в слое заполнения внутренней стелловой галереи на участке между 8 и 9 башнями обводной стены городища и по стратиграфическим данным может быть предварительно датирована I — II вв. н.э. Перед нами персонаж в высоком с округлым верхом головном уборе типа кокошника, на фронтальной части которого обозначены расположенные в одну линию вдоль верхнего края и рельефно выступающие маленькие округлые бугорки, передающие, скорее всего элементы декора; с боков голову охватывают уши, спускающиеся от кокошника. На шее рельефно показана гривна кольцевидного типа; сзади, начиная от головного убора, на плечи ниспадает накидка или покрывало. Лицо персонажа полное; глаза большие и сильно раскосые, приоткрытые к вискам и обрамленные рельефными веками, брови взлет; нос, рот и подбородок, к сожалению, сбиты. Изображение оттиснуто в матрице в рельефе высотой до 18 мм, толщина фоновой пластины 10–12 мм. Высота фрагмента 63 мм, его наибольшая ширина 42 мм. Тыльная часть и бока терракоты подрезаны ножом и заглажены. Ее черепок светло-розового цвета с частыми вкраплениями песка, сохранившийся местами ангоб темно-розового цвета.

Образ, запечатленный на этой терракоте, относится к иконографическому типу, известному под условным названием "бактрийская богиня" и широко представленному в кушанской коропластике Северной Бактрии. В частности, терракотовые изображения "бактрийской богини" с такими же характерными чертами лица, как и у статуэтки из Кампыртепа (прежде всего, это резко взбегающие к вискам раскосые глаза и брови), но и несколько иным оформлением кокошника, происходит из Дальварзинтепа (Пугаченкова, 1978 б, с. 58–59; Исхаков, 1978, с. 164, рис. 114, 15, 17, 23, 24), Халчаяна (Пугаченкова, 1966, с. 223, рис. 105, 1; 1971, ил. 131–132), Бараттепа (Пугаченкова, 1973, с. 111, рис. 27) и Тепан-Шах (Литвинский, Седов, 1983, с. 146–147, табл. XXI, рис. 2, табл. XXII, рис. 1). Г.А. Пугаченкова рассматривает эти изображения в качестве "юечжийского" варианта одного и того же образа "бактрийской богини", который отражает иной, нежели местный бактрийский, этнический тип населения Северной Бактрии, связанный своим родством с пришлым племенем "Герачей-юечжей" (Пугаченкова, 1978 а, с. 219).

Литература

- Виппер Б.Р.** Искусство Древней Греции. М., 1972.
- Горелик М.В.** Кушанский доспех. Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982.
- Исхакова Е.А., Исхаков М.Х.** Терракоты Дальварзинтепа. Дальварзинтепа – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Литвинский Б.А., Седов А.В.** Тепан-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
- Лукоян В.Г.** Культура Сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.
- Массон М.Е. Пугаченкова Г.А.** Парфянские ритоны Нисы. Из культурного наследия туркменского народа. Альбом иллюстраций. М., 1956.
- Пугаченкова Г.А.** К иконографии Герая /О некоторых вопросах раннекушанской истории/. ВДИ, 1, 1965.
- Пугаченкова Г.А.** Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.
- Пугаченкова Г.А.** Скульптура Халчаяна. М., 1971.
- Пугаченкова Г.А.** Новые данные о художественной культуре Бактрии. Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
- Пугаченкова Г.А.** Дальварзинтепа и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии. Дальварзинтепа – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978 а.
- Пугаченкова Г.А.** Художественные сокровища Дальварзинтепа. Л., 1978 б.
- Пугаченкова Г.А.** В поиске культурных ценностей прошлого. Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. В свете новых открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, 1989 а.
- Пугаченкова Г.А.** Об одном иконографическом образе в искусстве Бактрии. ВДИ. 1989 б. 4.
- Пугаченкова Г.А.** Образы юечжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда. Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. В свете новых открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, 1989 в.
- Пугаченкова Г.А.** Римский воин на терракотовой плитке из Кампыртепа. ОНУ. 1989, 4.
- Сарианиди В.И.** Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.
- Bernard P.** Les rhytons de Nisa. Poetesses grecques. Journal des Savants. 1985, janvier – septembre.
- Choremis A.** Metallic Armour from a tomb at Prodromi in Thesprotia. Athens Annals of Archaeology. 1980. Т. XIII, 1.
- Connolly P.** Greece and Rome at War. London, 1981.
- Gardner P.** The coins of the Greek and Scythic kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886.
- Ghirshman R.** Iran: Parthians and Sassanians. Paris, 1962.
- Sarianidi V.** Bactrian gold from the excavations of the Tillya-tepe necropolis in Northern Afganistan. Leningrad, 1985.
- Seltman Ch.** Greek coins. A history of metallic currency and coinage down to the Fall of the Hellenistic Kingdoms. London, 1955.

КОСТЯНЫЕ ЗАКОЛКИ ИЗ КАМПЫРТЕПА

Н.Г. Скугарова

Среди костяных предметов, хранящихся в археологическом фонде Сурхандарьинского областного краеведческого музея, большой интерес представляет заколка (А. 2076 КП 2095–50). Она обнаружена при раскопках 3 объекта Р-5, в юго-восточной части кушанского городища Кампыртепа. Культурный слой, в котором она найдена, датируется монетами Канишки.

Заколка конической формы (высота 12 см, диаметр в верхней части – 0,6 см). Одна сторона заострена, другая оформлена в виде плода граната. Навершие отделено от стержня двумя ярусами манжет прямоугольной и трапециевидной формы. На каждом из них прочерченный рисунок. На одном – это ряд наклонных пересекающихся полос, на другом – ряд горизонтальных и наклонных полос.

В научной литературе неоднократно отмечалось наличие таких предметов в археологических комплексах, но назывались они по-разному – проколки (Вахидов, 1954, с. 131), шпильки или фибулы для закрепления одежды на плече (Шишкин, 1963, с. 119), предметы для чистки ушей и накладывания сурьмы, заколки для волос (Жуков, 1961, с. 186), стиль для письма (Толстов, 1948, с. 111). По определению Б.Г. Петерса, "стиль – это особая костяная палочка для записей по застывшему воску... Костяной стиль с одного конца был заострен для процарапывания знаков по воску, а с другой стороны имел шарик или лопаточку для затирания неправильно написанной или ненужной записи" (1986, с. 60). Большинство же "стилей", найденных до сих пор, были с фигурным навершием, что, несомненно затрудняло выполнение одной из его функций. Другим веским доводом не в пользу определения предмета как стиля, может служить тот факт, что при вскрытии погребений, их находили на черепе или под черепом погребенных женщин, например на Сапаллитепа (Аскарлов, 1977, с. 77). При вскрытии средневековых захоронений Дагестана их находили (обычно 2) крест-накрест на темени погребенной (Шейхов, 1952, с. 130). И, наконец, в этнографическом материале подобные предметы встречаются среди ювелирных украшений женщин, как головная булавка или просто булавка (Чвырь, 1977, с. 19).

Ареал распространения и период бытования стилей весьма широк. Они были распространены в Древней Месопотамии, в Закавказье, Причерноморье, в Южной Туркмении, Хорезме, на территории Южного Узбекистана и Таджикистана.

Судя по археологическим данным, заколки на территории Средней Азии были весьма популярны среди населения в эпоху бронзы и в первых веках до н.э. и н.э. В период средневековья их количество сокращается и лишь в XVIII–XIX вв. происходит возрождение традиций ношения заколок.

При вскрытии Сапаллитепы найдены бронзовые булавки четырех типов: булавки-печатки с разетковидным навершием, гвоздеобразные булавки с биконической и конической шляпками, булавки с кулакообразными и с фигурным навершием (Аскаров, 1977, с. 77). Аналогичные бронзовые булавки встречались на Джаркутане (Аскаров, Абдуллаев, 1983, с. 37), на Дашлы-3 (Сарианиди, 1984, с. 26).

Широкое распространение заколки получили в первых веках до н.э. – первых веках н.э. в Бактрии. Так, в Дальварзинском наусе в склепе 5 при расчистке женского костяка, была найдена костяная заколка с навершием в виде кисти руки (Ртвеладзе, 1978, с. 104; рис. 79 на с. 111). На этом же памятнике на полу помещения 24 в богатом доме обнаружен костяной “стиль” с левой кистью руки (Тургунов, 1978, с. 59; рис. 36 на с. 61). Костяные “стили” с головкой в виде птицы и головы коня, а также с плоской вершиной найдены на Зартепа (Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985, табл. СХП; Завьялов, 1979, с. 152–153). Несколько экземпляров тщательно отшлифованных остроконечных палочек, верхняя часть которых украшена резьбой, происходят из шахристана Хайрабадтепа (Жуков, 1961, с. 186). Бронзовые булавки с кольцевыми желобками найдены в сооружении II некрополя Тепаи-шах (Литвинский, Седов, 1983, табл. XXX на с. 235). Бронзовые и костяные булавки в виде кисти руки или птицы, датируемые IV–V вв. н.э., обнаружены на территории Таджикистана (Древности Таджикистана, 1985, 368, 369, 405, 406; Седов, 1987, с. 70–71).

Заостренная палочка с навершием в виде зубчиков, сходных с зубьями гребенки, была отмечена в слое III–IV вв. н.э. на городище Варахша (Шишкин, 1963, с. 119).

В Хорезме найдены костяные палочки с навершием в виде руки с вытянутыми и сложенными вместе большим и указательным и прижатыми к ладони остальными тремя пальцами (Толстов, 1948, с. 111). На городище Топраккала, в здании III зафиксированы две роговые булавки: со сложным резным навершием, заканчивающимся как бы четырехзубчатой короной, и с навершием в виде головки змеи; одна бронзовая булавка с головкой “крючком”, украшенная пятью поясками, образованными пятью кольцевыми насечками (Трудновская, 1981, с. 121). На этом же городище, в слоях II–IV вв. н.э. обнаружена костяная булавка с любопытным навершием в виде человеческой фигуры, вырастающей из бутона лотоса, стеблем которого была сама булавка (Трудновская, 1981, с. 117).

Среди находок из Парфии костяной “стиль” в виде заостренного книзу стержня, украшенного в верхней части фигуркой женщины в невысокой

шапочке, на плечах и рукавах у нее накидка, руки сложены на животе (Ремпель, 1951, с. 185). В Мерве навершия костяных палочек оформлялись в виде сжатого кулака, в форме прямоугольника с косыми полосками или с более сложным орнаментом, а также фигурой женщины, сидящей на троне (Кацурис, Буряков, 1963, с. 152–153).

Число находок головных булавок, относящихся к эпохе раннего и развитого средневековья, на территории Средней Азии незначительно.

Весьма любопытны этнографические данные о заколках, бытовавших у народов Средней Азии. Так, Н.Г. Борозна, рассматривая виды женских ювелирных украшений у народов, населявших Среднюю Азию и Казахстан, подразделяет украшения, прикрепляемые к головному убору на два типа: один из них булавки и заколки, скреплявшие платок, брошенный поверх

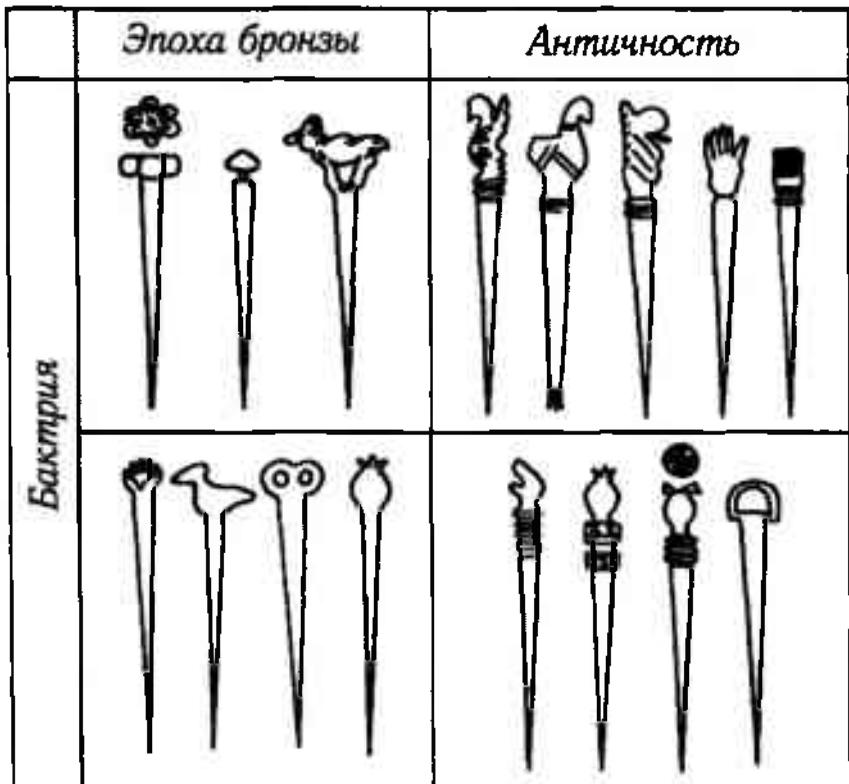

Рис.1. Костяные заколки из Северной Бактрии.

головного убора. Ими пользовались таджички, туркменки и оседлые узбечки (Борозна, 1974, с. 37). Классифицируя головные таджикские ювелирные украшения, Л.А. Чவர்ь приводит в пример “сарсузан” – головная булавка, старая разновидность таджикских головных украшений. Она состоит из металлической булавки, к тупому концу которой привешивали либо приделывали различной формы небольшие металлические медальоны, пластинки, плоды, бусины и т.п. (Чவர்ь, 1977, с. 19). Другая разновидность в виде трубочки для перьев – пархона (домик для перьев) (Абдуллаев, Фахретдинова, Хакимов, 1986, с. 162).

В позднефеодалной Бухаре типичным украшением была головная булавка (сарсузан), которой прикалывался платок к тюбетейке или к шапочке под платком. Такая булавка нередко увенчивалась небольшой фигуркой птички (Сухарева, 1962, с. 50). «Здесь же можно упомянуть, что у афганцев зафиксированы головные булавки с навершием в виде птичек. Они, видимо, типологически сходны со старобухарскими изделиями» (Чவர்ь, 1977, с. 36).

В традиционный набор женских украшений южнохорезмских сартов входят головные булавки в сочетании с лентами или привесками-пластинками (Чவர்ь, 1986, с. 246).

Женщины Двуречья тюрбан, навивавшийся поверх кимешека, часто шивали или скалывали серебряными булавками (Захарова, Ходжаева, 1964, с. 124).

Женские головные уборы тюрки-кардуки обычно украшали серебряной плоской лентой из цепочек и подвесок (син-сия) и над ней – султаном (джига), т.е. головной булавкой (Чவர்ь, 1986, с. 244).

В Кашгаре девушки и молодые женщины носили съемные, прикреплявшиеся спереди к головному убору булавки каш. Например, это была обычная длинная игла, верхняя часть которой оформлялась в виде металлического букета с листьями, стеблями и цветками из серебряных пластинок с разноцветной эмалью и вставками кораллов (Чவர்ь, 1986, с. 218–219).

Головные украшения замужних женщин-уйгурок выполняются из серебра или золота. Шпильки (жезы) украшают штампованным узором на сюжет растительного мира (Шинло, 1965, с. 21).

Таким образом, ареал и время бытования заколок довольно обширен. Мы проследили его от эпохи бронзы до XIX – начала XX в. Материал, из которого изготовлялись заколки, в разное время на территории Средней Азии использовался различный. Например, в эпоху бронзы предпочтение отдавалось бронзе и лишь изредка применяли медь, в античную пору большинство заколок изготовлялось из кости и лишь незначительное количество из металла, в средневековый период основным материалом был металл, позже, в XVIII – начале XX вв. заколки стали медными, серебряными, золотыми.

Принцип оформления навершия заколов в разные времена также был различным. Так, в эпоху бронзы – это булавки-печатки, булавки со шляпками; с кулакообразным навершием; с зооморфным персонажем (муфлон, овца), с конической или биконической головкой, со сплюснутой и лопаточковидной головкой. В период античности – антропоморфные изображения или воспроизведение отдельных частей человека – в большинстве своем это кисти рук с всевозможным положением пальцев, или сжатая в кулак кисть; зооморфные изображения – птица, голова коня, змея, муфлон; геометрические фигуры – прямоугольник, лопаточка, шар и т.д.; растительные навершия – гранат. Как правило, место перехода от стержня к навершию подчеркнуто рядом полос. В XVIII–XX вв. в

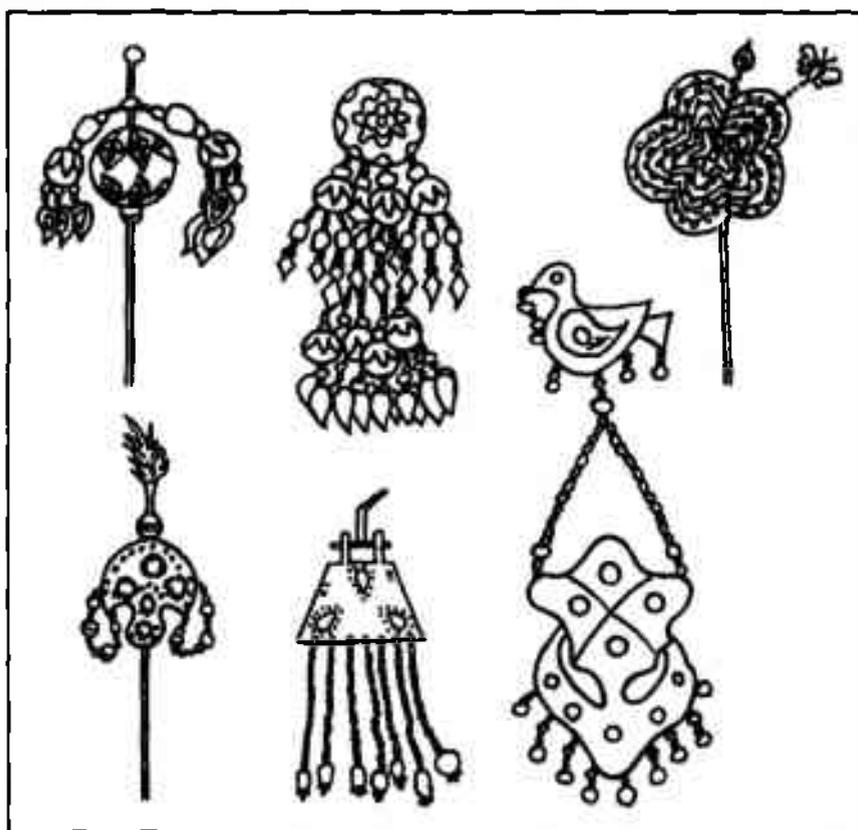

Рис.2. Ювелирные украшения конца XIX - начала XX вв..

оформлении наверху заколок отдается предпочтение растительным мотивам (цветы, плоды), есть и зооморфные сюжеты (птицы), иногда применялись бусины, бляшки, из разноцветного бисера, кораллы.

Навершие заколки из Кампыртепа в виде плода граната. "Ветвь, плод... были символами богини плодородия в раннеземледельческих культурах, где богиня выступает как покровительница растительного мира, произрастания и плодородия" (Ремпель, 1987, с. 93). В кушанское время среди терракот особое место занимают изображения женского божества, характерным признаком которых является расположение рук и наличие плода, цветка, или ветки растения в руках у богини (Мешкерис, 1962, с. 23). В буддийском комплексе Каратепа на полу двора было вырезано изображение вазона с ветками граната (Ставиский, 1986, с. 106). На монетах кушанского времени встречается изображение богини, держащей в руках рог изобилия с гранатами (Зеймаль, 1836, с. 208). Изображения плодов граната встречаются и в эпоху средневековья, в частности на серебряных согдийских кувшинах с изображениями танцовщиц из Лимаровки, Квацпилеева и Перьми. В литературе убедительно показана связь этих кувшинчиков с культом плодородия, в широкой, народной подоснове которого лежит почитание животворных сил природы (Пугаченкова, Ремпель, 1965, с. 150; Орбели, Тревер, 1935, табл. 45-47).

Для развитого средневековья изображения плода граната отмечены на керамических сосудах (Ташходжаев, 1972, с. 193), терракотовых очажках (Пугаченкова, Ремпель, 1972, рис. 6 на с. 223; рис. 8 на с. 227) и на металлических сосудах (Литвинский, Соловьев, 1985, с. 167).

Мастера современного декоративно-прикладного искусства не забывают образ граната, сохраняя традиции. Например, исходным моментом для художников, наносящих рисунок на ткань для вышивальщиц, служат лучшие образцы вышивального искусства XIX века. Художники создают композиции, используя излюбленные мотивы, одним из них является куст с сочными плодами граната (Фахретдинова, 1972, с. 65). В дунганской вышивке изображали плоды граната (шылю) на тех вещах, которые предназначались дочке в приданое, и они означали пожелания многочисленного потомства мужского пола (Шинло, 1965, с. 31).

Таким образом, изображение плода граната существовало на протяжении длительного времени, и как выражение магической идеи плодородия, и как поэтический символ изобилия — эти две функции неразрывно существуют в народном сознании, объединив опыт многочисленных земледельческих обычаев и представлений (Хакимов, 1983, с. 97).

Литература

- Абдуллаев Т., Фахретдинова Д., Хакимов А.** Песнь в металле. Ташкент, 1986.
- Аракелин Б.Н.** Раскопки крепости Гарни. ВДИ, 4, 1951.
- Аскарлов А.А.** Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н.** Джаркутан. Ташкент, 1983.
- Борозна Н.Г.** Виды женских ювелирных украшений у народов Средней Азии и Казахстана. СЭ. 1, 1974.
- Вахидов С.М.** Раннесредневековое городище Судагылган (Мингечуар). КСИИМК. 54, 1954.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
- Жуков В.Д.** Археологическая разведка на шахристане Хайрабадтепа. ИМКУ, вып. 2, 1961.
- Завьялов В.А.** Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепа в 1975–1976 гг. СА, 3, 1979.
- Захарова Н.В., Ходжаева Р.Д.** Казахская национальная одежда. Алма-Ата, 1964.
- Зеймаль Е.В.** Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
- Капурис К., Буряков Ю.** Изучение ремесленного квартала античного Мерва у Северных ворот Гуяр-Калы. ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963.
- Литвинский Б.А., Седов А.В.** Тепан-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
- Литвинский Б.А., Соловьев В.С.** Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.
- Мешкерис В.А.** Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962.
- Орбели И.А., Тревер К.В.** Сасанидский металл. М.–Л., 1935.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1892 год. СПб., 1894.
- Петерс Б.Г.** Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.** История искусств Узбекистана. М., 1965.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.** Самаркандские очажки. В сб.: Из истории искусств великого города. Ташкент, 1972.
- Ремпель Л.И.** Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении. – ТЮТАКЭ, т. 21, Ашхабад, 1951.
- Ремпель Л.И.** Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987.

Ртвеладзе Э.В. Дальварзинский наус. В кн.: Дальварзинтепа – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.

Сарианиди В.И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы – 3. В сб. Древняя Бактрия. Вып. 3, М., 1984.

Седов А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987.

Ставиский Б.Я. Буддийский культовый центр Каратепа в Термезе в свете исследований последних лет. “Городская среда и культура Бактрии – Тохаристана и Согда. Ташкент, 1986.

Сухарева О.А. Позднефеодальный город Бухара, конец XIX – начало XX вв. (ремесленная промышленность), Ташкент, 1962.

Ташходжаев Ш.С. Вопросы исторической классификации поливной керамики Афраснаба. В сб.: Из истории искусств великого города. Ташкент, 1972.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

Трудновская С.А. Предметы вооружения и быта. Украшения. ТХАЭЭ, т. XIIV. М., 1981.

Тургунов Б.А. Дом богатого домовладельца. В кн.: Дальварзинтепа – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Фахретдинова Д.А. Декоративно-прикладное искусство Узбекистана. Ташкент, 1972.

Хакимов А.А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства. В сб.: художественная культура Средней Азии. IX–XIII вв. Ташкент, 1983.

Чвырь Л.А. Таджикские ювелирные украшения. М., 1977.

Чвырь Л.А. Сравнительный очерк традиционных украшений уйгуров и соседних народов Центральной и Средней Азии. В сб.: Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культуры древнего и средневекового Востока. М., 1986.

Шейхов Н.Б. Женские головные булавки как признак локальной культуры Дагестана VII–X вв. н.э. КСИИМК, вып. 48, 1952.

Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.

ГОРА ОРЛИНАЯ – ХОДЖА ГУЛЬСУАР

Б.Я. Ставиский

Примерно в 30 км выше Термеза, на правом берегу Амударьи расположена гора Орлиная. Она хорошо видна с расстояния 15–20 км как со стороны Термеза, так и с левобережья Амударьи, из Афганистана, и невольно привлекает к себе внимание.

Объезжавший в начале 20 в. границы Средней Азии Д.Н. Логофет, живо описывавший виденные им достопримечательности, конечно, приметил эту гору. “На горизонте прямо перед нами, – писал он, – поднималась среди равнины одинокая гора, имевшая издали вид сахарной головы со срезанной вершиной”. Далее Д.Н. Логофет приводит слова сопровождавшего его штаб-ротмистра: “Это гора Орлиная, а у подножия ее пост, того же имени. Название ей такое дали наши офицеры вследствие того, что на ее вершине много орлиных гнезд и, по-видимому, это излюбленное их место, куда они слетаются всегда к вечеру на ночлег. Гора эта интересна в том отношении, что она стоит на равнине совершенно отдельно от других гор, до которых, как видите, не менее 15–18 верст. Вершина ее приблизительно около трех тысяч футов (фут = 30,5 см – Б.С.) и, по-видимому, на ней были какие-то постройки. В настоящее время на ней каменоломни и известково-обжигательные печи и отсюда камень и известь доставляются в Термез на постройки, возводимые военно-инженерным ведомством. На верху горы виднеются остатки большой пещеры, стены которой сложены из огромных глинобитных кирпичей, постройка эта, очевидно, сравнительно недавняя, лет 200–300 тому назад” (Логофет, 1909, с. 22).

Наутро, переночевав на пограничном посту Орлином, любознательный путешественник отправился на осмотр горы и ее окрестностей. Он отметил обжигательные печи и лежавшие рядом с ними “штабели белого известняка”. “Несколько туркменских юрт, поставленных невдалеке, – писал он, – служат приютом – рабочих туркмен, работающих в каменоломнях”.

Подъем на вершину горы, по словам Логофета, “представлял собою довольно значительное препятствие” для “непривыкших к хождению по гористой местности”. Заметил он и остатки древних стен, указав, “что здесь когда-то была большая постройка, опоясывавшая почти всю вершину”. В сообщении о горе Орлиной Д.Н. Логофет, нередко украшавший свои рассказы всякими домыслами, оказался и добросовестным, и наблюдательным. “Отдельно стоявшая гора могла служить только местом

расположения храма или капища, посвященного какому-нибудь божеству. Никакая другая постройка, имевшая оборонительный характер, не могла быть построена на этой высоте, на которой не было ни капли воды”, – заключил он. Его спутник согласился с ним, сообщив при этом, что “один из знатоков здешнего края... указывал на эту гору, как на место, где когда-то был буддийский монастырь...”

Внизу у местных рабочих Д.Н. Логофету удалось приобрести несколько медных монет, “найденных при раскопках горы”. По мнению путешественника, большинство монет “принадлежали к числу индоскифских”, как называли в то время, обычно, кушанские монеты; а одна была определена им как монета греко-бактрийского царя Аполодота (Логофет, 1909, с. 24–25).

Д.Н. Логофет не знал, что незадолго до него, в 1904 г. военный инженер Б.Н. Кастальский, член Туркестанского кружка любителей археологии и известный собиратель монет, разных печатей и других древностей Средней Азии, отметил находку в каменоломнях горы Орлиной золотой монеты. М.Е.Массон, первый сообщивший об этой находке, упомянул и о найденных на горе Орлиной в 1953 г. двух каменных базах колонн. В заметке М.Е. Массоном было приведено и местное название горы – Ходжа Гульсуар (Массон, 1936, с. 103).

Таким образом, гора Орлиная очень давно заинтересовала археологов, но прошло много лет, прежде чем археологи провели обследование этого интересного памятника древней истории и культуры: в 1964 г. каменоломни и остатки сооружений здесь были осмотрены проф. Г.А. Пугаченковой и Б.А. Тургуновым. Исследователи подтвердили вывод о существовании каменоломен на горе Орлиной в кушанское время, собрав на восточном склоне горы фрагменты керамических сосудов этого времени – “тонкие, красноангобированные стенки, донца бокалов и др.” Они отметили также, что “выемка камня в древности велась близ берега у подножья горы крупными прямоугольными блоками”, в то время как в позднейших выработках на южном склоне “камень выламывался беспорядочными кусками и даже щебенкой для выжиг его на известь в возведенных здесь же напольных печах” (Пугаченкова, 1973, с. 85; 1973, с. 8).

В 1979–1983 гг. гору Орлиную четырежды посетили сотрудники совместной археологической экспедиции ряда научных учреждений Москвы, Ленинграда и Самарканда, изучающей буддийский культовый центр на Каратепа в Старом Термезе. Гора вновь была осмотрена от подножия до вершины. Архитектор экспедиции О.А. Туманова произвела ее глазомерную съемку и обмеры. Высота горы определена примерно 85 м; наибольшая протяженность ее с востока на запад – более 800 м, с севера на юг – свыше 550 м.

Монументальная постройка на вершине занимала площадку, примерно квадратную в плане (длина каждой ее стороны – около 40 м) и ориентированную сторонами по странам света. Внешняя сторона постройки хорошо прослеживается в северо-западном углу, где она достигает 5–6 метровой толщины при высоте до 3 м. Участок этой стены снаружи либо

вывалился, либо умышленно выдолблен; здесь образовалась пещера, в которой, видимо, не раз находили себе приют (и разводили костры) чабаны и другие посетители. В пробойне стены видно, что в основании ее лежит кладка из рваного камня на глинистом растворе, а выше — кладки из кирпичасырца (размером 33–35 х 12–14 см). Следы каменного фундамента видны и в обнажении в юго-западном углу постройки. Внутри здания, в его северо-западной части, прослеживаются длинные узкие помещения, примыкавшие, вероятно, к внешней западной стене.

Ниже вершины располагалась вторая терраса горы, окруженная валом стен с башнями. На ней местами просматриваются остатки построек. На этой террасе в 1979 и 1980 гг. были подобраны фрагментированные блоки из белого известняка, аналогичные блокам для облицовки буддийских ступ на Каратепа, часть профилированной базы колонны или пилястры и обломки скульптурных листьев аканфа из того же материала. Эти находки заставляют вспомнить об отмеченных М.Е. Массоном каменных базах колонн, найденных на горе в 1935 г. Они свидетельствуют, что какая-то часть каменных архитектурных деталей изготовлялась и, возможно, использовалась здесь же.

Как Г.А. Пугаченкова и Б.А. Тургунов, мы также выбрали в 1979–1981 гг. на вершине горы, на ее склонах и на второй террасе фрагменты керамики кушанского времени, в т.ч. донца и стенки бокалов и стенки красноангобированных сосудов, украшенных полосчатым и сетчатым сечением и мелкими штампами. В 1979–1980 гг. были найдены также медные монеты, среди которых помимо кушанских (одна монета Хувишки, с изображением государя на тахте, с одной опущенной, а второй приподнятой ногой; три — подражания чекану Васудевы) оказался обол маргианского чекана парфянского царя Фраата IV и, возможно, хорезмская монета.

В свете данных, полученных в последние годы, с учетом материалов, добытых ранее, гора Орлиная предстает перед нами как одна из интереснейших в историко-археологическом отношении местностей Южного Узбекистана. Вполне вероятно, что располагавшееся здесь в кушанское время поселение не только обеспечивало добычу белого камня для монументальных зданий Термеза и его округи, но и играло заметную роль в жизни кушанской Бактрии вообще. В любом случае гора Орлиная ждет углубленного специального изучения.

Литература

Лагофет Д.Н. «На границах Средней Азии». Кн. 3, Бухарско-Афганская граница. СПб. 1909.

Массон М.Е. К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана. СОНАТ, 1938, 7.

Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии. Сб. Из истории античной культуры Узбекистана.

НЕКОТОРЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ БАКТРИЙСКО-КУШАНСКОГО ЮВЕЛИРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В.В. Лулева

Период античности в ювелирном искусстве Северной Бактрии представлен уникальными изделиями: ожерелья, браслеты, кольца, серьги, подвески, флаконы для духов, перстни, пуговицы, гребни, туалетные ложечки, бусы высокохудожественной обработки (Пугаченкова 1979, с. 85). Для их изготовления использовался широкий спектр металлов и металлических сплавов: золото, серебро, электрон. Технология исполнения в зависимости от формы и назначения украшений была разнообразной: чеканка, проковка, клепка, гравировка, инкрустация, волочение, штамповка, литье, тиснение.

Ювелирное искусство на территории Северной Бактрии представлено не только самими изделиями, но и предметами, в которых они отливались. Факторами, подтверждающими существование одной из отраслей ювелирного производства – литья, являются найденные остатки литейных мастерских в Калаи Мир.

Самым распространенным технологическим приемом изготовления украшений было литье (Доманский, 1984, с. 40–43). Первые ювелирные украшения получались с временных восковых форм (литье с потерянной формой). Украшения будущей модели изготовлялись из воска, затем замазывались глиной. При обжиге из глины вытекал воск в отверстие, а сама глина становилась формой, в которую и заливался металл. Этот метод литья неудобен тем, что для каждого украшения восковая модель изготавливалась заново.

Поэтому при отливке ювелирных украшений важен был переход к постоянным каменным и металлическим формам. Первоначально формы были простые, открытые, что имело ряд недостатков: необходимость доработки вручную, невозможность литья полых предметов. Большую роль для повышения прочности украшения сыграло применение закрытых форм.

При археологических раскопках пока не найдено ни одной верхней формы. Очевидно, они были временные из легкопроницаемого материала (смесь глины с пухом или глины с шерстью), что способствовало отводу газов, образующихся в расплавленном металле (Терехова, 1975, с. 29).

Можно выделить односторонние, двусторонние и трехсторонние технологические типы форм. В зависимости от функционального назначения ювелирного украшения (налепное украшение или законченные формы бус, браслетов), применялся тот или иной тип.

Рис. 1.

В музее Института искусствоведения имени Хамзы г. Ташкента хранятся две каменные литейные формочки, найденные на городище Дальварзинтепа в помещении 2. Сведения о них даются в книге "Дальварзинтепа" (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1978, с. 204).

Первая формочка небольшая, 62x30x15 мм, в виде неправильного прямоугольника, выполнена из мрамора темно-серого цвета с зеленоватым налетом, тщательно отполирована. Форма односторонняя, т.е. литейные углубления имеются только на одной стороне. На ней вырезаны три полукружья. К каждому углублению ведут литники, по которым заливался металл. В углах видны сквозные отверстия, в которые входили штифты, скрепляющие две половинки формы. Отлитые модели применялись как накладные украшения, т.е. являлись частью ювелирного изделия, а соединенные половинки представляли собой самостоятельное украшение, например ялангушские колокольчики и кампыртепинские заколки для волос.

Вторая формочка двусторонняя, обработана грубее. Сделана она из светлого серого сланца. Размеры 50x83x66 мм. Литейные углубления имеются на одной широкой плоскости и на одной узкой продольной. На боковой стороне вырезано тоненькое изящное колечко с литником. На узкой плоскости обработано более тщательно. На широкой плоскости имеются восемь углублений, два штифта для скрепления формы, четыре полукружья разных диаметров, два углубления в форме лепестков и два штифта для перстня. Следов литников нет. Возможно, литники были во второй половинке формы, хотя отсутствие их и выпуклой поверхности площадки с углублениями дает основание полагать, что эта сторона предназначена не для отливки, а для тиснения из тонких золотых пластин, которые специальными инструментами вдавлились, вбивались в форму, при этом применялся воск для смягчения.

Техника отливки поделок в таких формах подлежит дальнейшему обсуждению. Так, Пернис провел ряд опытов над античными каменными формами для отливки металла (Толстой, 1947, с. 208). В результате он пришел к выводу, что обычная заливка металла в подобные формы не дает четких отливок и почти всегда ведет к растрескиванию формы от соприкосновения с расплавленным металлом. Значит в большинстве каменных форм отливались не сами украшения, а лишь восковые модели для них, с которых затем готовились глиняные формы для отливки металла по способу утраченной восковой модели. Однако не все исследователи согласны с выводами Перниса. Так, И.И.Толстой предполагает, что в древности применялся какой-то иной способ прямой отливки металлических изделий в каменных формах (Толстой, 1947, с. 206). Однако трудно представить, что и в античное время изготовление металлического украшения заключалось в прямой заливке в литейную форму, вероятно, уже тогда существовали технологические особенности.

Изучение современных способов литья позволили восстановить некоторые закономерности изготовления литейных изделий. В современных способах литья важно не допустить усадки сплавов и восковых композиций, т. к. именно усадка приводит к деформации металла в украшениях. Для этого пользуются специальными муфтами, которые вставляются в литейную форму (Копейкин, Кнубовец, Курлянский, Оксман, 1973, с. 93–112) и способствуют равномерному застыванию металла в литейной форме. В случае отсутствия муфты металл, заполняющий верхнюю часть формы, застывает быстрее, подтягивая за собой расплавленный металл из основной нижней формы, и деформирует металлическое изделие.

Другой способ литья, позволяющий избежать деформацию, основан на применении центробежной силы (Копейкин, Кнубовец, Курлянский, Оксман, 1973, с. 110). Наиболее простейшая система, применяемая для центробежного литья, — ручная центрифуга, в которой сила давления, возникающая при вращении руки мастера, заставляла расплавленный металл плотно прилегать к стенкам литейной формы, равномерно распределяясь в ней. В результате получались изделия высокого качества без деформации и отверстий-пустот, возникающих при выделении углекислого газа.

Большое внимание в литейном процессе уделяется термической обработке. Сначала обязательно нагревается форма, иначе она может растрескаться от соприкосновения с расплавленным металлом и не дать четкой отливки в результате преждевременного остывания металла в наиболее узких и мелких углублениях формы. Кроме того, термическая обработка необходима и самому изделию, для повышения пластичности и прочности его нагревают повторно.

Более полно восстановить технологический процесс изготовления литых ювелирных изделий эпохи античности стало возможным благодаря подробному исследованию современных приемов металлообработки.

Рассмотренные литейные формы позволяют полнее представить технику бактрийско-кушанского ювелирного производства.

Литература

Копейкин В.Н., Кнубовец Я.С., Курлянский В.Ю., Юксман И.И. Зубопротезная техника. 1973.

Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Дальварзинтепа – кушанский город на юге Узбекистана. Т., 1978.

Толстой И.И. Эллинистическая техника. Л., 1947.

ИЗОБРАЖЕНИЯ БОДХИСАТВ В ТЕРРАКОТАХ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ

В.А. Завьялов, Ш.Р. Пидаев

Проникновение буддизма на территорию Бактрии, засвидетельствованное целым рядом артефактов, вряд ли требует каких-либо особых доказательств. Исследования последних десятилетий существенно расширили информационную базу археологических источников, касающихся различных аспектов проникновения буддийского религиозно-культурного комплекса в этот регион. В этом отношении достаточно упомянуть раскопки монастырей Каратепа (Заднепровская, 1987, с. 118–129), Фаязтепа (Альбаум, 1982, с. 56–63) близ Термеза, сангхарамы Уштурмулло около Тепаишах (Зеймаль Т., 1987, с. 70–78), а также буддийских святылищ на Дальварзинтепа (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 90–97; Тургунов, 1989, с. 81–95), в Дильберджине (Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 60–90) и Зартепа (Пилипко, 1976, с. 59–68, Пидаев, с. 49–52), предоставившие в распоряжение исследователей огромный материал. Помимо живописи и скульптуры, буддийская символика и канонические образы прочно внедрились в массовое керамическое производство (Абдуллаев, Завьялов, 1985, с. 11–121), отличительной чертой которого являлось серийное изготовление, достигавшееся с помощью матрично-штамповочной техники. Применение такой техники предполагает существенное возрастание количества изделий, так или иначе связанных с буддийской тематикой и явно выходящих за рамки единичных находок (Пугаченкова, 1982, с. 255). Аргументом в пользу последнего могут служить две статуэтки, представляющие собой новый иконографический тип среди бактрийских терракот буддийского круга изображений (рис. 1). При несомненной тождественности образов они были подняты на поверхности разных, хотя и не столь удаленных друг от друга (около 30 км) городищ – Зартепа и Хаитабадтепа местными жителями и переданы в распоряжение авторов.

Доскональное совпадение деталей изображений на обеих статуэтках позволяет утверждать, что они были оттиснуты с помощью матрицы. Тем не менее следует отметить неодинаковость их полных размеров: хантабадская статуэтка в нижней части длиннее за счет цельного изображения сиденья-тахты, на котором восседает бодхисатва (рис. 1а). Насколько можно судить по сохранившейся части сиденья хантабадской терракоты (изображение тахты нарушено двумя сколами), оно воспроизведено в виде двух параллельных валиков-плит. Сохранность

Рис. 1. Статуэтки буддистов.

изображения тахты не позволяет с полной уверенностью говорить о ее форме, однако едва заметный радиус свидетельствует в пользу того, что она была круглой.

Идентичность изображений не вызывает сомнений в наличии точно такого же сиденья и у зартепинской терракоты, что подтверждается остатком его верхней плиты (рис. 1б). Частичная утрата произошла в результате намеренных действий мастера-изготовителя, отрезавшего большую часть тахты, видимо, из-за не совсем удачной формовки нижней части. Следы подрезки прослеживаются и на боковых гранях зартепинской статуэтки наряду со следами подправки рукой мастера, которые прослеживаются также и на хайтабадском экземпляре, не имеющем, однако, следов подрезки. Состав теста в обоих случаях близок и состоит из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка.

После обжига хайтабадская терракота приобрела светло-коричневый оттенок, зартепинская - темно-коричневый. Лицевые поверхности обеих статуэток покрыты ангобом, сохранившимся на отдельных участках в глубине рельефа, причем у хайтабадской он красного оттенка, у зартепинской - коричневый. Различные оттенки теста и ангоба несомненно указывает на разные режимы или партии обжига. На выступающих частях изображений ангоб не сохранился, а сами они затерты до блеска, что возможно свидетельствует о их частом соприкосновении с какими-то мягкими текстильными (?) материалами. Размеры статуэток практически совпадают: высота изображения по центральной оси от верхней части головного убора до верхней части верхнего сиденья - 6 см у зартепинской терракоты и 5,9 см у хайтабадской (до нижней грани нижней плиты - 7,4 см); максимальная ширина в районе коленей - 4 см и 3,8 см соответственно; глубина рельефа в обоих случаях 1 см. Некоторые несовпадения размеров в совокупности с вышеупомянутыми различиями

в оттенках теста и ангоба еще раз подтверждают вывод о разных партиях обжига. Кроме того, данное предположение может быть аргументировано сравнительным анализом обоих изображений.

Бодхисатва сидит на тахте, скрестив ноги, правая находится на переднем плане, опираясь носком и коленом на сиденье, пяткой вверх. От расположенной позади нее левой ноги видны колено, часть икры и бедра, а также носок, едва заметно прослеживающийся между голенью и стопой правой ноги. Руки слегка согнуты в локтях, кисти покоятся на икрах. Тело бодхисатвы обнажено и лишь ниже округлого живота различны следы пояса, переданного с помощью двух рядов "перлов". На груди — ожерелье, воспроизведенное в виде таких же, но более крупных "перлов", выходящее полукругом из-под массивных двойных дискообразных или спиралевидных серег, почти лежащих на плечах. Лицо округлое с припухлыми щеками и мягко моделированным подбородком. Глаза — миндалевидные, зрачки были проработаны после оттиска в матрице продольными черточками, что особенно хорошо заметно на правом глазу хайтабадской и левом — зартепинской статуэток. Нос и губы обоих изображений сохранились плохо. Уши, кроме верхней части раковин, почти закрыты серьгами. На кажущийся узким лоб надвинут головной убор с легким наклоном влево, судя по лучше сохранившемуся в этой части хайтабадскому экземпляру. Он — небольших размеров, округлой формы. На правый висок из-под головного убора спускается либо какая-то его часть, либо локон из прически.

Сравнение обоих изображений показывает, что они не принадлежат к первым поколениям оттисков данной матрицы, хотя друг от друга вряд ли могли отстоять далее чем на одно-два поколения. Судя по более четким очертаниям таких мелких деталей, как пальцы рук, "перлы" ожерелий и поясов, а также серег, можно предполагать, что зартепинская терракота изготовлена чуть раньше хайтабадской. Местом производства могло быть как Зартепа, так и Хайтабадтепа, или какой-либо третий гончарный центр, откуда терракоты могли бы попасть в названные пункты. Весьма затруднительна также вне стратиграфического контекста датировка данных статуэток. Исходя из таких технологических признаков, как цвет ангоба и состав теста, характерных для позднекушанского и кушано-сасанидского периодов, можно предположительно отнести их к этому времени. В пользу этого предположения, кроме того, свидетельствует широкое распространение буддийской символики на керамике III–IV вв. (Абдуллаев, Завьялов, 1985, с. 111–121; Сычева, Сычев, 1982, с. 76–92), а также то обстоятельство, что большинство буддийских терракотовых статуэток Бактрии либо происходит из слоев не ранее II в., либо относится на основе иконографических наблюдений ко II–IV вв. Не противоречит этому и тот факт, что в крупных городских центрах, каковыми были Дальварзинтепа, Старый Термез, Зартепа, а за пределами Бактрии Мерв, именно на III–IV вв. падает функционирование буддийских святилищ и монастырей (Тургунов, 1989, с. 94–95; Ставиский, 1989, с. 70; Пилипко, 1976, с. 66–67; Филанович, 1989, с. 97).

Наличие украшений на фигурках не вызывает сомнений в том, что перед нами образ бодхисатвы (Krishan, 1984, p. 208). Однако, отсутствие прямых параллелей в терракоте и в скульптуре не позволяет идентифицировать этот образ с каким-либо из конкретных проявлений доктрины бодхисатв. Из украшений только серги указывают на влияние индийской иконографии, причем этот тип традиционен для индийской терракоты с достаточно раннего периода (Тюляев, 1988, рис. 51, 61, 65, 76, 79). Серги этого типа одеты в уши атлантов, изображенных на западных воротах ступы в Санчи (Marshall, 1960, fig. 12). Встречается он и в кушанское время, насколько можно судить по статуе бодхисатвы Майтрейи из древней Ахичхатры, находившейся под влиянием матхурской школы. На основе стилистического анализа эта небольшая статуя (28 дюймов в высоту) датируется Дж. Маршаллом около середины II в. (Rosenfield, 1967, p. 231, 54). Естественно, что эта параллель не может служить достаточным основанием для отождествления статуэток из Зартепа и Хаитабадтепа с образом Майтрейи, одним из ключевых атрибутов которого является сосуд в левой руке.

Из известных по научной литературе бактрийских терракот, изображающих бодхисатв, прежде всего, обращают на себя внимание статуэтки из Бараттепа (Пугаченкова, 1973, с. 119–120, рис. 36; Пугаченкова, 1982, с. 282, рис. 5а.) и из Аккала (Пилипко, Масимов, 1969, с. 249–251, рис. 3). Они отличаются и от публикуемых терракот, и между собой тем, что принадлежат к разным иконографическим типам, каждый из которых характеризуется своим набором признаков. Таким образом, на территории Северной Бактрии встречено по крайней мере три разных иконографических типа бодхисатв, отождествление которых пока затруднительно. Достаточно проблематичным остается и конкретное отождествление с бодхисатвой Авалокитешварой, предпринятое по отношению к двум терракотам, одна из которых хранится в Термезском музее (Ганевская, Заславская, 1977, с. 87–92, рис. 16а, б), а вторая была найдена при исследовании сооружения I некрополя Тепаишах (Литвинский, Седов, 1983, с. 51–52, табл. XXVI.3). По отношению к этим статуэткам предлагается иное – джайнистского толка отождествление (Пугаченкова, 1982, с. 253–254; Мешкерис, 1986, с. 21–22).

Появление новых, ранее не известных иконографических типов как Будд (Пидаев, 1987, с. 90, рис. 4), так и бодхисатв на территории Северной Бактрии в районе, тяготеющем к Старому Термезу, наряду с другими данными свидетельствует о значительной роли этого центра в распространении буддийского учения на севере кушанской империи.

Литература

Абдуллаев К.А., Завьялов В.А. Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени (по материалам Зартепа). М., 1985, ВДИ, 4.

Альбаум Л.И. О толковании каратепинских комплексов (в свете раскопок Фаязтепа). Буддийские памятники Каратепа в Старом Термезе. М., 1985.

Ганевская Э.В., Заславская Ф.А. К атрибуции одной из терракот Сурхандарьинского краеведческого музея в г. Термезе. Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.

Заднепровская Т.Н. Исследования Каратепа в Старом Термезе в 1971–1985 гг. Библиографический указатель. МАИКЦА вып. 12, М., 1987.

Зеймаль Т.И. Буддийская ступа у Верблюжьей горки (к типологии ступ правобережного Тохаристана). Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.

Круглякова И.Т., Пугаченкова Г.А. Дилберджин. М., 1977, с. 61–90.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаишах. М., 1983.

Мешкерис В.А. Отражение индийского культового синкретизма в корoplastике кушанской Бактрии. МАИКЦА, вып. 11, М., 1986.

Пидаев Ш.Р. Раскопки буддийской ступы у городища Зартепа. Ташкент, 1986.

Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок. Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.

Пиляпко В.Н. Раскопки светилища позднекушанского времени на городище Зартепа. Бактрийские древности. Л., 1976, с. 59–68.

Пиляпко В.Н., Масимов И. Буддийская статуэтка из Аккала (Средняя Амударья). СА, 3, М., 1969.

Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии. Из истории античной культуры Узбекистан. Ташкент, 1973.

Пугаченкова Г.А. Бактрийско-индийские связи в памятниках искусства. Древняя Индия. М., 1982.

Ставиский Б.Я. К предьстории археологического изучения Каратепа в Старом Термезе (работы лета 1936 года). Краеведение Сурхандарьи, Ташкент, 1989.

Тургунов Б.А. Раскопки второго буддийского храма на Дальварзинтепа (предварительное сообщение). Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.

Тюляев С.И. Искусство Индии. М., 1988.

Krishan I. The Origin and Development of Bodhisattva Doctrine. East and West, vol. 34, 1984, Nos. 1–3, ROME.

Marshall J. The Buddhist art of Gandhara. Cambridge, 1960.

Rosenfield J. M. The dynastic arts of the Kushans. Bombay, Los Angeles, 1967.

КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ VII–VIII ВЕКОВ ИЗ СЕВЕРНОГО ТОХАРИСТАНА

С.Б. Болелов

Городище Шуроб-Курган расположено на краю древней террасы Амударьи, примыкая с запада к Кампыртепа. В 1982 г. за пределами укрепленной части городища было раскопано раннесредневековое здание. На территории собственно городища заложены и доведены до материка два шурфа. В результате получены два керамических комплекса, относящихся к периоду раннего средневековья, соответствующие двум периодам обживания здания.

КОМПЛЕКС ШУРОБ-КУРГАН – I (Ш-К-I) более ранний, здесь явно преобладает керамика, изготовленная на гончарном круге.

Группа хозяйственной керамики в комплексе Ш-К-I составляет 70% от общего количества. Она подразделяется в свою очередь на две большие подгруппы: тарная посуда (37%) и кухонная (33%).

Подгруппа тарной посуды включает в себя хумы и хумчи.

Выявлено два типа хумов:

1) Хумы, изготовленные из хорошо отмученной глины светло-коричневого или чуть розоватого цвета. Сосуды имеют утолщенный округлый или подчетыреугольный в разрезе венчик, в большей или меньшей степени отогнутый наружу. На некоторых фрагментах отмечены следы кремового или светло-зеленого ангоба (рис. I; 12, 13, 15).

2) Хумы, изготовленные из плохо промешанной глины с обильными примесями шамота и гипса. По всей видимости, они были сформованы вручную ленточным способом, затем верхняя часть подправлялась на круге. Сосуды имеют манжетовидный скругленный венчик и сравнительно высокую горловину (рис. I; 11). На некоторых фрагментах отмечены потеки бурого или темно-коричневого, почти черного цвета, которые располагались в верхней части сосуда. Придонная часть хумов этого типа иногда украшалась пальцевыми зашипами.

Хумчи комплекса Ш-К-I в основном повторяет форму хумов и отличается от них лишь меньшими размерами.

Подгруппа кухонной керамики включает в себя котлы с шаровидным туловом (рис. I; 10), тагора довольно обычной для раннесредневекового Тохаристана формы (рис. I; 16), широкогорлые кувшины с подтреугольным в сечении скругленным венчиком (рис. I; 7, 8), довольно

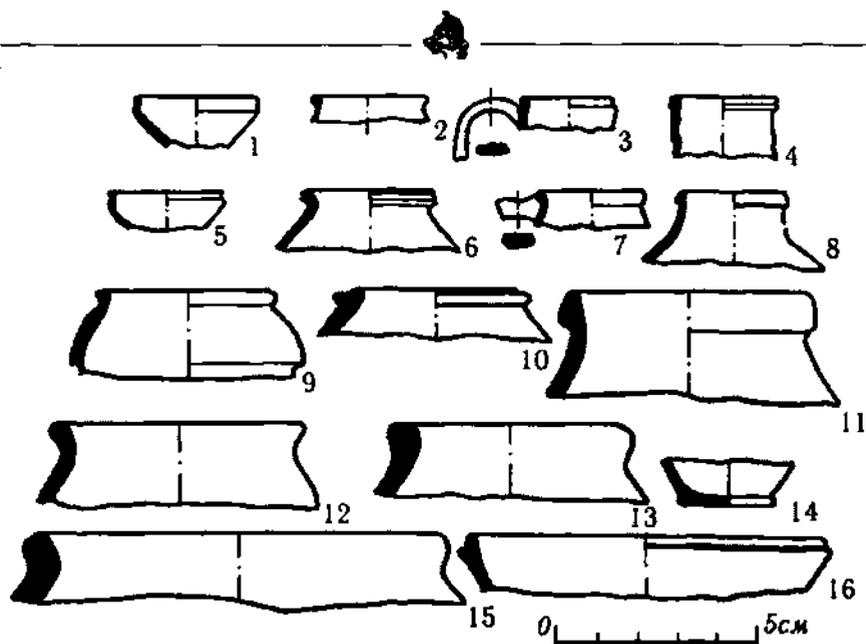

Рис. 1. Керамический комплекс Шуроб-Курган I.

крупные горшки с профилированным, отогнутым наружу венчиком (рис. 1; 6). Обращает на себя внимание фрагмент кухонного лепного котла, имеющего уступ в нижней части тулова. Так, по всей видимости выделялась та часть сосуда, которая ставилась на очаг (рис. 1; 9).

Столовая керамика в комплексе Ш-К-I составляет 29% от общего количества сосудов. Наиболее многочисленны (20% от общего количества) в этой группе широкогорлые кувшины. Они имеют прямой венчик, выделенный одним или двумя валиками и, по всей видимости, достаточно высокую горловину (рис. 1; 3, 4). С внешней стороны сосуда покрыты темным, чаще всего коричневым ангобом. У некоторых из них одна ручка, верхний прилеп которой располагался на венчике или чуть ниже его, а нижний, вероятно, на плечиках сосуда (рис. 1; 3).

Хорошо представлены в комплексе Ш-К-I небольшие полусферические чаши с перегибом стенок в верхней части тулова (рис. 1, 1, 5). Черепок в изломе светло-коричневого или розового цвета. Выделяется фрагмент небольшой полусферической чаши, покрытой с внешней стороны красным пачкающим ангобом.

Очень многочисленны в комплексе небольшие столовые горшочки. Сосуды имеют слегка утолщенный, округлый в сечении и немного отогнутый наружу венчик (рис. 1; 2). Черепок плотный, глина без примесей. С внешней стороны горшочки покрыты плотным темно-красным или темно-коричневым ангобом.

КОМПЛЕКС ШУРОБ-КУРГАН - II (Ш-К-II) - более поздний, несравнимо многочисленный, чем комплекс Ш-К-I. Лепная посуда представлена здесь более широко.

Группа хозяйственной керамики составляет 57% от общего количества и подразделяется в свою очередь на две большие подгруппы:

Подгруппа тарной посуды составляет 24% от общего количества. Здесь, как и в комплексе Ш-К-I, бытуют два типа хумов (рис. 2; 20, 24). Во второй период у некоторых хумчи венчик с оттянутым вниз краем, напоминает клювовидные (рис. 2; 19). Среди новых форм, появившихся в этой подгруппе во второй период, следует отметить крупные горшковидные сосуды типа хумчи, с круглым, сильно отогнутым наружу венчиком и массивным валиком под ним (рис. 2; 18). У этих сосудов довольно тонкие для хумчи стенки. Они сформованы на гончарном круге из хорошо отмученной глины, почти без примесей. Черепок в изломе плотный, светло-коричневого цвета. С внешней стороны хумчи покрыты светло-зеленым ангобом.

Подгруппа кухонной посуды (32%) включает в себя крупные широкогорлые кувшины с подтреугольным, округлым в сечении венчиком и одной ручкой (рис. 2; 10), довольно крупные кувшины с прямостоящим венчиком и валиком под ним (рис. 2; 11), крупные горшки с одним или двумя валиками по венчику (рис. 2; 17), а также тагора с массивным профилированным венчиком (рис. 2; 23). Следует отметить опоясывающие валики по нижней части горловины сосуда, наиболее часто встречающиеся на широкогорлых кувшинах и горшках (рис. 2; 11, 17). Они появляются лишь в период Ш-К-I. В это же время распространяется частичное покрытие поверхности сосуда бурой или черной краской внаплеск, "потеки". Этот прием характерен для гончарных и особенно для лепных горшков. Таким же способом обработана поверхность некоторых хумов.

Лепная керамика комплекса Ш-К-I относится к группе хозяйственной. В период Ш-К-I появляются не встречающиеся ранее лепные миски с прямыми, расширяющимися к устью стенками (рис. 2; 3), небольшие лепные сосуды, по форме напоминающие горшок, однако более стройные, с одной ручкой (рис. 2; 15), лепные тагора (рис. 2; 21), крупные лепные миски с "волнистым" бортиком, правда фрагментарно. Характерной формой в комплексе Ш-К-I являются лепные горшки, сформованные из плохо промешанной глины с обильными примесями шамота и гипса. Черепок в изломе плотный темно-коричневого или черного цвета. На внешней поверхности этих сосудов имеются потеки черного или бурого цвета, в некоторых случаях - поверх красного ангоба. Прямой или слегка утолщенный венчик, в большей или меньшей степени отогнутый наружу (рис. 2; 6), иногда в виде валика (рис. 2; 8).

Лепные кухонные котлы по форме очень напоминают горшки, чаще просто идентичны им, и котлы можно отличить лишь по следам копти на

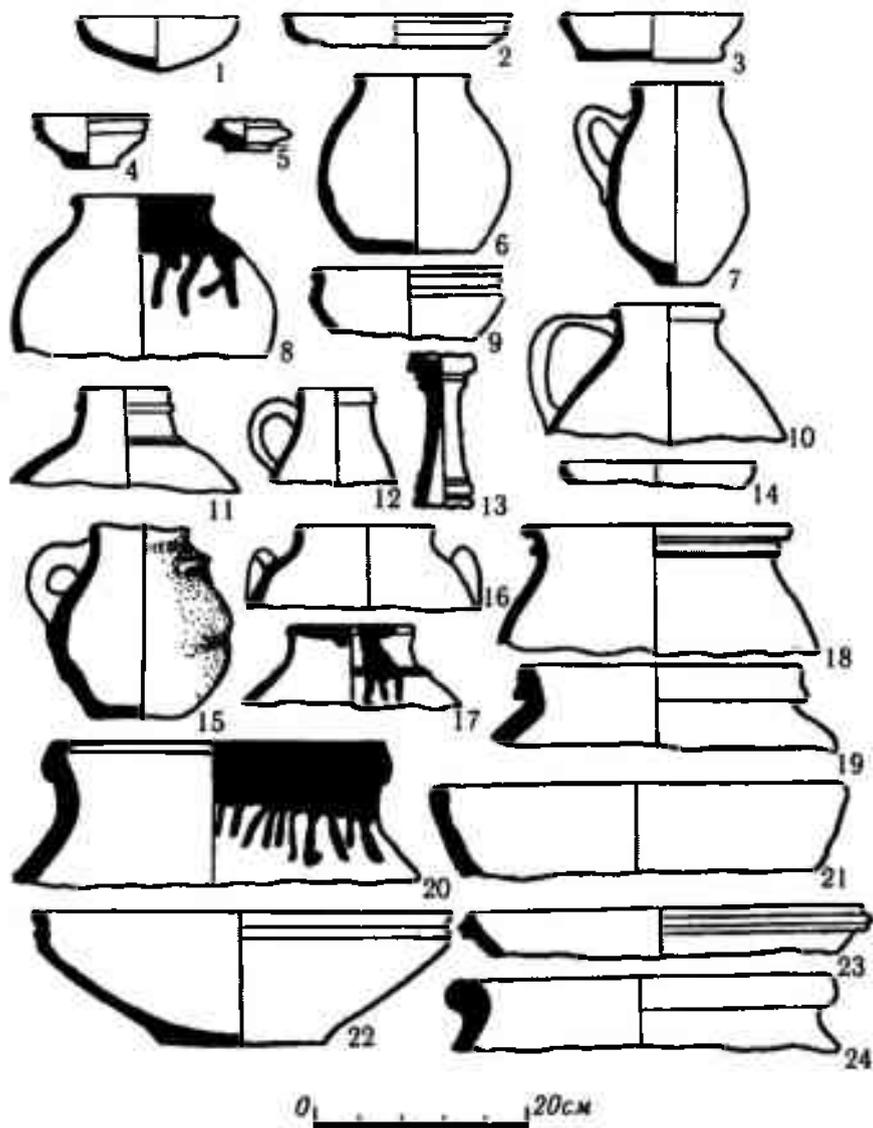

Рис. 2. Комплекс керамики Шуруб-Курган II.

поверхности сосуда. У некоторых котлов подковообразные ручки в виде глухих налепов, прикрепленных к верхней части тулова (рис. 2; 16).

Группа столовой керамики (42%) широко представлена неглубокими мисками с перегибом стенок в верхней части тулова (рис. 2; 2), большими столовыми мисками с утолщенным профилированным венчиком (рис. 2; 22), глубокими столовыми мисками или чашами с плавным перегибом стенок в верхней части тулова, со слегка отогнутым венчиком и несколькими валиками под ним (рис. 2; 9), небольшими чашами типа "пиала" с отогнутым наружу венчиком и валиком под ним (рис. 2; 4), сосудами на высокой ножке, очень напоминающими курильницу (рис. 2; 13). Несколько особняком стоит фрагмент небольшого сосуда, по-видимому, бокала, с подкосом стенок в придонной части (рис. 2; 5).

Характерной формой в комплексе Ш-К-1 являются небольшие широкогорлые кувшинчики с яйцевидным туловом и одной ручкой. Они сформованы из глины хорошего качества, без примесей. Черепок в изломе плотный, светло-коричневого цвета. С внешней стороны эти сосуды покрыты светло-серым или светло-зеленым ангобом (рис. 2; 7, 1).

Узкогорлые кувшины представлены фрагментарно. Все они отличаются высоким качеством изготовления, по всей видимости, имели невысокую горловину и раздутое тулово. Встречаются отдельные невыразительные фрагменты узкогорлых кувшинов с рожком сливом, прикрепленным к венчику.

Бабатепа. Во время раскопок монументального здания на Бабатепа получен комплекс раннесредневековой керамики, судя по всему синхронный комплексу Ш-К-1. В период раннего средневековья долина реки Шерабад входила в состав княжества Гуфтан, одного из трех владений, располагавшихся на территории Сурхандарьинской области (Ртвеладзе, 1983, с. 74-75). В результате работ на Бабатепа выяснилось, что здание обживалось дважды. Оно было построено во времена поздних кушан и наиболее интенсивно функционировало в кушано-сасанидский период. Затем наступил период упадка, и через некоторое время жители покинули его. Во второй период здание живет недолго, очевидно, жители используют наиболее сохранившиеся помещения, культурный слой второго периода зафиксирован не во всех помещениях здания.

Двум периодам жизни здания соответствуют два разновременных керамических комплекса – Бабатепа I и Бабатепа II.

В комплексе Бабатепа I представлены формы, характерные для позднекушанского и кушано-сасанидского времени Северной Бактрии (рис. 3; 11-26).

В комплексе Бабатепа II прежде всего обращают на себя внимание две лепные хумчи, найденные *in situ* на уровне самого верхнего пола одного из помещений. Они грушевидной формы, округлое дно, венчик прямой, слегка утолщенный. Сформованы из плохо промешанной глины с обильными примесями шамота, не ангобированы, на одном из них роспись темно-красной краской в виде вертикальных полос от венчика к днищу (рис. 3; 1). Кроме

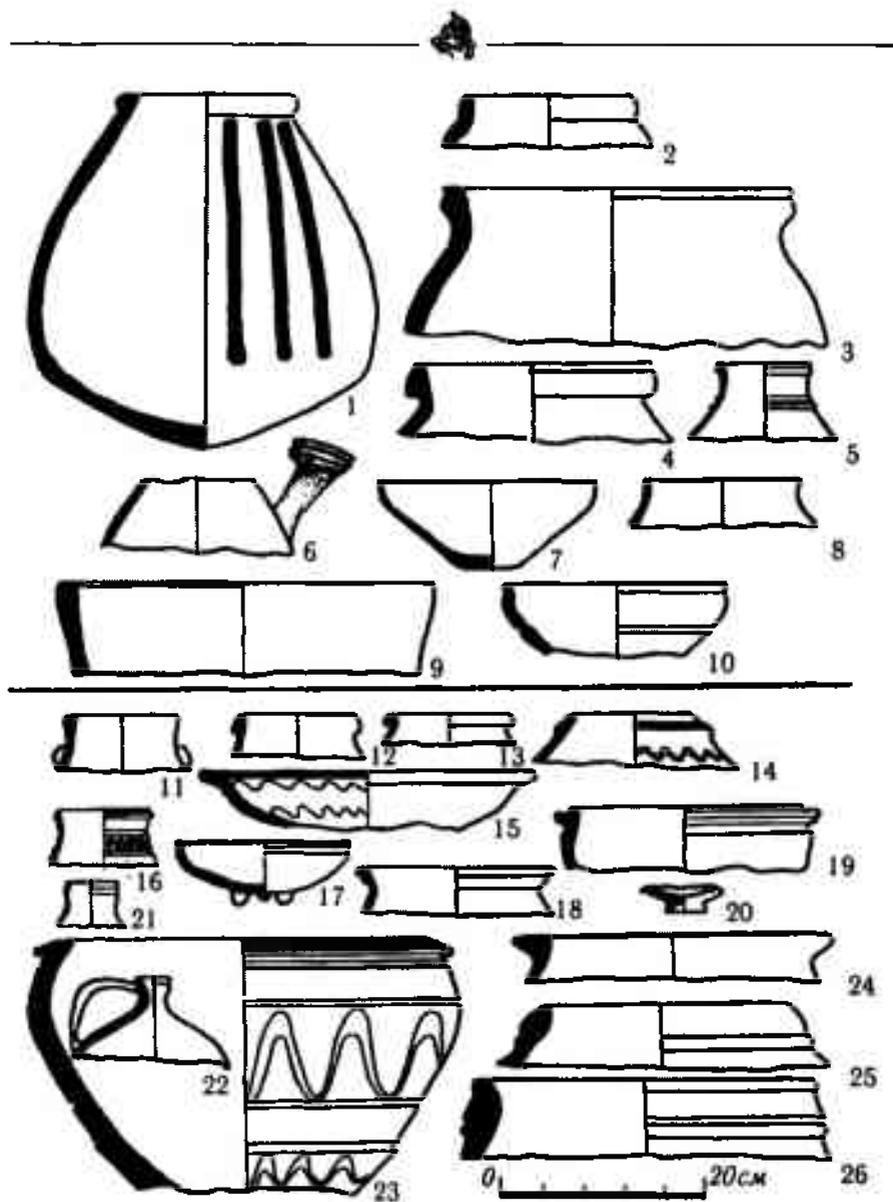

Рис.3. Комплекс керамики Бабатэпа.

хумчей, следует отметить крупные толстостенные горшки с прямым утолщенным венчиком (рис. 3; 2), лепные горшки и тагора, аналогичные шуроб-курганским (рис. 3; 8). В комплексе Б-Т-II встречаются фрагменты хумов, по технологии изготовления, в некоторой степени, по форме венчика близкие шуробкурганским (рис. 3; 3, 4). На Бабатепа хорошо представлены широкогорлые кувшины с профилированным венчиком и опоясывающими валиками на горловине, также имеющие аналоги среди керамики Шуроб-Кургана (рис. 3; 5), полусферические чаши с небольшим отогнутым наружу венчиком (рис. 3; 10), глубокие полусферические миски с перегибом стенок в верхней части тулова (рис. 3; 7).

Опираясь на приведенные выше аналоги, следует, по всей видимости, считать комплекс Б-Т-II одновременным комплексу Ш-К-II. Исходя из этого, предложенные ниже абсолютные даты комплексов керамики Шуроб-Курган с полным основанием можно отнести к керамике комплекса Б-Т-II.

Благодаря нумизматическим находкам, можно достаточно точно установить время жизни здания, раскопанного на городище Шуроб-Курган. Постройку и первый строительный период следует датировать не ранее конца IV - начала V вв. - в кладке стены здания найдена кушано-сасанидская монета, к сожалению плохой сохранности.

Время окончательного запустения здания определяется двумя ранними аббасидскими фельсами, относящимися к периоду забутовки помещений второго периода жизни здания. Таким образом, дата жизни здания в довольно широких пределах, а именно V - середина VIII вв., однако другие нумизматические находки и стратиграфические наблюдения позволяют значительно сузить эту датировку.

В завалах, перекрытых полом второго периода жизни здания, найдены две монеты плохой сохранности. В культурном слое на полу первого периода найдена еще одна монета. Сохранность неудовлетворительная. Диаметр 30 мм. Лицевая сторона: бюст правителя в короне / ? / вправо, по краю монетного кружка угадываются четыре точки, по краю лицевой стороны надчеканы, изображение в них неясное; оборотная сторона: в центре алтарь огня, по обеим сторонам которого стоят человеческие фигуры.

Эта монета относится к распространенным в районе Термеза подражаниям монетам Пероза. Судя по наличию надчеканов, она относится к ранним эмиссиям - 287 или 287 А (по Гёбляу), отдельные детали короны, приближающие ее к исходному образцу, не позволяют отнести эту монету к поздней эмиссии 289, которая отличается схематизацией деталей короны и заменой портрета Пероза изображением местного правителя. Ранние эмиссии эфталтских подражаний Перозу в районе Термеза Б.И. Вайнберг датирует последней четвертью V-VI вв. Собственно последней четвертью V в. датируется только эмиссия 287, а последующие эмиссии Б.И. Вайнберг считает возможным датировать после начала VI в. (Вайнберг, 1972, с. 141-143). Опираясь на эти данные, мы можем более или менее точно определить нижнюю границу здания - конец V - начало VI вв., а наиболее вероятно - начало VI в.

В слоях, относящихся ко второму периоду жизни здания, найдена монета из той же серии, что и монета, происходящая из ранних слоев. Сохранность неудовлетворительная. Диаметр 32 мм. Лицевая сторона: бюст правителя в рогатой короне в круге вправо. Над короной полумесяц, над ним точка. По краю монетного кружка четыре точки. По краю лицевой стороны надчеканы, изображение неразборчиво. Обратная сторона: в центре алтарь огня, по обеим сторонам которого стоят человеческие фигуры.

Судя по всему, эта монета также относится к ранним эмиссиям подражаний монетам Пероза, во всяком случае нет оснований относить ее к поздним эмиссиям — изображение на лицевой стороне довольно четкое, детали короны проработаны. В этом же слое найдена танская монета "Кай-юань тун бао" обычного типа, обратная сторона гладкая.

Подражания Перозу в районе Термеза датируются очень широко, в пределах всего VI в. (Вайнберг, 1972, с. 141–143). Вероятно, они обращались в этом районе и в начале VII в., о чем в частности говорит находка этих монет в одном слое с танской монетой. В этом случае второй период жизни здания определенно следует датировать монетой "Кай-юань тун бао", имеющей четкую нижнюю границу обращения на территории Средней Азии не ранее второй четверти VII в. Обратная гладкая сторона говорит о том, что монета относится к наиболее ранним выпускам, следовательно ее можно датировать второй четвертью VII в. (Смирнова, 1981, с. 35–36).

Верхняя граница жизни здания определяется находками ранних арабских фельсов. Один из них, весьма редкий, выпущен от имени амира Насра ибн Сайара, бывшего наместником Хорасана в 738–748 гг. (Ртвеладзе, 1983, с. 39). На основе этой находки период запустения здания датируется не позднее середины VIII в. Таким образом, второй период жизни здания датируется второй четвертью VII в. — первой половиной VIII в.

Между первым и вторым периодом жизни здания стратиграфически фиксируется некоторый временной разрыв (пол второго строительного периода положен на пол, относящийся к периоду частичного запустения здания), однако он был, по всей видимости, небольшим.

Набор форм и внешний облик керамики периода Ш-К-I не отличается коренным образом от керамики периода Ш-К-II. Учитывая это, период временного запустения здания следует датировать концом VI — началом VII вв.

Таким образом, опираясь на вышеизложенные факты, первый период жизни здания и соответственно керамический комплекс Ш-К-I датируется концом V — VI вв., второй период жизни здания и соответственно керамический комплекс Ш-К-II датируется второй четвертью VII — первой половиной VIII вв.

На территории Северного Тохаристана известны комплексы керамики преарабского времени. Хорошо датированный комплекс VII — нач. VIII вв. получен Л.И. Альбаумом на памятнике Зангтепа. Здесь достаточно аналогий для некоторых форм столовой керамики комплексов Ш-К-II и Б-Т-П (Альбаум, 1963, с. 78–79).

Лепная посуда Зангтепа существенно отличается от шуробкурганской и прежде всего набором форм. На Зангтепа нет лепных сосудов, напоминающих кувшин с одной ручкой, лепных мисок с прямыми стенками, лепных тагора, небольших кухонных горшков с потеками. Здесь лепная посуда представлена кухонными котлами с ручками или без них (Альбаум, 1963, с. 79).

Небольшой, но достаточно характерный комплекс раннесредневековой керамики происходит из раскопок цитадели Хайрабадтепа. Основную ее часть составляют фрагменты тарных сосудов. Хорошо представлены хумы, аналогичные хумам I типа на Шуроб-Кургане, и отсутствуют хумы второго типа, однако обращает на себя внимание нижняя часть хумчи, стенки которой при переходе к дну оформлены пальцевыми зашипами, что типично для хумов второго типа комплекса Ш-К-II (Альбаум, 1960, с. 48, рис. 28, 18).

Верхние слои Хайрабадтепа датируются V–VII вв. (Альбаум, 1960, с. 122). В последние годы эта датировка пересматривается и сейчас верхний слой Хайрабадтепа датируется более узко, а именно VI – первой половиной VII вв. (Аннаев, 1984, с. 8).

В пятидесятых годах на территории Ангорского района Сурхандарьинской области раскопан раннесредневековый замок Балалыктепа. Основная часть керамики, к сожалению, оставалась неопубликованной, вследствие чего мы имеем представление об этом комплексе, в основном, только по столовой посуде. В целом керамика Шуроб-Кургана значительно отличается от керамики Балалыктепа. Некоторые формы из Балалыктепа (Альбаум, 1960, с. 93, рис. 67) находят аналоги в раннесредневековых керамических комплексах Южного Таджикистана (Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 315; Исаметдинов, 1978, с. 295). Однако, нельзя не отметить определенное сходство по технологии изготовления отдельных сосудов Шуроб-Кургана и Балалыктепа, прежде всего, это относится к открытым формам. Например, чаша из Балалыктепа, изготовленная из глины с большим количеством примесей без применения гончарного круга, впрочем по такой же технологии изготовлены и некоторые другие сосуды, которые остались неопубликованными. Эти сосуды близки некоторым чашам и мискам из Шуроб-Кургана, например, крупным лепным мискам с изогнутым краем.

Вся керамика, опубликованная исследователем, происходит из помещения 12 замка Балалыктепа, относящегося ко второму периоду жизни здания – конец V – первая половина VI вв. Судя по публикации, помещение продолжает функционировать до окончательного запустения здания, на протяжении всего третьего периода жизни здания, который датируется второй половиной VI – началом VII вв. В помещении 12 целые сосуды лежат на суфах, большое количество целых или почти целых сосудов найдено непосредственно на полу, около алтаря. Вероятно вся керамика была брошена обитателями здания в самый последний момент, перед тем как здание было окончательно заброшено, т.е. в первой четверти VII в. Видимо, этим временем и следует датировать керамику из помещения 12 Балалыктепа.

Небольшой комплекс раннесредневековой керамики, относящийся, по всей видимости, к предарабскому времени, получен на памятнике Айсаритепа в районе г. Шерабад. И в этом комплексе есть отдельные аналоги сосудам из Шуроб-Кургана, прежде всего в группе столовой посуды. Это те же глубокие столовые миски, крупные кувшины с широким устьем, небольшие кувшинчики с одной ручкой (Пидаев, 1974, с. 39, рис. 6).

Единственный хорошо датированный комплекс раннесредневековой керамики в Чаганиане из Куляльтепа. На основе нумизматических и эпиграфических данных керамика Куляльтепа датируется VII – началом VIII вв. (Ртвеладзе, 1980, с. 485).

Посуда Куляльтепа значительно отличается от керамики Шуроб-Кургана. Прежде всего следует отметить богатую орнаментацию столовой посуды. Здесь различные виды орнамента: резной, процарапанный, в виде отдельных простейших штампов. На Куляльтепа найдено очень немного лепной посуды и вся она представлена фрагментами кухонных котлов с различными типами ручек. Не встречено на Куляльтепа и хумов, аналогичных хумам второго типа на Шуроб-Кургане, здесь полностью преобладают сосуды, аналогичные хумам первого типа на Шуроб-Кургане.

На обоих памятниках встречаются сосуды, чаще всего кувшины, покрытые светлым ангобом, однако, если на Шуроб-Кургане светлоангобированные кувшины и горшки довольно часто имеют потеки бурого или темно-коричневого цвета, то на Куляльтепа ни одного такого сосуда не встречено. В свою очередь, если на Куляльтепа кувшины и горшки довольно часто украшались резным или процарапанным орнаментом в виде зигзага или перекрещивающихся под углом прямых линий, то на Шуроб-Кургане такой декоративный прием не известен.

И все-таки, несмотря на значительные различия в керамике этих двух памятников, можно отметить несколько форм сосудов, представленных как на Куляльтепа, так и на Шуроб-Кургане. В комплексе керамики Куляльтепа находят себе аналоги прежде всего шуробкурганские кувшины с широким устьем, причем не только по форме венчика и профилю сосуда, но и по технологическим признакам. На обоих памятниках эти сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины почти без примесей, иногда встречаются отдельные включения гипса, но они скорее всего естественного происхождения. На Куляльтепа, так же как и на Шуроб-Кургане, преобладают кувшины с темным ангобным покрытием. По профилю сосуда близки шуробкурганским столовые миски Куляльтепа с перегибом стенок в верхней части.

На территории Южного Таджикистана наиболее интенсивно изучались раннесредневековые памятники Вахшской долины (Литвинский, Седов, 1983, с. 3–7). Керамика городища Кафиркала, а именно комплекса, относящегося к последнему периоду жизни городища – Кафиркала – I, изготавливалась на гончарном круге. Отдельные формы столовой посуды периода К-Ф-I по профилю напоминают шуробкурганские. Это относится к столовым мискам,

кувшинам с широким устьем и одной ручкой, в какой-то степени к горшкам, определенно напоминают шуробкурганские кувшинчики с одной ручкой (Соловьев, 1985, табл. 40). Однако это все лишь отдаленные аналогии и в основной массе керамика комплекса К-Ф-1 существенно отличается от керамики Шуроб-Кургана. Многие миски из Кафиркала имеют кольцевой поддон, что сближает их с мисками из Аджинатела (Зеймаль, 1962, с. 25). Довольно распространенной формой в комплексе керамики К-Ф-1 являются узкогорлые кувшины со смятым сливом и грушевидным туловом (Соловьев, 1973, табл. 40). Помимо Вахшской долины, аналогичные сосуды встречаются в долине реки Кафирниган, также в южном Таджикистане, на памятнике Мунчактепа. В долине Шерабада аналогичный сосуд был найден, как мы уже отмечали, на памятнике Балалыктепа, здесь он имеет кольцевой поддон. В комплексах керамики Шуроб-Кургана и Бабатепе такие кувшины не известны. Судя по публикации, нет таких сосудов и на Зангтепа. Достаточно характерен для раннесредневековой керамики Вахшской долины красный "пачкающий" ангоб, которым покрывались некоторые миски. На памятнике Шуроб-Курган встречен лишь один фрагмент небольшой тонкостенной миски, покрытой красным "пачкающим" ангобом (рис. 1; 5). Этот фрагмент происходит из раннего комплекса Ш-К-1. На Бабатепе подобные сосуды не встречаются, нет их, судя по публикации, и на Зангтепа. Кухонные горшки и котлы Кафиркала преимущественно лепные. Они имеют традиционную для сосудов этого типа форму и находят себе аналогии практически во всех раннесредневековых комплексах Среднеазиатского Двуречья. Отдельные сосуды этого типа комплекса К-Ф-1 по форме напоминают шуробкурганские, но с более вытянутыми пропорциями. На Кафиркала отсутствуют лепные кухонные горшки с потеками темно-коричневого или бурого цвета, столь характерны для комплекса Ш-К-1. Лепная керамика вообще не часто встречается в раннесредневековых керамических комплексах Вахшской долины. Так, на памятнике Чоргультепа, где получен набор керамических форм, характерный для раннесредневекового времени Южного Таджикистана, "находки лепных сосудов единичны" (Аннаев, 1984, с. 43).

Интересный керамический комплекс был получен на городище Хоки-Сафед в Дангаринском районе в Южном Таджикистане. Керамика, по словам исследователя, "типологически близка керамике Джетысарской культуры в ее средневековой фазе" (Денисов, 1979, с.219). Очень близки Джетысарским широкогорлые сосуды с сильно отогнутым венчиком, некоторые типы хумов, широкогорлые кувшины с раздутым туловом. Один из хумов по форме венчика аналогичен хумам второго типа из Шуроб-Кургана. Финальный этап Джетысарской культуры датируется Л.М. Левиной концом VII—IX вв. Вероятно, этим временем следует датировать и комплекс керамики городища Хоки-Сафед. Наличие в комплексе хума, очень близкого хумам Шуроб-Кургана, ни в коей мере не противоречит этой датировке.

Среди известных в настоящее время в Северном Тохаристане комплексов керамики второй половины VII – первой половины VIII вв. керамика Шуроб-Кургана второго периода и керамика верхних слоев Бабатепа отличается определенным своеобразием и прежде всего это касается лепной посуды. Некоторые сосуды из Шуроб-Курагана и Бабатепа находят аналоги далеко к северу от Тохаристана, на территории средней Сырдарьи.

На территории Тохаристана шуробкурганские хумы второго типа встречаются крайне редко. Следует отметить находку подобного сосуда на памятнике Хишттепа в Южном Таджикистане (Литвинский, Соловьев, 1985, табл. VIII, 12). Сосуды этого типа не находят себе аналогий на территории Согда, здесь преобладают различные варианты хумов первого типа. Наибольшее количество аналогий шуробкурганские хумы второго типа обнаруживают в северных и северо-западных районах Средней Азии, а также в Фергане, в районах так или иначе связанных со скотоводческими культурами.

В определенной степени профилировка венчиков шуробкурганских хумов и некоторых хумчей напоминает профилировку венчиков сосудов этого типа периода Каунчи III на средней Сырдарье (Левина, 1971, с. 181, рис. 59). На Сырдарье преобладают прямоугольные в сечении венчики, а клювовидные встречаются изредка (Левина, 1971, с. 185).

Манжетовидные и клювовидные венчики хумов достаточно хорошо известны на раннесредневековых памятниках Шаша и, в частности, на Таукаттепа. Таукаттепинские хумы, также как и шуробкурганские, изготовлены из глины с обильными примесями (Папахристу, 1982, с. 139). Подтреугольные и подчетыреугольные в разрезе венчики хумов, "нижний край которых оттянут вниз и напоминает бородку", встречаются в слоях VI–VII вв. на территории Ферганы (Брыкина, 1982, с. 60; с. 167, табл. 7). Менее схожи хумы второго типа Шуроб-Кургана с хумами позднеафригидского Хорезма. В Хорезме отсутствуют хумы с клювовидным и подтреугольным венчиком. Здесь распространены сосуды с венчиком в виде сильно скругленного высокого манжета, лишь в отдельных случаях напоминающие шуробкурганские (Неразик, 1966, с. 139, 4). Форма хорезмских хумов отлична от наших. В Хорезме они имеют более высокую горловину и узкое устье, кроме того, венчик здесь чаще всего прямой, тогда как на Шуроб-Кургане он отогнут наружу. Именно в позднеафригидский период, как аргументированно показала Е.Е. Неразик, культура древнего Хорезма активно взаимодействует с кочевыми племенами дельт Амударьи и Сырдарьи, и эти связи достаточно хорошо прослеживаются в керамике Хорезма этого времени.

Лепные кухонные горшки Шуроб-Кургана находят наиболее близкие аналогии также в комплексах Средней Сырдарьи на территории распространения Каунчинской и Отрарско-Каратаусской культур (Левина, 1971, с. 181, рис. 59; с. 122, рис. 38; с. 218, рис. 66). Особняком стоит

лепной сосуд, по форме напоминающий горшок с одной ручкой и налетом в виде креста (рис. 2; 15). Этот сосуд почти полностью аналогичен лепному горшку из кургана 96 Шаушукумского могильника (Максимова, Мерциев, с. 295, табл. XXIX). Весь комплекс вещей могильника датируется периодом III–V вв. (19, с. 240). Для ранних этапов Каунчинской культуры характерны налеты в виде креста, который располагался в верхней части сосуда, а в некоторых случаях – на ручке. Кроме приведенной выше аналогии сосуд из Шуроб-Кургана обнаруживает некоторое сходство по профилю с лепным кувшином из Актепа в Ташкенте, однако на сосуде из Актепа отсутствует налет (Тереножкин, 1948, с. 116, рис. 18).

Характерной чертой шуробкурганских хумов и горшков являются потеки бурого или черного цвета в верхней части сосуда. Такая же особенность отмечена Л.И. Альбаумом на хумах из Балалыктепа, однако они отличны по форме и технологическим признакам от сосудов из Шуроб-Кургана (Альбаум, 1960, с. 67). По данным Т. Аннаева, котлы с потеками поверх ангоба и хумы с буровато-коричневым ангобом появляются на территории Тохаристана в пределах VI в. (Аннаев, 1984, с. 14).

В комплексе Ш-К-II темный ангоб покрывает сосуд “внаплеск”, но одна из хумчей комплекса Б-Т-II покрыта вертикальными полосами темно-красного цвета от венчика к днущу.

Потеки типичны для керамических комплексов каунчинской культуры, особенно на ранних ее этапах. Отделка поверхности сосудов мазками, каплями и потеками темного ангоба характерна для всех этапов ее развития (Левина, 1971, с. 180). Этот же прием встречается в керамических комплексах VIII в. на территории Южного и Бухарского Согда. Здесь он сосуществует с росписью сосудов светло-коричневой и светло-красной краской (Усманова, Кабанов, 1975, с. 116–117; Шишкин, 1963, с. 173, рис. 53). Потеки красного или коричневого цвета отмечены на некоторых сосудах в нижнем слое Пенджикента, причем здесь потеки или полосы темного ангоба покрывали почти всю поверхность сосуда и встречались чаще всего на кувшинах и чашах (Маршак, 1957, с. 91–94).

В Северном Тохаристане, кроме района Термеза и долины Шерабада, этот прием отделки поверхности сосудов не встречается. Однако в раннесредневековых керамических комплексах Северного Афганистана встречаются лепные горшки. Некоторые из них, например, сосуды из Джабартепа, покрывались мазками и потеками бурого цвета (Пугаченкова, 1976, с. 158).

Керамика с потеками появляется на Шуроб-Кургане в небольшом количестве в период Ш-К-I, т.е. где-то в начале VII в., но наиболее часто она встречается в комплексе Ш-К-II. Следует остановиться на одном факте, свидетельствующем, на наш взгляд, о возможной связи этого типа орнамента с культурами Средней Сырдарьи. М.Э. Воронец рассматривает потеки по тулову сосуда как символ благополучия, они, по его мнению, “напоминают струйки, льющиеся из переполненного сосуда” (Воронец, 1947, с. 251). В

связи с этим интересно заметить, что на Шуроб-Кургане, так же как и в комплексах каунчинской культуры, потеками покрывалась в основном тарная и хозяйственная посуда, тогда как в более раннем керамическом комплексе нижнего слоя Пенджикента они встречаются в основном на чашах и кувшинах (Маршак, 1957, с. 91–94).

Лепные тагора Шуроб-Кургана отличаются чрезвычайной простотой и стабильностью формы. Среди них практически не отмечено вариантов. Сосудам с Шуроб-Кургана наиболее близки тагора с городища Актоба в Южном Казахстане, однако здесь они относятся к более раннему времени. Верхняя граница жизни городища определяется не позднее IV–V вв. (Сенигова, 1963, с. 73, рис. 15). По всей видимости, в более поздних керамических комплексах Отрарско-Каратаусской культуры эта форма неизвестна, во всяком случае аналогичные сосуды отсутствуют в комплексе VII–VIII вв. поселения Ак-тоба. Нет таких сосудов и в комплексе керамики VII–VIII вв. городища Бабатепа. В последнем хорошо представлены “миски крупных размеров типа тазов с прямыми стенками. Венчики образованы отгибом наружу прямоугольной площадки”, но, по-видимому, отсутствуют тагора с прямыми стенками и прямым венчиком (Агеева, с. 189–192).

Лепные миски встречены только в верхнем слое Шуроб-Кургана. Обращают на себя внимание небольшие миски с раскинутыми прямыми стенками и прямым венчиком. Эта форма не находит аналогий в раннесредневековых комплексах Северного Тохаристана. В Южном Согде, особенно в Нахшебе, хорошо известны лепные полусферические миски с округлым дном. Эти сосуды относятся к более раннему времени, а именно к V–VI вв. (Исаметдинов, 1978, с. 228; Кабанов, 1969, с. 82; Кабанов, 1964, с. 20, рис. 7). Лепные миски достаточно хорошо известны в комплексе керамики нижнего слоя Пенджикента (Маршак, 1957, с. 97). Лепные миски с прямыми стенками, аналогичные шуробкурганским, практически не известны на территории Согда, более характерна эта форма для комплексов Отрарско-Каратаусской культуры I–IV вв. (Сенигова, 1963, с. 73, рис. 15).

Крупные полусферические миски с волнистым бортиком и прямым венчиком вероятнее всего являются кустарным подражанием хорошо известным в комплексах VII–VIII вв. столовым мискам с “волнистым” бортиком, которые Б.И. Маршак относит к керамике “нового типа”, изготовленной в подражание металлическим образцам (Маршак, 1957, с. 177, рис. 7; с. 188). Одна из таких мисок найдена на Зангтепа (Альбаум, 1963, с. 79, рис. 3).

Аналогии лепной керамике Шуроб-Кургана и Бабатепа позволяют предполагать, что она связана с керамикой Средней Сырдарьи и, может быть, появилась в Северном Тохаристане в результате непосредственного контакта этих двух областей. Более того, некоторые формы лепной посуды Шуроб-Кургана и Бабатепа, такие как лепные горшки с одной ручкой, лепные миски с прямыми расширяющимися стенками хумы и хумчи с венчиком в виде скругленного манжета, хумчи с грушевидным туловом и округлым

дном не имеют прототипов в ранних керамических комплексах Тохаристана, а также аналогий на всей территории региона. Это позволяет их рассматривать как привнесенные извне. Сейчас можно говорить по крайней мере о двух областях, так или иначе оказавших определенное влияние на керамическое производство юга Узбекистана VII–VIII вв: Нахшеб и область среднего течения реки Сырдарья. Связи, которые прослеживаются в керамическом производстве Тохаристана и Согда, можно объяснить традиционным взаимовлиянием двух древнейших земледельческих областей Средней Азии, которое усиливало подчас политическое объединение двух регионов, как, например, во времена Тюркского Каганата. Некоторое сходство отдельных форм керамики Тохаристана и Средней Сырдарьи объясняется этническими процессами, происходившими на территории Средней Азии в эпоху раннего средневековья.

С VI в. отмечается проникновение тюрков на территорию Среднеазиатского Двуречья. Этот процесс в определенной степени отражен в керамическом производстве Средней Азии этого времени (Маршак, 1957, с. 199). В период VI–VII вв. в результате влияния извне в Согде появляются новые керамические формы; кружки, некоторые типы кувшинов. К началу VIII в. многие из них исчезают или преобразуются, как например, в комплексе керамики верхнего слоя Пенджикента (Бентович, 1964). То же очевидно происходит и в некоторых районах Тохаристана – Чаганиане (Куляльтепа), долине Вахша (Кафиркала). Однако в низовьях Сурхандарьи (район Термеза) и в долине Шерабада наблюдается несколько другая картина. В конце VII – начале VIII вв., наряду с традиционными для этого времени формами, появляются некоторые формы лепной керамики, не традиционные и необычные для других районов Тохаристана и Согда этого времени и находящие иногда прямые аналогии с керамикой Средней Сырдарьи. В это же время на отдельных памятниках юга Таджикистана отмечаются формы, близкие керамике Джетысарской культуры в ее раннесредневековой фазе.

Тохаристан был окончательно подчинен тюрками, по всей видимости, в начале или в первой четверти VII в. Китайский путешественник Сюань-Цзянь, посетивший Тохаристан где-то в середине VII в., говорит, что 27 владений, на которые разделен Тохаристан, находятся в зависимости от тюрков. Китайские хроники этого времени называют в числе основных народов, населяющих Тохаристан, тюрков, эфталитов (е-да) и тохаристанцев (ху). Присутствие в Северном Тохаристане тюрков подтверждают и археологические данные. На территории Южного Таджикистана отмечены находки древнетюркских изваяний (Соловьев, 1985, с. 247). По данным нумизматики, во второй половине VI в. в долине Шерабада начинают обращаться подражания монетам Пероза с тамгой, аналогичной тамге на монетах тюркских правителей Согда и Чача, что, по мнению Ртвеладзе, свидетельствует о тюркской ориентации этой области (Ртвеладзе, 1985, с. 75). К сожалению, мы знаем немного могильников преарабского времени на территории Тохаристана. Те немногочисленные погребения, которые

известны, ни по типу погребального сооружения, ни по обряду погребения никак не связаны с тюрками. Полуподземные склепы, раскопанные на территории Чаганиана, напоминают скорее катакомбы, хорошо известные в это время в Чаче (Болелов, 1985, с. 25).

Во время экспансии тюрков в Северный Тохаристан сюда проникают группы населения из областей среднего и нижнего течения Сырдарьи. Основным районом их расселения была, по-видимому, долина реки Шерабад.

Литература

- Альбаум Л.И.** Раскопки замка Занг-тепе. ИМКУ, 1963, вып. 4.
- Альбаум Л.И.** Балалык-тепе. Ташкент, 1960.
- Аннаев Т.** Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. 1984.
- Агеева Е.И.** Памятники средневековья (раскопки на Баба-ата).
- Брыкина Г.А.** Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. н.э. Москва, 1982.
- Бенгович И.Б.** Керамика верхнего слоя Пенджикента. МИА, 1964, 124.
- Болелов С.Б.** Раннесредневековые погребения в пещерных склепах на территории Северного Тохаристана. В сб.: Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуре и археологии. Тезисы докладов. Ташкент, 1985.
- Вайнберг Б.И.** Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв. /в связи с запусением Кара-тепе. В кн.: Кара-тепе. Буддийский культовый центр в Старом Термезе, 1972.
- Воронец М.Э.** Отчет археологической экспедиции музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н.э. возле станции Вревская в 1947 г. цит. по Максимова и др. с. 251.
- Денисов Е.П.** Отчет о работе Дангаринского отряда в 1974 г. АРТ, 1979, вып. 14.
- Зеймаль Т.И.** Археологические работы в Вахшской долине в 1960 г. АРТ, 1962, вып. 8.
- Исаметдинов М.Х.** Стратиграфия городища Ер-курган в Южном Узбекистане. СА, 1978, 3.
- Кабанов С.К.** Айтугды-тепе. ИМКУ, 1969, вып. 9.
- Кабанов С.К.** Раскопки на Шор-тепе близ Карши. ИМКУ, 1964, вып. 5.
- Литвинский Б.А. Соловьев В.С.** Средневековая культура Тохаристана М., 1985.
- Литвинский Б.А. Зеймаль Т.И.** Аджина-тепе. М., 1971.
- Литвинский Б.А. Седов А.В.** Тепаи-Шах. М., 1983.
- Левина Л.М.** Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. Тр. ХАЭЭ, т. VII, М., 1971.
- Максимова А.Г. Мершиев М.С. Вайнберг Б.И. Левина Л.М.** Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

Мандельштам А.М. Певзнер С.Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952–1953 гг. МИА, 1958, 66.

Маршак Б.И. Керамика нижнего слоя Пенджикента. Изв. ООН АН Тадж. ССР, 1957, вып. 14.

Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII–VIII вв. Тр. Гос. Эрмитажа, 1961, т. V.

Немцева Н.Б. Традиции и влияние в средневековой архитектуре комплекса Бабатепа. В сб.: Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Тезисы докладов. Ташкент, 1985.

Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.

Папахристу О.А. Стратиграфия Таукат-тепа. В кн.: У истоков древней культуры Ташкент. Ташкент, 1982.

Пидаев Ш. Материалы по изучению древних памятников Северной Бактрии. В кн.: Древняя Бактрия, Л., 1974.

Пугаченкова Г.А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. В кн.: Древняя Бактрия. М., 1976.

Ртвеладзе Э.В. Исследования на городище Будрач. АО – 1979. М., 1980.

Ртвеладзе Э.В. Исследования на городище Будрач и в его окрестностях. АО – 1981. М., 1983.

Ртвеладзе Э.В. К истории Южного Узбекистана в эфталитское время. В кн.: Бактрия – Тохаристан на древнем Средневековом Востоке. Тезисы докладов. М., 1983.

Ртвеладзе Э.В. К истории денежного обращения в Саганийане VIII – нач. XIII вв. ЭВ, XXIII, Л., 1985.

Сейтгова Т.Н. Поселение Ак-тобе. Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР, 1963, т. 14.

Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.

Соловьев В.С. Керамика Кафыр-калы. АРТ, 1973 вып. 10.

Соловьев В.С. Новые находки древних тюркских изваяний в Южном Таджикистане. СА, 1985, 2.

Тереножкин А.И. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940) Тр. ИИА АН УзССР, 1948, т. I.

Усманова З.И., Кабанов С.К. К стратиграфии верхних культурных слоев памятников зоны Чимкурганского водохранилища /VIII–XIII вв./ ИМКУ, 1975, вып. 12.

Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.

ЗНАЧЕНИЕ КОСТЮМНОГО КОМПЛЕКСА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА (ПО АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ДАНЫМ СРЕДНЕЙ АЗИИ)

Г. М. Майтдинова

Традиционная одежда народов Средней Азии хранит в себе немало следов древних напластований и служит ключом к раскрытию их этногенеза, позволяет увидеть их исторические корни и межэтнические связи. При ретроспективном исследовании этногенетической проблематики важнее всего остановиться на традиционном этнографическом костюмном комплексе: верхняя одежда (типа халата-кафтана) и рубаха туникообразных покровов, штаны и головной убор-башлык, бытовавшие у многих евразийских народов в древности. Она несет в себе реликты архаической одежды, и является, тем самым, генетическим фондом, отражающим исторические судьбы.

Традиции классического этнографического костюмного комплекса прослеживаются в одежде из погребения в памятнике "Курган" (в Старом Термезе), вскрытом в 1974–75 гг. и доисследованном в 1980 г. отрядом Сурхандарьинского областного краеведческого музея под руководством В.А. Козловского. В 1983–1984 гг. автором этих строк под руководством сотрудника ВНИИР А.К. Елкиной исследованы и реставрированы ткани и одежда, извлеченные из "Кургана". В 1988 г. было исследовано еще одно детское захоронение в одежде. Среди найденных в "Кургане" образцов древнейших изделий имеются четыре рубахи, три пары штанов, чулок, фрагменты обуви, два куска полотна, части нагрудников из орнаментированных путем перевязки красных и голубых тканей, фрагменты одежды, крашенные в красные, зеленые, голубые цвета, украшения и монеты. [Среди монет, определенных Е.В. Зеймалем, есть термезские локального чекана, эфталитская, драхма сасанидского царя Пероза (457/459–484). По нумизматическим данным, термезские находки датируются не ранее конца V в.].

Вся одежда из "Кургана" шита из хлопчатобумажных тканей, декоративные ленточки шелковые. В процессе реставрации из сохранившихся остатков одежды удалось собрать и реконструировать две большие, две детские рубахи, трое штанов.

Рубаха 1. Шита из неокрашенной ткани. Покрой туникообразный – одна полоса ткани, перегнутая пополам, образовывала стан рубахи; на уровне плеча пришиты рукава. Длина рубахи 102 см, ширина плеч 62 см, подола 98 см, длина рукава 58 см, ширина рукава у плеча 32 см, у запястья – 12 см, ширина ворота 13 см, глубина выреза горловины 8 см, высота стоячего воротника 2 см. На левом плече дополнительный разрез. Здесь ткань

сдублирована шириной в 11 см вдвое, видимо, место застежки. Сбоку рубахи, с двух сторон, вставлены клинья высотой 52 см, на которых разрезы длиной 32 см, обшитые тканью в 2 см; угол разреза плотно обверложен толстыми нитками. Подол и рукава обшиты тканью шириной 2 см. Перед рубахи усыпан беспорядочно расположенными мелкими дырочками (оттянутые нити), видимо, следы некогда украшавших нашивок.

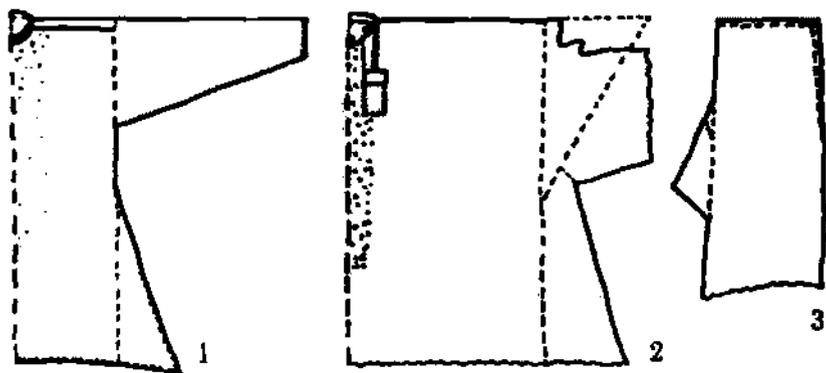
Рубаха 2. Сохранилась хуже. Покрой туникообразный – через плечи перекинута цельное полотнище шириной 118 см. Рукава собраны из различных кусков рубашечной ткани. От уровня груди, под мышками имеются вставки общей шириной переда 138 см. Ширина рукава у плеч – 48 см. Вставка-клин на рукаве соединена с основой рубахи на уровне 54 см от плеч. Клинья на обеих рукавах соединяются с полотнищем стана на разных уровнях, возможно, выполняя роль вытачек на уровне груди. Ворот косой. Глубина выреза горловины 8 см, ширина ворота 18 см, высота стоячего воротника 2 см, слева ворот имеет запах глубиной 25 см, который зашит на высоту 10 см, ширина запаха – 5,5 см. Ткань запаха сдублирована вдвое. Косой ворот был обработан длинной полосой ткани другого вида, служившей застежкой и украшением. Эта лента перекидывалась через плечо и пристегивалась за две петельки, находящиеся сзади, на уровне 6 см вниз от ворота. Расстояние между ними 7 см. Они представляют собой два обметанных шнурочка, пришитых параллельно друг другу и плотно прилегающих к ткани. От обшивки ворота сохранились на рубахе следы шва, остатки шелковой ткани красного, зеленого, желтого цветов, на передней части рубахи заметны следы случайно разбросанных проколов – раздвижек на ткани, как от тупой толстой иглы. Эти следы встречаются в виде полосы на груди от ворота вниз, шириной 30 см, длиной 70 см.

Детская рубаха 1. Туникообразного кроя из неокрашенного полотна. Длина 70 см, ширина плеч 56 см, ширина подола 80 см, сбоку вставлены клинья высотой 27 см, шириной 12 см. Длина рукавов 26,5 см, ширина у плеч 21,5 см, ширина у запястья 11,5 см. На месте ворота ткань просто разрезана на ширину 13 см и глубину 4,5 см. Ни ворот, ни рукава, ни подол не обшиты и не подвернуты. Видны проколы-раздвижки нитей, неравномерно разбросанные по полотну. Уловить какой-либо ритм в этих проколах не удастся. Можно приблизительно обозначить границы размещения отверстий: сначала идет сверху широкая полоса, затем она резко сужается и спускается до самого низа рубахи ровной полосой. На рукавах, ближе к плечам, имеются единичные отверстия.

Детская рубаха 2. Сшита из светлой ткани. Покрой туникообразный. Длина рубахи 58 см, ширина плеч 60 см, ширина подола 85 см, длина рукава 28 см, ширина рукавов у плеч 25 см, ширина ворота 18 см, глубина выреза горловины 7 см. Вырез обшит полоской светлой ткани шириной 1 см, конец обшивочной ткани у правого плеча сзади обмотан нитками на ширину 1,2 см. Конец обшивки расширяется на 0,5 см и выступает из обмотки на 1 см. Обшивка образует стоячий воротник. На правом плече разрез. Заднее

Одежда для взрослых

Детская одежда

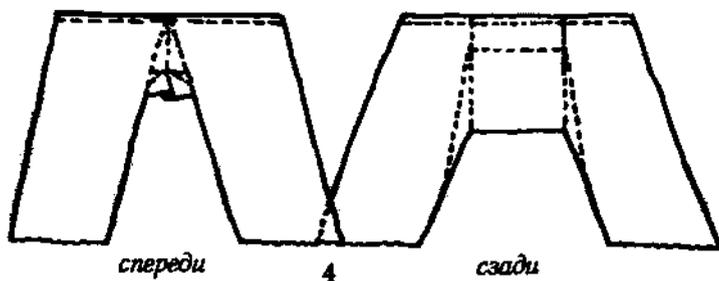
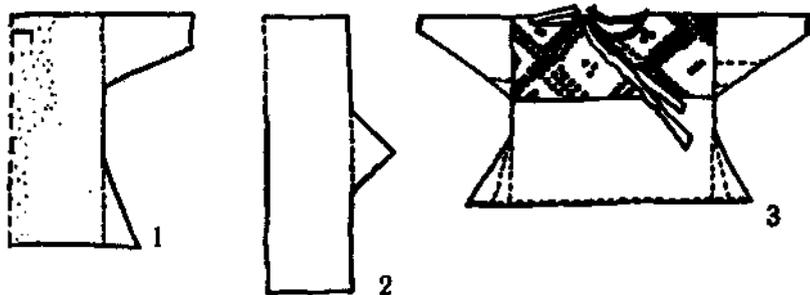

Рис.1. Одежда из Кургана в Старом Термезе.

полотнище у разреза подшито на 2 см кромкой полотняной ткани, а переднее полотнище у плеча сдублировано вдвое шириной на 6 см. На расстоянии 1,8 см от основания правого рукава на плечевой разрез пришта полоска ткани шириной 2,5 см, сохранившейся длиной 15 см. Этот клапан прикрывал витую петельку, расположенную в 6 см от основания рукава и на 2 см ниже плечевого сгиба. Петелька пришта к шву дублированной ткани и имела высоту 1 см, ширину 1,5 см. Видимо, "отросток" обшивки ворота закреплялся этой петелькой к одежде. Перед рубахи украшал нагрудник из орнаментированной (орнамент получен путем перевязки) голубой в белый кружочек ткани. Ткань декора заходила за разрез на правом плече и, видимо, была съемной. По мере надобности пришивалась. К ней были пришты две светлые шелковые ленточки. Первая сохранилась на ширину 3 см и длину 9–10 см, вторая – на ширину 4 см и длину 7 см. Первая лента лежала на расстоянии 22 см от подола, а вторая – на 10 см выше первой, т.е. лента могла быть приблизительно 36–40 см. Декоративная ткань лежала большей частью на расстоянии 33 см от подола (хотя мелкие кусочки найдены у подола сбоку, на плечевом разрезе, в области груди). Возможно, она имела высоту 25 см. Нагрудник частично сдублирован на белое полотно, отличающееся от основной рубашечной ткани по фактуре. Края нагрудника кое-где обшты белыми нитками. Под мышками сохранились остатки вставных клиньев: в правом рукаве основание клина 5,5 см, высота сохранилась на 8 см, а в левом рукаве две вставки – высотой 1,5 и 2 см, и сохранившимися сторонами 4 см, 2,5, 3 см. Внизу рукава подогнуты на 1 см и подшты. По бокам к стану пришты по два клина со сторонами 21 см и основаниями 7 и 5,5 см. Высота клиньев от подола рубахи 22 см. Клинья образуют талию для опояски. Подол рубахи подрублен на 1,5 см и аккуратно подшит. Рубаха была одета с напуском на штаны и опускалась до середины бедер.

Штаны 1. Найдены в комплексе со второй детской рубахой. Сшты из неокрашенной ткани. Длина 7 см, ширина на уровне талии 68 см, ширина штанины 33 см, длина штанины до мотни 46 см. Мотня спереди состоит из двух частей: первая вставка треугольная из двух клиньев с средней высотой 18 см, основанием 10 см и длиной боковой части 20–19 см (клинья пришты швом наружу); вторая часть – четырехугольная, с основанием 30 см, высотой 6 см и со сторонами 10 см (конструктивные швы заделаны вовнутрь). Мотня сзади из двух прямоугольников (со сторонами 10 и 25 см и основанием 30 см и двух боковых треугольных вставок со сторонами 22 и 38 см. Они соединены швом вовнутрь). Верх штанов подшит на 2,5 см швом вовнутрь, а низ обработан.

Штаны 2. Видимо, были в комплексе с детской рубахой 1. Сшты из неокрашенного полотна. Длина 85 см, ширина на уровне талии 54 см, ширина штанины 27 см. На расстоянии 30 см от уровня талии вставлена четырехугольная мотня со стороной 26 см. Длина штанины до мотни 30 см. Сбоку, на бедре, двухсторонние разрезы длиной 24,5 см. Видимо, заднее

полотнище штанов прикрывалось передним и на талии перетягивалось шнурком или пояском. Края штанов и разрезы не подшиты.

Штаны 3. Сохранились не полностью. Неизвестна длина. Сшиты из неокрашенной ткани. Покрой аналогичен набедренной одежде 2. Ширина штанов на талии 60 см. Ширина штанины 30 см. На расстоянии 38 см от талии вшита прямоугольная мотня шириной 21 см. Длина боковых разрезов 38 см. Разрез подвернут на 2 см и подшит. Штаны вверху разреза сужаются на 0,5 см, по талии обшиты тканью.

Таким образом, характер рассмотренных видов одежды традиционен. Туникообразные рубахи, расширяющиеся книзу за счет клиньев, и штаны из двух прямых полотнищ со вставкой-мотней для шага. Отличие рубах в оформлении ворота и боковой вставки в зависимости от размера рубахи и возраста ее обладателя (детские рубахи доходят до середины бедер и не имеют боковых разрезов).

Варьируются размеры рубах: в одном случае (рубаха 1) с вставкой бокового клина к стану примерно от уровня талии, а в другом (большая, женская рубаха) – к прямому стану, под рукавами, пришивается боковина, расширяющаяся к подолу. Во всех случаях рукава не имеют вырезной проймы, сужаются к запястью. В зависимости от размера рубахи ширина рукава вверху варьируется от 21,5 до 48 см, но ширина у запястья и на детской, и на взрослой рубахах примерно одинакова – 11,5 – 12 см.

В покрое рубахи и штанов также отразился единый принцип кроя – максимальная экономия ткани, косые клинья выкраиваются из прямоугольного куска, разрезанного по диагонали. В женской (и во второй детской) рубахе для экономии ткани участки под рукавами собраны из мелких кусочков. Потому, видимо, и вставки для шага в штанах собраны из нескольких кусочков. Этот же принцип соблюден на покрое штанов, найденных в хуннских погребениях, в ноинулинских курганах (Сев. Монголия), которые датируются рубежом новой эры (Руденко, 1962, с. 39-40). Термезские штаны сходны по крою с ноинулинскими. Одни штаны из Ноин-улы изготовлены из шерстяной ткани, клин и набедренная часть кое-где сшиты из треугольных кусочков ткани. В отличие от термезской, ноинулинская набедренная одежда по низу приборена и обшита полоской ткани.

Рубаха, сходная с термезскими по крою, обнаружена и при раскопках гуннского могильника (долина Таласа, Киргизия), датируемого рубежом новой эры (Бернштам, 1940, табл. XXXI). Она туникообразного покроя, боковые вставки с клиньями, воротник-стойка и сужающиеся к запястьям рукава.

В комплексе гуннского костюма из могильников, как показали исследования, наряду с одеждой, аналогичной термезской, встречаются халаты и островерхие головные уборы, характерные также и для костюма согдийцев и бактрийцев рубежа новой эры (Майтдинова, 1987, с. 114-132). Подобная одежда согдийцев была характерна и для парфян (Шлюмберже, 1985, илл. 47, 92, 95, 96, 119, 120). Халат, схожий со среднеазиатским и ноинулинским, обнаружен в погребении I в. до н.э. в

Рис.2. Бактрийско-тохаристанский костюм.

уезде Миньфэн (Синьцзян) (Мэн Чи, 1975, №7). Судя по исследованиям Н.В. Дьяконовой – хотанской одежды II–III вв. (Дьяконова, 1980, с. 180–181), термезская одежда идентична восточно-туркестанской.

Аналоги термезской одежде мы встречаем и в современной национальной одежде многих центральноазиатских народов, народов Восточной Европы. Подобного кроя рубахи и набедренные одежды встречаются в мужской и женской одежде каракалпаков (Каракалпаки, 1962, т. 1, с. 477, 479), казахов (Захарова, 1964, с. 37), таджиков, туркменов, киргизов, таджиков Афганистана и персов Ирана, в традиционной одежде уйгуров и таджиков Синьцзяна (Люшкевич, 1978, с. 126), у народов Поволжья (Гаген-Торн, 1960). Однако внутри каждого ареала наблюдаются существенные различия в форме одежды.

Ретроспективный анализ одежды среднеазиатских народов, сходной с термезской находкой, позволяет проследить ее непрерывное развитие на протяжении всех исторических периодов. Судя по изображениям на миниатюрах, и в XII–IX вв. рубахи туникообразного кроя с прямым воротом сохраняются в комплексе одежды народов Ближнего и Среднего Востока (Горелик, 1972, с. 37–49). Эти одежды нашли отражение в раннесредневековом изобразительном искусстве Тохаристана и Согда. Она бытовала у всех народов, входивших в состав кушанской империи (Елкина, Майтдинова, 1986, с. 59–60). Менялись лишь ткани и декор. Крой оставался единым.

По мнению Е.Е. Кузьминой (по результатам реконструкции погребального костюма), подобный костюмный комплекс сформировался во второй половине II тыс. до н.э. в среде носителей андроновской культуры. Варианты этой этно-культурной общности распространились от Волги до Сибири и юга Средней Азии (Кузьмина, 1977, с. 83–84). На протяжении тысячелетий на этих территориях бытовала сходного кроя одежда, удобная для верховой езды, приспособленная к подвижному быту и климатическим условиям. Сохранение общности костюмного комплекса у народов региона в течение многих веков не может не подтверждать их единые генетические корни.

Наиболее раннее изображение одежд, сходных термезскому, запечатлено на рельефах Персеполя (V в. до н.э.) в изображении дрангианцев, арахозцев, парфян, мидийцев, саков, бактрийцев. Для них характерны глухие рубахи и пояса с “узлом Геракла”. Отличались головные уборы, способ ношения набедренной одежды и обувь. Штаны преобладали широкие и очень широкие, особенно у бактрийцев (Горелик, 1985, с. 39). Не касаясь вопроса этнического родства этих народов (это не входит в нашу задачу), подробно остановимся на Бактрийском комплексе. Бактрийский костюм состоял из головной повязки, туникообразной рубахи с длинными, сужающимися к запястью рукавами и чуть удлиненным боковым подолом, широких штанов, заправленных в высокие сапоги (складки штанов горизонтально драпируются на коленях). Этот костюм и был внешним этническим признаком бактрийца в ту эпоху. Одежда была характерна, как указывали выше, для населения Бактрии начала нашей эры. Наиболее детально этот

костюмный комплекс запечатлен в живописи Дильберджина (Сев. Афганистан) в V-VI вв (Кругликова, 1979, с. 132).

Персонажи дильберджинской живописи одеты в те же широкие штаны, драпирующиеся на коленях, заправленные в сапоги, туникообразные рубахи с зауженными у запястья рукавами. Иногда набедренную одежду носили навыпуск, штанины спускаются до щиколоток. Головные повязки украшены лотосовидными цветами.

Комплекс одежды полностью повторяет древнебактрийский. Отличаются рубахи боковыми, чуть скошенными вниз разрезами и декором: ворот, рукава у запястья, подол и боковые разрезы обшиты красочной тканью. Обшивался и низ набедренной одежды. Костюмы по покрою аналогичны термезским. В археологической одежде 1 лишь отсутствует декорировка цветными тканями. Это связано, видимо, с социальным положением носителей одежды: на дильберджинской живописи изображена знать, а термезская принадлежала рядовым горожанам. Наряду с рубахами, "дильберджинцы" носили кафтаны с правосторонними отворотами. Одевали, видимо, их поверх рубах. Подобная одежда запечатлена на монете с изображением правителя с бактрийской надписью "Правитель хионов" (Ртвеладзе, 1987, с. 138-139). Кроме того, на эфталитских монетах имеются и костюмы правителя и характерные головные повязки (?) с лотосовидными цветами по бокам (Gobl, 1967, p. 88-91). Следовательно, дильберджинские и термезские костюмы принадлежали хионитам-эфталитам. Но в хионитско-эфталитской одежде отразились древнебактрийские традиции, имеющие автохтонные истоки. Обладатели одежды - хиониты-эфталиты были, вероятно, народностью, издавна проживающей в Бактрии-Тохаристане. Эти выводы перекликаются с выводами исследователя Северной Бактрии Э.В. Ртвеладзе. На основе анализа погребального обряда, материальной культуры, антропологического типа эфталитов он пришел к выводу о тесной связи народов Сев. Бактрии как в этническом, так и культурном отношении еще с эпохи бронзы (Ртвеладзе, Сагдуллаев, 1986, с. 93-94). Китайские источники сообщают, что язык совершенно отличен от жужаньского, гаогуйского и тюркского (Трофимова, 1968, с. 188).

Палеоантропологический материал из термезского "Кургана" подтверждает вышесказанные выводы. Исследования показывают, что захоронение совершило городское население Старого Термеза. Антропологические признаки соответствуют скотоводческому населению юга Средней Азии рубежа нашей эры. По основным расово-диагностическим признакам серия черепов из Старого Термеза европеоидная. В мужской группе преобладают черты, переходные от восточносредиземноморского к типу Среднеазиатского Двуречья. Женская группа характеризуется восточносредиземноморским типом.

У населения Старого Термеза бытовал обычай искусственного деформирования головы. Судя по материалам, чаще (71,5%) он практиковался среди мужской части населения, реже (11,2%) у женской.

На черепах женщин отмечено в двух случаях иной типа деформации – затылочная. Обычай лобно-затылочной и затылочной деформации головы был широко распространен у скотоводческого населения Северной Бактрии и части городского и земледельческого. Жители городов и оазисов практиковали иной тип деформации головы – кольцевой (Ходжайов, 1980, с. 138, 146-147, 152). Лобно-затылочная и затылочно-теменная преднамеренная деформация распространилась среди кочевого населения Средней Азии в последних веках до нашей эры. Наиболее ярко они были выражены у скотоводов Вахшской и Бишкентской долины. Чуть позже подобная деформация появилась у населения отдельных городских центров и земледельческих оазисов Северной Бактрии. Возможно, она характерна для скотоводческого населения Средней Азии и распространение ее у горожан и земледельцев Северной Бактрии указывает на внедрение в их среду местного скотоводческого населения (Ходжайов, 1980, с. 165).

Кстати, лобно-затылочная деформация черепа представлена и в Кенкольском могильнике (Трофимова, 1968, с. 188), где обнаружена сходная термезской рубаха. Исследование современного населения юго-востока Средней Азии и сопоставление результатов с антропологическими данными раннего средневековья и античности свидетельствуют об их генетической связи. Они принадлежали к южнотаджикскому и северотаджикскому варианту расы Среднеазиатского Двуречья, которая распространилась в Ферганской и Зарафшанской долинах, Хорезмском оазисе, Южной Туркмении и Южном Узбекистане.

Потому в ареале распространения расы Среднеазиатского Двуречья, видимо, и был распространен сходный термезскому костюмный комплекс, с его характерным декором, так как в этнографической одежде этого региона хорошо прослеживаются почти все его архаические традиции.

Литература

Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962, с. 22.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. Л., 1940, табл XXXI.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Часть II М.–Л., 1950, с. 268.

Васильева Г.П. Туркмены – нохурли. – В сб. Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954, с. 157, рис. 16; с. 160, рис. 18.

Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960.

Горелик М.В. Ближневосточная миниатюра XII–XIII вв. как этнографический источник /Опыт изучения мужского костюма/. СЭ, 1972, ; 2, с. 37–49; Его же. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. В сб. Костюм народов Средней Азии. М., 1979, с. 49–69.

Горелик М.В. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада. В сб. Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985, с. 39.

Globe R. Dokumente zur geschichte der iranisehen hunnen in Baktrien und Indien. Bd. III Wisbaden, 1967, Jofel 88–91.

Дьяконова Н.В. К истории одежды в Восточном Туркестане II–VII вв.

Елкина А.К., Майтдинова Г.М., Козловский В.А. Одежда V века из Старого Термеза. В сб. "Кара-тепе", вып. 6; Майтдинова Г.М. К истории одежды населения Средней Азии. ОНУ, 1986, № 10, с. 59–60, рис. 1.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда. XIX – начало XX века Алма-Ата, 1964, с. 37, рис. 2; с. 42, с. 82, рис. 16.

Каракалпаки. В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962, т. 1, с. 477, 479.

Costumes of the Minorify peoples of China 1980, page 202, 204.

Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Африсиба. М., 1977, с. 83–84.

Кругликова И. Т. Настенные росписи Дильберджина. В кн.: Древняя Бактрия. М., 1979, с. 122, рис. 2; с. 132, рис. 19.

Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. – В кн. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Ленинград, 1978, с. 126.

Люшкевич Ф.Д. Указ. соч., с. 126.

Майтдинова Г.М. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья. – ИМКУ, вып. 21. Ташкент, 1987, с. 114–132.

Мэн Чи. Цун Синьцзян лиши вэньу кань ханьдай цзай сиюй ды чжэнчи цоши хэ цзинци цзеньшэ (Политические мероприятия и экономическое строительство в Западном крае в эпоху Хань, по данным памятников материальной культуры Синьцзяна). – Вэньу. 1975, № 7, табл. 1.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.–Л., 1962, с. 39–40, рис. 32, 33.

Руденко С.И. Указ. соч., стр. 43, рис. 36; с. 42.

Ртвеладзе Э. В. Древние монеты Средней Азии. Ташкент, 1987, с. 138–139, № 41.

Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986, с. 93–94.

Таджики. – В кн.: Народы Средней Азии. с. 600, цв. вклейка; Широкова З.А. Традиционная и современная одежда женщины горного Таджикистана, Душанбе, 1976, стр. 21, рис. 1; с. 39, рис. 10; с. 67, рис. 12; Андреев М.С. Таджики долины Хуф. 1958, с.399, рис. 83; с. 409.

Трофимова Т.А. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности. М., 1968, с. 188.

Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980, с. 138, 146–147, 152.

Ходжайов Т.К. Указ. соч. с. 165.

Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. М., 1985. Илл. 47, 92, 95, 96, 119, 120.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЦИТАДЕЛИ ШУРОБ-КУРГАНА

П.И. Гендельман

Городище Шуроб-Курган расположено на правом, возвышенном берегу реки Карасу, на надпойменной террасе Амударьи, в древности протекавшей непосредственно под городищем, близ кишлаков Чигара и Шуроб. Состоит из нескольких разновременных частей. Общая площадь городища более 20 га. Впервые оно отмечено А. Быковым, в его плане переправ через Амударью (Быков. 1879. План).

В 1972 г. городище обследовано Э.В. Ртвеладзе, который на основании

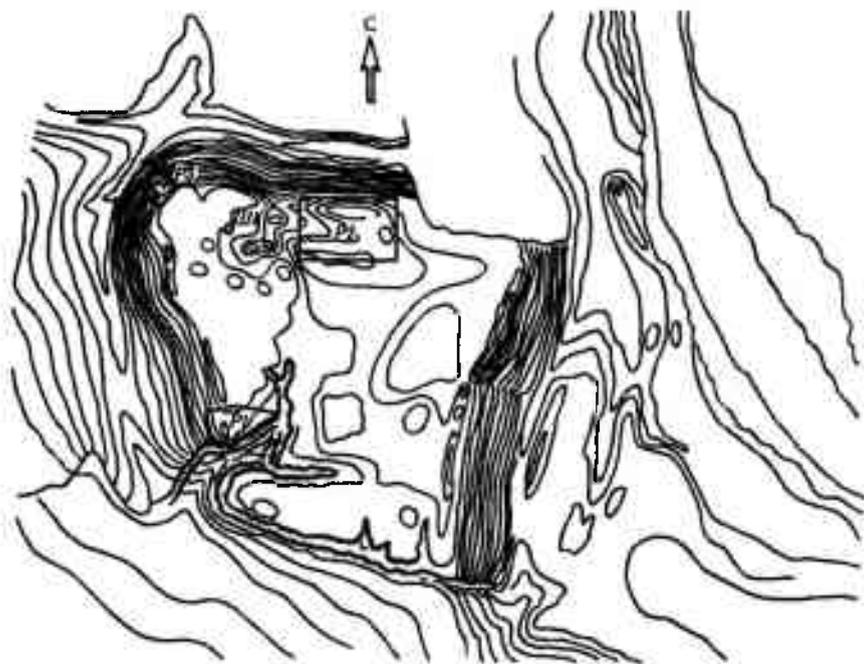

Рис. 1. Шуроб-Курган, глазомерная съемка Э.В.Ртвеладзе. 1972 г.

подъемного материала датировал его существование с эпохи кушан до развитого средневековья и отождествил с переправой Пардагви, известной по средневековым источникам (Ртвеладзе. 1977. С. 182–187). В 1980–1981 гг. в северной части городища УзИСЭ был изучен раннесредневековый жилой комплекс.

Цитадель городища Шуроб-Курган, расположенная на естественном лессовом холме высотой около 11 м, подпрямоугольная в плане, 170x175 метров по центру. Южная ее часть, обращенная к пойме Амударьи, была в древности размыта рекой. По краям цитадели просматриваются остатки оборонительных сооружений высотой 1–2 м. Внутри на относительно ровной поверхности расположены остатки каких-то сооружений в виде округлых и продолговатых возвышенностей. Сильно эрозированная поверхность цитадели покрыта россыпями битой керамики. Кое-где ее прорезают глубокие промоины (рис. 1).

Стратиграфия цитадели

Для выяснения стратиграфии цитадели Шуроб-Курган в ее северо-

Слой разреза на Р-1. М 1:25

Развертка шурфа Ш-1. М 1:2

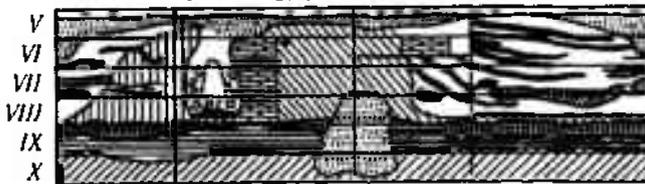

Рис. 2. Стратиграфия раскола 1 и шурфа 1.

западной части был заложен стратиграфический шурф Ш-1 размером 2х3 м, ориентированный по оси С-Ю. Культурный слой в шурфе составил 2,5 м (рис. 2, б).

Над материковым лессом (вероятно выровненным) находился плотный утоптаный слой сероватого цвета, с песком, мелкими угольками. Толщина слоя 20-40 см.

Над этим слоем было возведено сооружение из сырцового кирпича размером 47-48х22-23х10 см (конец VIII яруса), высота стен до 1,5 м. В шурф попал юго-западный угол помещения. К нему примыкает дворовая поверхность с очагом овальной формы с приподнятым и слегка загнутым вовнутрь краем. Заполнение помещения - рыхлый слой с обломками сырцовых кирпичей, керамикой.

Позднее часть помещения была разрушена опущенными сверху ямами, одна из которых в северо-западном углу шурфа прорезала все культурные слои и углубилась в материк. Заполнение ее - рыхлая земля, угольки. Вторая яма, более крупная, в восточной части шурфа разрушила часть стен. Заполнение ямы - надувные слои, чередующиеся прослойками зольников, гумусных слоев. С уровня у яруса была вырыта яма, разрушившая часть стен предшествующего сооружения. В яме был устроен тозар - перевернутый кувшин с отбитым венчиком и дном, заполненный зеленоватыми плотными потеками, которые находились также и под его горловиной.

Верхние слои шурфа сильно пострадали от перекопов и атмосферных воздействий и представляют собой пылеобразную массу. Основным датированным материалом из шурфа является керамика.

Керамика из слоя над материком немногочисленна - фрагменты двух красноангобированных чаш (рис. 3; 24, 25) с резким перегибом стенок к донцу, венчик прямой или слегка загнутый вовнутрь сосуда; фрагмент эйнохоевидного кувшина (рис. 3; 28), покрытого оранжевым ангобом и лощением; фрагмент ручки сосуда с густым красным ангобом (рис. 3; 27) и лепная крышка, орнаментированная вдавлениями и проколами. Чаши и эйнохоевидные сосуды подобных форм встречаются на многих поселениях северного Тохаристана в слоях IV-V вв. н.э. - Кувкурган и др. (Аннаев, 1988 с 67 табл. XV, 19-28; Пидаев, 1974. с. 39, рис. 6, 13, 4, 5); Айсаритепа, Шодмонкала (Седов, 1987. с. 13, табл. XIII, табл. XXVII, 8), а также в слоях IV-V вв. н.э. Еркургана (Исамиддинов, 1984, с. 82, рис. 35, 3, 4; с. 143).

Керамика с пола помещения и с дворовой поверхности с очагом довольно разнообразна: хум и хумчи с различной профилировкой венчиков (рис. 3; 18, 19, 20, 21, 22); кувшин (рис. 3; 14) с шаровидным туловом, низкой горловиной и ручкой, прикрепленной к венчику, по тулову кувшина спускаются 5 потеков темного ангоба. Горшок (рис. 3; 17) с отогнутым венчиком. Цвет черепка красный, в 6 см ниже венчика сосуд покрыт молочно-белым ангобом. Шаровидный котел (рис. 3; 16) с ручкой в виде бараньих рогов. Наиболее близкие аналоги этому комплексу мы находим

в раннесредневековых материалах из Старого Термеза (Пидаев, 1987, с. 93), Кучуктепа (Аннаев и др., 1988, с. 82–86, рис. 5, 5), датируемых V–VII вв. н.э. На Кучуктепа встречен и сырцовый кирпич близких размеров (Аннаев и др. 1988, рис. 34, 6).

Керамика из мусорных слоев (VIII–VI ярусы) близка по облику

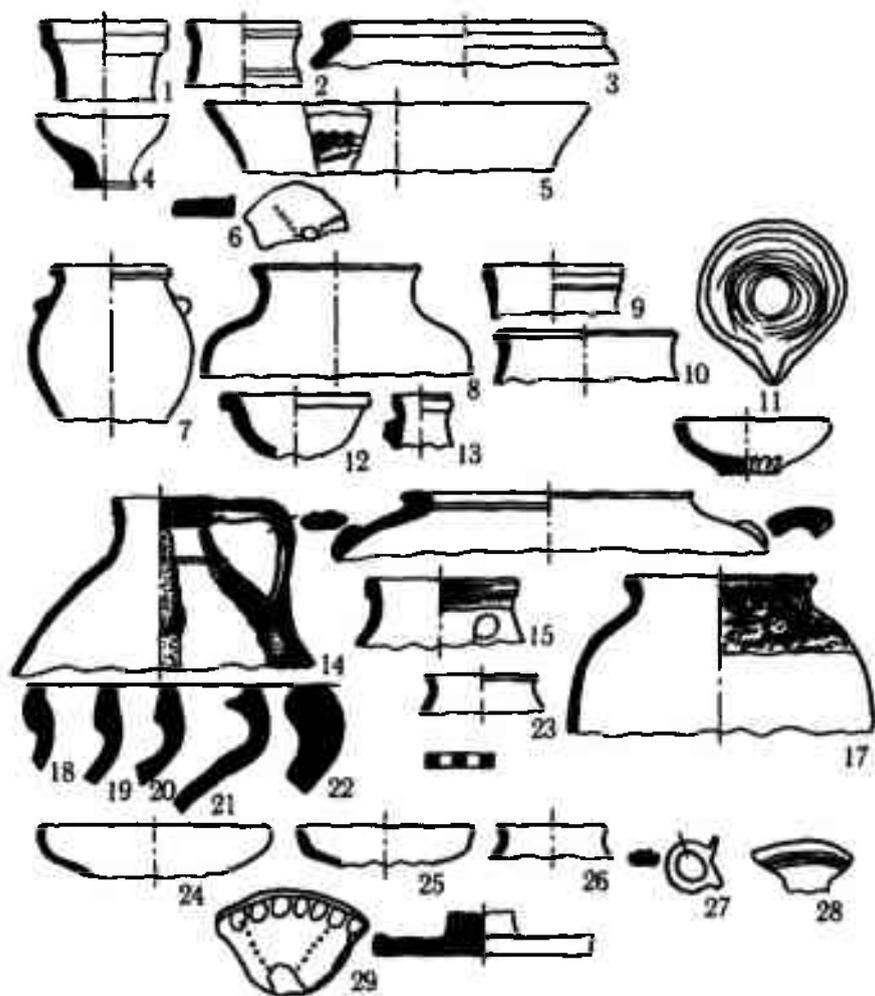

Рис. 3. Керамика шурфа.

описанной выше. Это горшки (рис. 3; 7, 8, 10); фрагменты кувшинов (рис. 3; 9, 13); светильник в виде чаши со смятым венчиком (рис. 3; 11). Близкие формы найдены в слоях VII–VIII вв. на Кулаглы (Аннаев 1988, табл. XVII 6 70, 80, 82, 81, 100–106). Керамика верхних слоев шурфа (рис. 3; 1–6) сильно перемешана и не может служить датировочным материалом.

Для выяснения стратиграфии и оборонительной системы цитадели в ее юго-западном углу были зачистки по краю промазки. Зачистка ориентирована по оси С–Ю, длина 16 м, глубина местами 3,5 м (рис. 2, а). Над зачисткой был начат стратиграфический раскоп Р–1. С севера и востока площадь раскопа ограничена промоиной, с юга внешним фасом цитадели. На раскопе Р–1 в зачистке были выявлены несколько последовательных этапов обживания этой части цитадели.

Первый этап – расположенный в северной части раскопа вырубленный в материковом слое очаг в форме полуовала. Стенки очага сильно обожжены, дно выложено кусками стенок крупных сосудов. В зачистке к этому этапу относятся остатки хозяйственного сооружения, от которого сохранились – участок стены из сырцового кирпича 52–50х10–11 см, поставленной на материк (конец X яруса); вкопанный горлышком вниз хум с отбитым дном, заполненный золой, углем и кусочками обожженной земли, служивший тандыром (VIII яр.). В 0,5 м к западу от тандыра расположен очаг квадратной формы 50х50 см, обведенный по периметру канавкой шириной 0,2 м, глубиной 0,1 м. Очаг сильно прокален, канавки заполнены пеплом. В 0,8 м к югу от тандыра на уровне начала IX яруса обнаружена яма подквадратной формы 22х25 см, глубиной 0,3 м, стенки которой выложены обломками стенок крупных сосудов, сильно обожжены. Заполнение ямы – зола, сверху перекрыта жженым кирпичом 48х48х5 см.

Второй этап характеризуется прослеживаемой на всей площади раскопа дворовой поверхностью с сильно утопанным полом, бадрабом диаметром 0,65 м и глубиной 1,5 м. Заполнение бадраба – зеленоватые плотные слои с вкраплениями косточек винограда и немногочисленной керамикой, ямой (Я–1), следом от врытого до половины в поверхность сосуда.

К третьему этапу относится возведение оборонительного вала с округлой башней. В склоне холма была вырублена ступень высотой около 1 м. Сверху, вероятно, находилась стена из паховых блоков и сырцового кирпича, обломки которых найдены в оплыве холма, но она была разрушена поздним обживанием и атмосферными воздействиями. Округлая пустотелая башня (от нее сохранилась юго-восточная часть, остальное смыто в промоину) выдвинута на 4 м от края ступени. Основание башни начинается на уровне низа верхней ступени, и за ее внешним фасом начинается вторая ступень высотой около 2 м, на площадке перед ней вырыт арык, зафиксированный в зачистке. Стены башни сложены из светлой пахсы, высота сохранившихся стен 1,10–1,15 м, ширина 0,9–1 м. Уровень пола башни на 20 см ниже уровня верха первой ступени. Северная часть башни была открыта вовнутрь цитадели. Заполнение – обломками пахсы, сырцового кирпича.

На остальной площади раскопа слои, относящиеся к этому этапу, почти полностью уничтожены поздним обживанием и перекопами. Сохранилась мусорная яма (Я-3), продолговатая в плане 2,5x1 м, заполнение ее – рыхлые слои с включением органики, угольков, керамики.

Последний, **четвертый этап**, обживания этой части цитадели представлен обширной дворовой поверхностью с временными постройками типа юрт или шалашей, об этом говорит хорошо утоптанная поверхность с очажными пятнами в южной части раскопа. Остальная часть раскопа покрыта слоем прелой соломы, в ней несколько ям, заполнение некоторых из них (Я-2,418) – прелая солома. Другие Я-6,5 заполнены надувными слоями, без каких-либо остатков хозяйственной деятельности. Яма 7 использовалась для захоронения животных, она заполнена костями мелкого и крупного рогатого скота.

Керамика первого этапа: хум (рис. 4; 25), хумча с ручками, покрытая светлым ангобом с мазками красной краски (рис. 4; 30), горшок, покрытый темным ангобом с подковообразными ручками (рис. 4; 14), фрагмент боковины сосуда с двойной ручкой. Керамика подобного типа широко распространена на раннесредневековых памятниках Северного Тохаристана (Аннаев, 1987, с. 72–76, рис. 1; Пίδαев, 1987, с. 34; Аннаев, 1988, табл. XV, 51, 52, 113, табл. XVI, 25, 72, 101, 102).

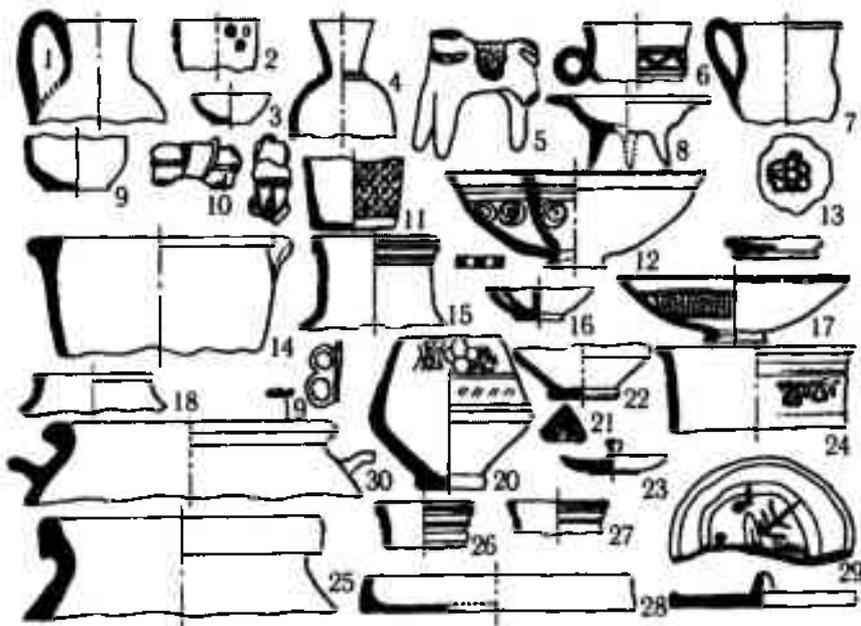

Рис. 4. Керамика I – IV этапов.

Керамика второго этапа: лепная сковорода (рис. 4; 28), лепная крышка с орнаментом из прочерченных стилизованных побегов (рис. 4; 29). Фрагменты столовых кувшинов с шаровидным туловом и расширяющейся кверху горловиной, украшенной пуговицеобразными налетами (рис. 4; 1, 2, 4). Венчики кувшинов с профилировкой горизонтальными линиями (рис. 4; 26, 27), неполивной фиал (рис. 4; 3). Интересен фрагмент донца сосуда с остатками ручки (рис. 5; 11). На нем сохранилась роспись по желтоватому ангобу в виде шахматной клетки темно-коричневого цвета, в центре клеток красные точки. Возможно, сосуд был покрыт поливой. Комплексы керамики такого типа встречены на городище Старого Термеза в слоях IX–X вв. (Пидаев, 1987, с. 93), Пайкенде того же времени (Городище Пайкенд, 1988, с. 160, рис. 11, 10; рис. 12, 13).

Керамика третьего этапа: фрагменты широкогорлых сосудов, горловина одного из них покрыта орнаментом, нанесенным путем прокатки штампа (рис. 4; 24); крышки сосудов (рис. 4; 23), пята кирпича с штампованным орнаментом, покрытая голубой поливой (рис. 4; 21). Датирующей группой керамики из этого комплекса являются чаши, покрытые бесцветной поливой по светлому ангобу. Орнаментированы они прочерчиванием по черепку и покрыты потеками голубой краски. Подобные сосуды широко распространены на памятниках Средней Азии в XI–XII вв. – Северном Тохаристане (Литвинский и др., 1985, с. 159, рис. 45, 9, 13; с. 160–161), Хорезме (Брыкина, 1974, рис. 50, 1). Таким образом, возведение последней оборонительной системы можно датировать XI–XII вв.

Керамика четвертого этапа сильно перемешана ямами, поднявшими вверх фрагменты сосудов предшествующих этапов (рис. 4; 6, 7, 8, 13). Датировать верхний слой помогают встречающиеся фрагменты поливных сосудов открытых форм, покрытых розовой поливой с орнаментом типа “колючка” или “басма”, нанесенным марганцевой краской. Подобная керамика датируется XVII–XVIII вв. (Мирзаахмедов, 1981, с. 102, рис. 2).

Изучение фортификационной системы цитадели городища Шуроб-Курган проводилось на раскопе Р-3, расположенном в западной части на углу стен.

Для строительства оборонительных сооружений цитадели был использован естественный лессовый холм высотой 11 м. На выровненную поверхность холма была поставлена крепостная стена из сырцового кирпича 49–52x24–25x10–11 см, сохранившаяся на высоту 2,8 м и шириной поверху 3 м. Непосредственно под стеной в склоне холма была вырублена берма высотой 1 м и шириной 1,4 м. Склон холма под бермой был, вероятно, подрезан, т.к. его наклон очень крут (68–70°) для естественного. В западном углу стен располагалась прямоугольная башня 5,2x4 м, выступающая на 1 м (в ее современном состоянии) за внешний фас стен цитадели. Внутреннее пространство башни разделено на два изолированных помещения стеной, толщиной 1,2 м. Башня сложена из сырцового кирпича того же размера, что и крепостная стена. Стены и пол помещений покрыты глиняно-саманной

обмазкой. На стенах сохранились следы рельефной орнаментации пальцами в виде полукругов. Западная – внешняя стена башни сохранилась лишь частично в помещении 1. Вход в оба помещения не обнаружен, вероятно, он осуществлялся со второго этажа. На стенах помещений заметен переход на свод. Помещение 1 прямоугольное 3,7х2 м, вытянуто по оси З–В. В юго-западном углу расположен трапецевидный в плане приступок, высотой 0,5 м, рядом с ним, у стены, была вырыта круглая яма диаметром 0,35 м и глубиной 0,4 м. К северной стене была пристроена завалинка прямоугольной формы (длина 1,40 м, ширина 0,3 м, высота 0,5 м). Восточная часть помещения занята суфой – эстрадой. Высота суфы под уровнем пола 0,3 м. Суфа сооружена из сырцового кирпича 49–52х24–25х10–11 см, пространство между суфой и стенами засыпано рыхлым грунтом. Пол помещения состоит из нескольких саманных обмазок, очень плотный, к суфе пол повышается (перепад уровней пола 0,2 м) (рис 5.).

Помещение 2 прямоугольное в плане 4,1х2,10 м. Внешняя стена не сохранилась. Пол находится на одном уровне с суфой в соседнем помещении. В северной части помещения сделано прямоугольное углубление 2х0,9 м, глубиной 0,5 м, соединенное в юго-западном углу с ямой диаметром 0,4 м и глубиной 1 м (от уровня пола). В северо-западном углу вмазан горшок. Юго-восточный угол занимает очаг, пол и стены здесь сильно обожжены. Стратиграфически в башне выделяются несколько этапов ее обживания.

Первый этап связан с возведением крепостной стены и башни, пола 1, находящегося на уровне 3,43 м от репера (конец VII яруса), суфы, приступков, углубления в помещениях башни. На полу сохранилась упавшая обмазка потолка, покрытая копотью.

На **втором этапе** помещения были засыпаны рыхлым грунтом. В этом слое найдены многочисленные косточки плодов персика, фисташки, абрикоса, скорлупа грецкого ореха, дыня. На этот слой были уложены кирпичи 49–52х24х10–11 см, обмазанные сверху саманом, которые явились полом 2, расположенном на уровне 2,78 м от репера (середина VI яруса).

Третий этап связан с потерей башни своей функции узла обороны и разрушением ее верхних частей. Прямо над полом 2 находится в помещении 1 мощный слой золы, пепла, обожженных комков глины толщиной до 30 см, над ним расположены надувные слои с частицами гипса, слой навоза толщиной 20 см. Затем идет слой разрушения из упавших сверху сырцовых кирпичей. Сходная картина наблюдается в соседнем помещении.

Четвертый этап обживания связан с полом 3, расположенным на уровне 2,10 м от репера (начало V яруса) и сооружением из пасхы, уже не связанным с постройками предшествующего этапа и очень плохо сохранившимся.

Датировать первый этап помогает керамика, самой многочисленной группой которой являются различных размеров горшки (рис. 6; 1, 8, 16, 18, 22, 23, 30), многие с потеками ангоба красного и коричневого цветов. Аналоги подобным сосудам на памятниках V–VII вв. н.э. (Аннаев и др. 1988, с. 83, рис. 6; Аннаев, 1988, табл. XV 6, 119–120, 122, табл. XVI 6, 56, 59,

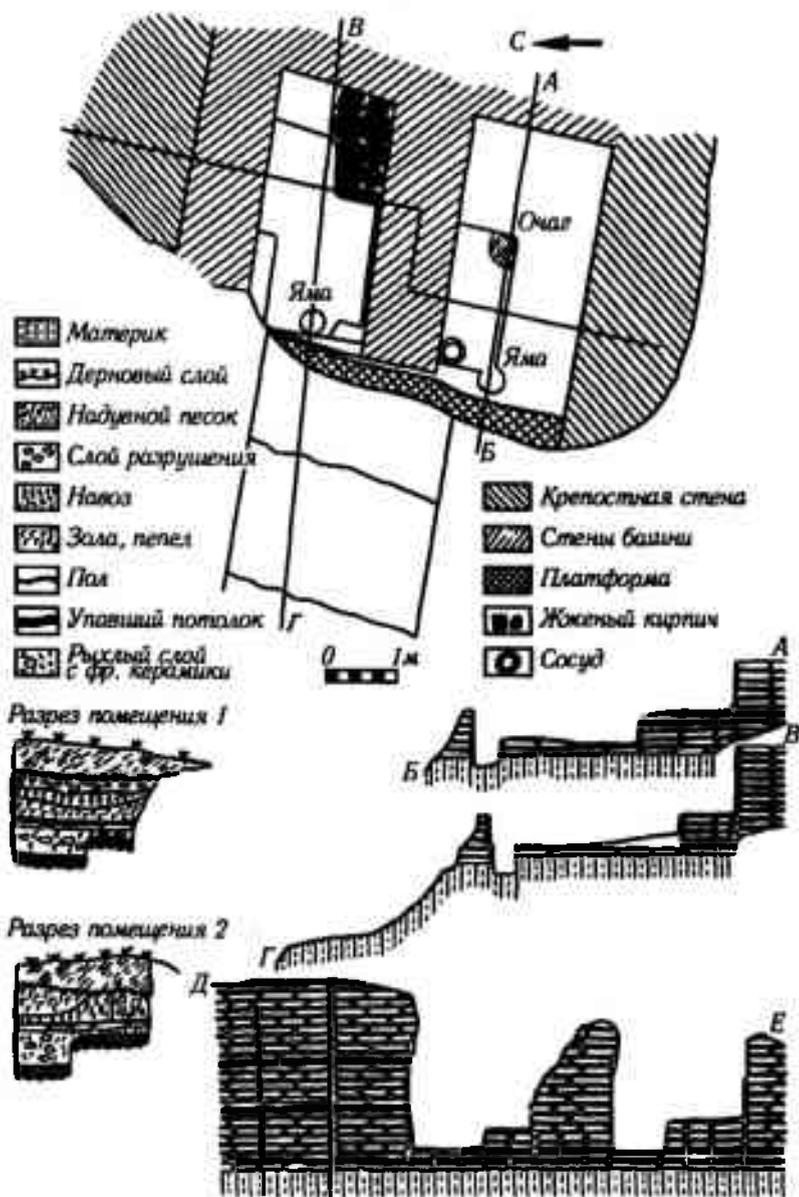

Рис. 5. План и разрезы башни.

78, табл. XVII 121–128, 134–141; Литвинский и др. 1985, с. 97, рис. 34, 14). Кувшины (рис. 6; 2, 24, 10) небольших размеров покрыты красным ангобом. Такие сосуды бытовали в VI–VII вв. н.э. (Альбаум, 1960, с. 89, рис. 6; Литвинский и др., 1985, с. 97, рис. 34, 3, 7, 8, 19).

Встречены также фрагменты эйнохоевидных кувшинов с грушевидным туловом, покрытым оранжевым ангобом и снаружи залощеным. Такого типа сосуды широко распространены на памятниках Средней Азии (Беленицкий, 1958, с. 133, рис. 30; Мандельштам, 1958, с. 316; Седов, 1987, с. 175, табл. XIII, 1, 2, 3, 5, 7; Аннаев и др., 1988, с. 80, рис. 5, 19).

Кружка со слегка загнутым венчиком и петлевидной ручкой, покрыта темно-красным ангобом и снаружи залощена. Аналогией является кружка с Балалыктепа (Альбаум, 1960, с. 89, рис. 60, 2).

Светильники в виде плоски с оттянутым носиком, лепные (рис. 6; 7, 26) и изготовленные на гончарном круге (рис. 6; 25).

Кроме керамики встречены изделия из дерева (рис. 6; 15, 20), стеклянный сосуд (рис. 6; 28), бронзовые пряжки (рис. 6; 9, 27), керамические пряслица (рис. 6; 34).

На основании комплекса находок первый этап можно датировать VI–VII вв. н.э.

Керамики с уровня второго этапа очень мало, фрагмент горловины сосуда с светлым ангобом, фрагмент подставки под светильник (рис. 6; 29, 31).

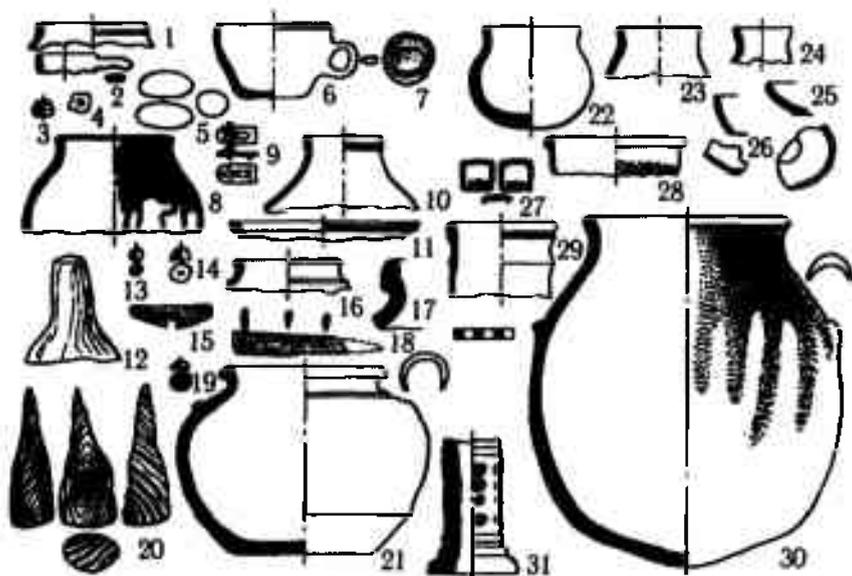

Рис. 6. Р-3. Керамика, стеклянные, бронзовые изделия.

Чаша из светлой глины с оттиснутым в калыбе орнаментом в виде побегов виноградной лозы, розеток, перлов. Датировать этот этап позволяют две монеты, найденные на полу 2. Это серебряный аббасидский дирхам 114 г. х из помещения 2 и медный фельс того же периода (определены Э.В. Ртвеладзе). Таким образом, датировка второго этапа – вторая половина VIII – начало IX вв. н.э.

Отсутствие материала с третьего этапа не позволяет его датировать.

Датирующим материалом четвертого этапа являются поливные чаши с прямыми, плавно расширяющимися стенками, покрытыми по светлomu ангобу бесцветной поливой с процарапанным орнаментом в виде спиралей и т.д. и потеками голубой краски от венчика вниз. Подобные сосуды широко распространены в Средней Азии для XI–XII вв. (Вактурская, 1959, с. 316, рис. 27; Брусенко, 1976, рис. 35/2; Литвинский и др. 1985, с. 159, рис. 45, 9, 13).

Для выяснения внутренней застройки цитадели был начат раскоп Р-2 в ее северной части. В ходе работ здесь было выявлено несколько помещений верхнего уровня (рис. 7.).

В юго-западной части раскопа располагалось сильно разрушенное сооружение, состоящее из двух помещений с общим входом с южной стороны. Стены сложены из пахсы сероватого цвета. Сохранность стен до 75 см, ширина 50–74 см. Пол глинобитный, хорошо утопанный.

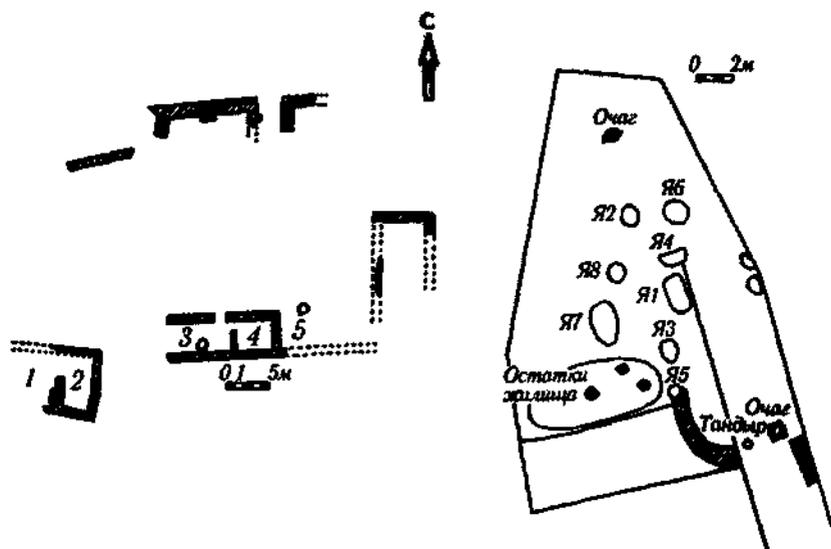

Рис.7. План раскопа 2.

Заполнение сооружения — над полом обломки пахсы, жженого кирпича (толщина слоя 40 см); над слоем разрушения слой прелой соломы толщиной 0,2 м, сверху надувные слои из мелкого песка, частичек лесса. Около юго-восточного угла помещения 1 сверху была пробита яма, заполненная золой и пеплом. В ней был найден человеческий череп без нижней челюсти, других костей не обнаружено.

В 7 метрах к востоку от юго-западного комплекса помещений сохранились остатки сооружений, занимавших юго-восточную часть раскопа. Стены пахсовые, ширина различна 0,50–1,20 м, сохранность до 60 см. Полы глинобитные, неровные.

Помещения 3, 4, 5 объединены общей южной стеной. Вход в помещение 3 размерами 7х3,5 м, шириной 1,20 с закругленными углами находился в его северо-восточном углу. Западная часть не сохранилась. У южной стены обнаружено вкопанное в пол обогревательное устройство типа сандала. В плане оно прямоугольное с заостренной одной из сторон, сложено из обломков жженого кирпича, размеры 42х30 см. Над полом натечные слои толщиной 10 см, над ними уровень обживания с многочисленными очажными пятнами, выше слой золы и пепла толщиной 15–20 см, сверху перекрытый обломками пахсы, жженого кирпича, надувными слоями.

Помещение 4 отделено от помещения 3 стеной из гувала, толщиной 30 см с проходом шириной 80 см в ее северной части. Размеры 4,20х3,5 м. Картина залегающих слоев здесь близка помещению 3.

От помещения 5 сохранились общая с помещением 4 западная стена, часть южной стены и участок пола с сандалом, аналогичным описанному выше.

Остатки каких-то сооружений из пахсы сохранились в восточной и северной частях раскопа Р-2.

Керамика из полов помещений в основном хозяйственная: хум (рис. 8; 25), хумчи (рис. 8; 20, 24), тагора (рис. 8; 9, 27). Один сосуд покрыт бурозеленой поливой с орнаментацией, прочерченной по черепку волнистой линией (рис. 8; 8); многочисленные горшки (рис. 8; 1, 6, 19, 28); кувшины (рис. 8; 3, 4, 10, 12, 13); каменный стеатитовый котел с брусковидными ручками и орнаментацией, прорезанными по тулову линиями (рис. 8; 7); жаровня с орнаментированным верхом венчика, ее форма восстанавливается по подъемным находкам с цитадели — она прямоугольная, с закругленными краями, размеры 50х30 см (рис. 8; 26). Симобкузача (рис. 8; 6), фрагмент поставки под светильник (рис. 8; 23). Из столовой керамики здесь присутствуют чаши на кольцевом поддоне с прямыми, плавно расширяющимися стенками, покрытые по светлomu ангобу бесцветной поливой, орнаментация подглазурным прочерчиванием и потеками голубой краски (рис. 8; 2, 15, 17, 18).

Данный комплекс керамики схож с керамикой третьего этапа на Р-1 и может датироваться XI–XII вв. н.э.

Верхний уровень обживания сооружений на Р-2, связанный с их

разрушенном, можно датировать XVII–XVIII вв. по находкам сосудов с росписью типа “басма” (Мирзаахмедов, 1981, с. 102, рис. 2, 8).

Весной 1989 г. местными жителями была разрушена часть городища, расположенная между цитаделью и р. Карасу, представляющая собой треугольник со сторонами 100x150 м, вытянутый вдоль берега. В ходе изучения остатков культурного слоя были зачищены две керамические печи, остатки сооружения и заложен шурф Ш-2.

Шурф размерами 4x2 м показал, что данная территория служила местом сброса мусора. Мусорные слои зеленого цвета лежат на материке толщиной 0,5–1,5 м. Повышение идет в сторону фаса цитадели. Керамический комплекс имеет аналоги с керамикой второго этапа на Р-1 и датируется IX–X вв. н.э. Мусорные слои перекрыты слоем речного песка (до 0,5 м), образовавшимся, вероятно, в результате большого паводка Карасу.

Слои обживания более раннего времени обнаружены к югу от шурфа. Здесь находились две гончарные печи (рис. 9). Печь 1 ориентирована по оси З–В загрузочной камерой на восток, вырублена в материковом лессе и обложена сырцовым кирпичом, поставленным на ребро. Топочная камера 1,1x1 м, с округлыми краями, сильно ошлакованными стенами и полом,

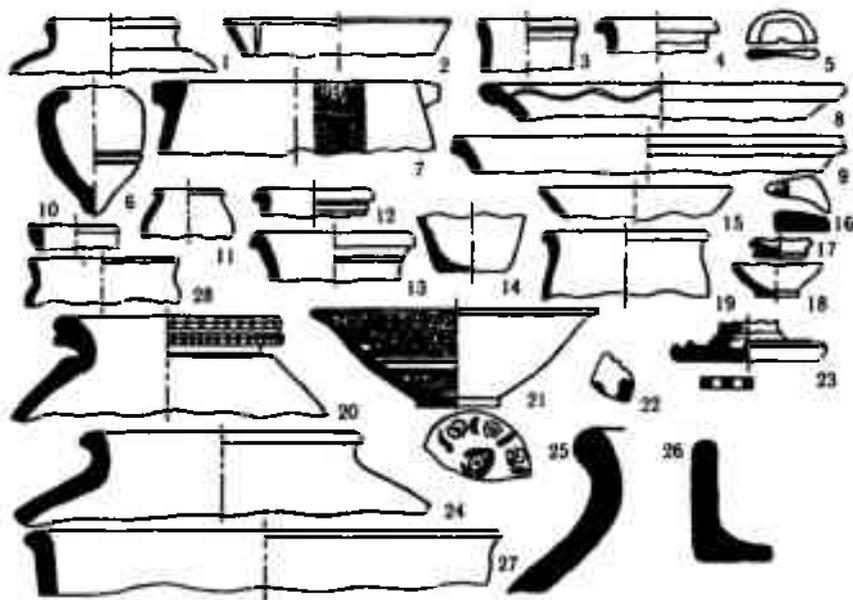

Рис.8. Керамический материал из раскопа 2.

сохранилась на высоту 55 см. Заполнены фрагменты кирпичей пода и свода печи. Загрузочная камера округлая $1 \times 0,85$ м, стенки и пол обожжены. Заполнение камеры – зола, пепел, обломки кирпичей, фрагменты керамики.

Печь 2 – ориентирована по оси С–Ю, топочной камерой на север. Сохранился низ топочной и загрузочной камер. Печь прямоугольная. В плане $1,4 \times 0,8$ м, в высоту сохранилась на 20–25 см. Топочная камера $1 \times 0,8$ м, загрузочная камера трапециевидная $0,4 \times 0,8$ м. Заполнение камер как у печи 1, керамика из обеих печей идентичная – это кувшины с ручкой, прикрепленной под венчиком и потеками густого красного ангоба (рис. 9; 4, 4, 7, 11); горшки (рис. 9; 1, 2, 5, 12), покрытые красным ангобом, №5 имеет уступ для крышки и отверстия для подвливания; котлы шаровидной формы с загнутым внутрь венчиком, покрытые

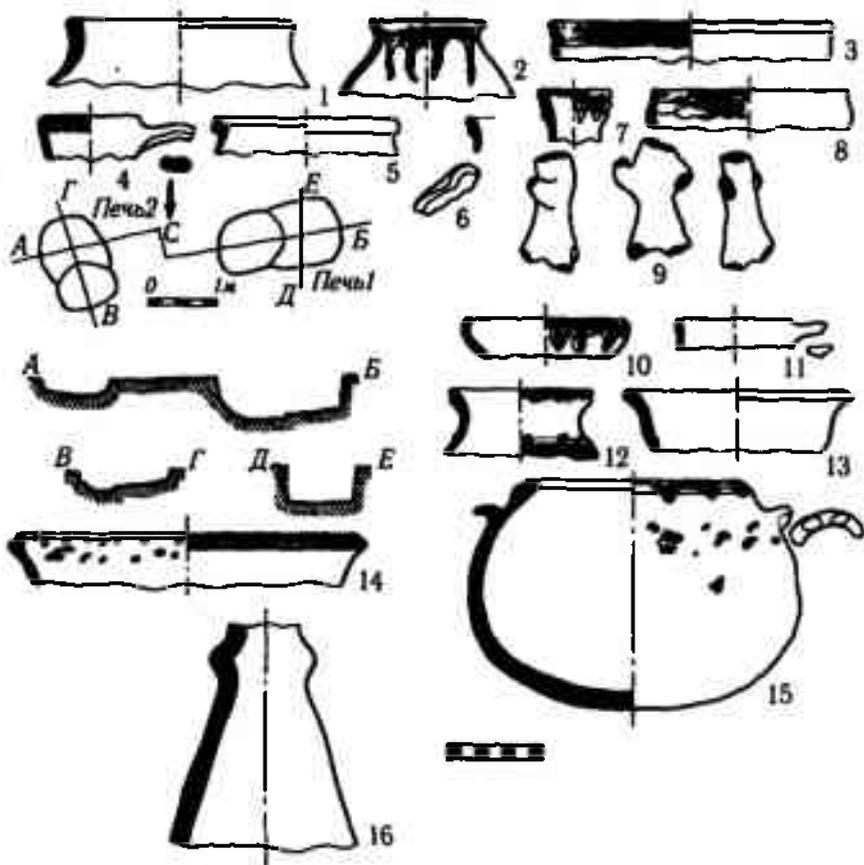

Рис. 9. Ш-2. Планы, разрезы печей и находки.

мазками красного ангоба (рис. 9; 15); миски (рис. 9; 3, 14); чаши (рис. 9; 8, 12); фиал (рис. 9; 10); ножка от курильницы (рис. 9; 16).

Кроме керамики, в печи 1 найдены терракотовая статуэтка, изображающая мужскую фигуру. Левая рука опущена вниз, правая поднята вверх и неестественно заведена за спину. Сзади у фигурки была подпорка для ее устойчивого положения. Голова, ноги и подставка статуэтки не сохранились. Фигурка покрыта красным ангобом.

Керамический комплекс из печей в пригороде Шуроб-Кургана по многочисленным аналогиям на памятниках Северного Тохарстана (Аннаев и др., с. 80, рис. 5, 25, 26, 21, 20, с. 83, рис. 6; Литвинский, 1985, с. 97, рис. 34, 14) датируется VI–VII вв. н.э. В 7 метрах к юго-западу от печей сохранилась часть вымостки из обожженного кирпича 39х39х4. Кирпич такого же формата обнаружен на Р-3 в обкладке суфы башни.

На основании работ, проведенных на цитадели городища Шуроб-Курган в 1988–89 гг., можно сделать предварительные выводы по ее стратиграфии, хронологии, фортификационной системе.

Стратиграфия и хронология цитадели

На цитадели можно выделить 5 этапов обживания: 1 – приходится на IV–V вв. н.э., слои этого времени зафиксированы в нижних слоях шурфа III-1;

2 этап – интенсивное обживание цитадели в период раннего средневековья (VI–VIII вв. н.э.), строительство крепостной стены с башней на Р-3, остатки сооружений в слоях VI–VIII ярусов на III-1, нижние слои на Р-1.

3 этап – конец VIII–IX вв. н.э. Продолжалось использование оборонительной системы цитадели – пол 2 в башне на Р-3, слои этого времени зафиксированы на Р-1.

4 этап – XI–XII вв. н.э. Сооружается последняя, оборонительная система цитадели – остатки стен и башня на Р-1, возникает группа хозяйственных помещений на Р-2.

Последний, 5 этап – XVII–XVIII вв. н.э., когда используются остатки построек предшествующего времени на Р-2, а также строятся легкие временные жилища на Р-1.

Фортификация

Возведение первой оборонительной системы цитадели относится к VI в. Она включила в себя крепостную стену, сложенную из сырцового кирпича высотой до 5–6 м с учетом естественного холма. Общая высота оборонительной системы могла доходить до 8–10 м. На углах, а возможно и на протяжении стен (это могут показать дальнейшие работы) находились башни, слегка выступающие за линию стен. Башни двухэтажные, с входом на второй этаж по гребню стены или внутри цитадели. Нижний этаж служил для отдыха, хранения воды и припасов, и, вероятно, в нем были бойницы, позволяющие вести обстрел. Но основную, боевую, нагрузку нес второй этаж башни, который, вероятно, был открытым и имел валганг для укрытия защитников цитадели. Такое построение обороны встречается на

раннесредневековых памятниках Средней Азии. Прямоугольные двухэтажные башни обнаружены на цитадели городища Кафыркала (Литвинский и др., 1985, с. 93–94), замке Зангтепа (Альбаум, 1963, с. 78–83), на крепостной стене шахристана городища Канка (Богомолов, 1989, с. 9). Особенностью оборонительной системы цитадели Шуроб-Кургана является небольшой выступ башни за линию стен, что объясняется постройкой их на естественном холме и учетом его конфигурации. Отсутствие входа на первый этаж башни позволяло ей играть роль самостоятельной боевой единицы даже в случае прорыва противника внутрь цитадели, т.к. проходы по стене к башне можно было легко заблокировать.

Эта система просуществовала до IX в., возможно и до начала X в. н.э. Позднее в XI–XII вв. оборонительная система цитадели была перестроена – пахсовые стены и круглая башня на Р–1. Исследователи средневековых цитаделей городищ Средней Азии определили генетическую связь их с замками (Нильсен, 1966, с. 32; Беленицкий и др., 1973, с. 21), а их отличие в том, что цитадель являлась резиденцией правителей владений, наличием крупных аудиенц-залов, размещением здесь органов государственного управления, казны, монетного двора (Литвинский и др., 1985, с. 122).

На цитадели Шуроб-Курган есть некоторые отличия от этой схемы. Прежде всего необычность пропорций цитадели и шахристана – 3 и 17 га (17 га – это общая площадь всех шахристанов, подъемный материал оттуда показывает, что керамика раннесредневековья происходит лишь с северной части городища), в то же время на Кафыркала, являющейся столицей владения Вахш, цитадель площадью 1,4 га, в Бухаре так же столице области, цитадель 3,5 га, в то время как Шуроб явно входил в подчинение области Термеза.

Сооружение таких мощных укреплений, как цитадели в Шуроб-Кургана было бы не под силу мелкому феодалу. Скорее всего это объясняется ее особыми функциями, как крепости, возникшей на стратегически важной переправе через Амударью, связывавшей районы Сурхандарьи с областью Балха, и подчинявшейся правителю области. Ее возникновение можно связать с борьбой Сасанидского Ирана с владевшими в VI в. Северным Тохаристаном эфталитами, и позже Тюркским каганатом (Гафуров, 1972, с. 195–198; Гумилев, 1967, с. 47).

Таким образом, новые данные, полученные в результате работ 1988–1989 гг. на цитадели Шуроб-Кургана, дополняют наши представления о возникновении и развитии цитадели средневекового города.

Литература

Альбаум Л.И. Балалыктепа. Ташкент, 1960.

Альбаум Л.И. Раскопки замка Зангтепа, ИМКУ, Вып. 4, 1963.

Аннаев Т. Дж. Об одной группе раннесредневековой керамики Северного Тохаристана, ИМКУ, Вып. 21, 1987.

Аннаев Т. Дж., Бобоходжаев А., Рахманов Ш. Замок Курган-тепа, ИМКУ, Вып. 22, 1988.

Беленицкий А.М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента, МИА, 66, 1958.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековой город Средней Азии. Л., 1973.

Богомолов Г.И. Культура городского центра раннесредневекового Чача (по материалам городища Канка). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самарканд. 1989.

Быков А. Очерк переправ через Амударью. Ташкент, 1879.

Вактурская Н.Н. Керамика Хорезма. ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.

Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

Городище Пайкенд. Ташкент, 1988

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.

Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.

Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.

Мандельштам А.М., Певзнер С.Б. Работы кафирниганского отряда в 1952–1953 гг. МИА Вып. 66. 1958.

Мирзаахмедов Дж. Глазурованная керамика Бухары второй половины XVII – первой половины XVIII вв. ИМКУ. Вып. 16, 1981.

Нильсен В.А. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Ташкент, 1966.

Пидаев Ш.Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии. В сб.: Древняя Бактрия. М., 1974

Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок. В сб.: Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.

Ртвеладзе Э.В. К локализации греческой переправы на Оксе. ВДИ, № 4, 1977.

Седов А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ СТАРОГО ТЕРМЕЗА

Ш.Р. Пудаев

Изделия из камня занимают скромное место среди археологических находок Старого Термеза. Вместе с тем они своеобразны по назначению, выразительны по форме и заслуживают рассмотрения, в частности, коллекция предметов из камня, собранная из хозяйственно-жилого комплекса в юго-восточной части рабада, караван-сарая в квартале керамистов и с раскопов на территории цитадели. Ассортимент изделий небольшой: различные по форме кухонные котлы, составляющие большинство по количеству фрагментов и разнообразию форм, точильные бруски, некоторые поделки и археологически целые сосуды и фрагменты. На многих прослеживаются следы починки.

В Старом Термезе в настоящее время известно более 20 экземпляров котлов. Все они изготовлены из серого талькового, так называемого, горшечного камня вручную, хотя отдельные места, возможно, могли быть обработаны на станке, и сильно закомчены в результате многократного использования в быту. Структура камня зернистая. Сосуды сделаны с помощью острого резца с узкой рабочей частью, о чем свидетельствуют тонкие горизонтальные и вертикальные бороздки на внешней стороне стенок. Внутренняя поверхность всех котлов гладко отшлифована, но иногда отшлифована и внешняя поверхность. Каменные котлы украшали редко. Возможно, это было связано с трудностью обработки материала. Однако путем варьирования направления резца мастера получали различные бороздки, которые создавали как бы гравированную орнаментальную поверхность. Обнаружены также фрагменты каменных котлов, украшенных концентрическими кольцами, выполненными циркулем.

По форме каменные котлы можно разделить на три типа.

1. Котлы усеченно-конической формы с прямым венчиком и слегка выпуклым донцем. Представлены двумя вариантами: с прямыми стенками (рис. 1. 1-3) и со слегка округленными (рис. 1. 4-5). Ручки обычно расположены в центральной части стенок. В сечении они имеют вид горизонтальных выступов, а в плане дисковидной формы. У одного котла (второй вариант) вместо ручек отверстия в верхней части, ближе к венчику, а через отверстие пропущена бронзовая проволока, которая заменяла ручку. Внешняя поверхность другого котла этого типа (рис. 1.1) оформлена

рельефными неправильными прямоугольниками, которые придали сосуду граненую поверхность. Высота этого котла 9,5 см, диаметр венчика – 15 см. Стенки третьего котла в верхней части, ближе к венчику, оформлены концентрическими углублениями (рис. 1.2). Высота котла 13,3 см, диаметр венчика – 17,2 см. Судя по количеству находок, котлы этого типа наиболее характерны для Термеза.

II. Котлы с подтреугольной в сечении формой, тулово округлое, стенки сужаются к венчику (рис. 1.6). В Термезе такой сосуд пока представлен одним экземпляром.

III. Котлы с цилиндрическим туловом на плоском донце. Стенки слегка выпуклые, венчик прямой. Ручка в сечении в виде горизонтального выступа, наподобие ручек котлов первого типа. В коллекции имеется археологически целый сосуд этого типа. Высота котла 13,2 см, диаметр венчика – 17,8 см (рис. 1.7).

Каменные котлы по объему небольшие. Возможно, размеры сосудов обусловлены характером приготавливаемой в них пищи. На многих фрагментах котлов, найденных в Старом Термезе, отмечаются отверстия в стенках и донцах с остатками бронзовой проволоки. Таким образом, видна починка частей разбившегося сосуда.

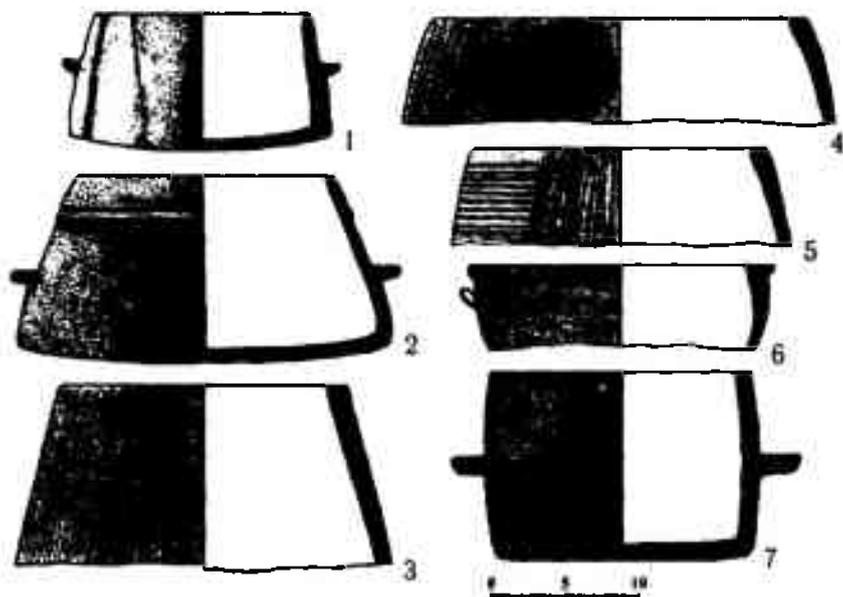

Рис. 1. Каменные котлы.

Ареал распространения каменных котлов довольно широк. Находки изделий подобного рода известны на многих памятниках Мавераннахра, датируемых X–XIV вв. В частности, в коллекции находок из Афрасиаба известен каменный котел, по оформлению аналогичный котлу первого типа из Старого Термеза (Шишкина, 1979. табл. XXVII, 17). Каменные котлы найдены в Куве, в Ахсикете (Ахраров, 1965. с. 9–12), в Хульбуке (Гулямова, 1962. с. 128) и в Муминабаде (Якубов, 1987. рис. 6.3). Но особенно широко и разнообразно они представлены в материалах средневековых памятников Хорасана и Хорезма.

Известны коллекции каменных котлов в археологических материалах из Мерва, Нисы и Шехр-Ислама (Кураева, 1969. с. 217–228; Атагарриев, 1973. с. 82–84).

Сопоставление экземпляров каменных котлов показывает, что для перечисленных керамических центров более характерны котлы с округленным резервуаром и сложнопрофилированным венчиком. Находки котлов с прямым венчиком, как в Старом Термезе, единичны. Каменные котлы из Мерва, Нисы и Шехр-Ислама на основании керамических комплексов и монетных находок датируются XII – началом XIII вв.

Согласно данным петрографического исследования, Л.А. Кураева полагает, что каменные котлы Мерва и Нисы были изготовлены из талькового камня иранского происхождения (Кураева, 1969. с. 224). По мнению Атагарриева, каменные котлы Шехр-Ислама также иранского происхождения (Атагарриев, 1973. с. 98). Таким образом, рассматриваемые экземпляры котлов могли быть изготовлены в городах, расположенных недалеко от мест добычи талькового камня. В этом аспекте особого внимания заслуживают сведения арабо-персидских авторов IX–X вв., содержащие упоминания об отдельных городах, вблизи которых добывались горшечные камни. К числу таких городов относили Нишапур, Мешхед и Нукан. Так, ибн Хаукаль отмечает, что в городах Нукана имеются рудники камня, из которого делались горшки и что их вывозили в другие города Хорасана (Ибн Хаукаль, 1936. с. 183). Характерно, что традиция изготовления каменной посуды в Мешхеде сохранилась до наших дней.

Каменные котлы широко использовались и в средневековых городах Хорезма. Они обнаружены при раскопках караван-сараяв Ак-Яйло и Талайханата (Вишневецкий, 1958. с. 440, 460), на городище Шемахакала (Вактурская, 1952. с. 188), Шахсанам (Рапопорт, 1958. с. 414), на поселении Уйгурак (Толстов, 1962. с. 284. Рис. 183) и на многих других памятниках. Все находки на основании керамического материала и нумизматических данных датируются XI – началом XIII вв. Столь широкое распространение каменных котлов в Хорезме, по-видимому, было связано с тем, что в горах Султануиздага находятся залежи каменных пород, пригодных для изготовления различных изделий.

Ал-Мукаддаси упоминает Баратегин – главный центр по обработке и изготовлению каменных изделий Хорезма (Ал-Мукаддаси, 1939. с. 187).

Вместе с тем, своей структурной неоднородностью и сланцеватостью Султануиздакские каменные породы отличаются от иранских. Они трудно поддавались обработке, а качество изделий было высоким. Местные хорезмские каменные изделия уступали иранским, поскольку последние были изготовлены из структурного однородного материала и сланцеватость в нем отсутствовала. По своей форме каменные хорезмские котлы более схожи с мервскими и нисийскими и менее схожи с мавераннахрскими.

Каменные котлы из Старого Термеза еще не подвергались петрографическому исследованию и пока не известно происхождение исходных каменных пород. Но судя по внешним признакам рассматриваемых каменных сосудов, можно предположить, что сырье было из гор Кугитангтау. Дальнейшая обработка камня и изготовление из него различных изделий производились в Термезе. В пользу такого предположения свидетельствует количество находок каменных изделий, и котлов в первую очередь, а также то, что термезские каменные котлы существенно отличаются от синхронных котлов иранского происхождения из Мерва, Нисы, Шехр-Ислама и других центров Хорасана. Для термезских котлов более характерны усеченно-конические формы с прямым венчиком. В Хорасане же котлы с туловом округлой формы и сложнопрофилированным венчиком. Это наблюдение позволяет предположить, что существовала термезская школа по обработке камня, с характерной для нее традицией и стилем, тем более, что в Термезе сохранялась давняя традиция по обработке камня, корни которой уходят в греко-бактрийскую и кушанскую эпохи.

Изготовление каменных изделий, в т.ч. и котлов, было трудоемким процессом, требующим от мастеров определенных навыков и опыта. Они были, по всей видимости, и дорогостоящими, отсюда и частые находки каменных котлов со следами ремонта. Владельцы явно дорожили ими. Помимо термостойкости, каменные котлы обладали еще повышенной кислотно-щелочной стойкостью и ценились в быту, судя по данным этнографии, из-за прекрасного вкуса приготовленной в них пищи.

Особого внимания заслуживает найденная поделка из талько-хлоритового камня сложной конфигурации. Изделие археологически целое, в сечении прямоугольной формы, а в плане овал с тремя треугольными рожками. Хотя значительная часть поделки утрачена, тем не менее она реконструируется довольно точно (рис. 2). В овальной части вырезан резервуар в виде четырехлепестковой розетки с округлыми лепестками. В рожковой части поделки вырезаны три подтреугольных резервуара глубиной 3,4–3,8 см, с гладкой шлифованной поверхностью. Сверху поделка украшена циркульным орнаментом и трехлепестковой розеткой. С боков оформлена гравированным стилизовано-растительным орнаментом, оконтуренным прямой линией. Сбоку в центре овальной стороны была вырезана ручка. Она частично утрачена, но, судя по сохранившейся части, имела петлеобразную форму. Наибольшая длина поделки 16 см, наибольшая ширина в рожковой части 11,8 см, высота 4,6 см. Скорее всего данная поделка является светильником.

Однако следы копоти на стенках отсутствуют. То, что поделка найдена в производственном помещении, связанном с изготовлением неглазурованной посуды, также указывает, что она использовалась как светильник, а не для других целей. Схожие каменные поделки в материалах других археологических памятниках на территории Средней Азии не известны. Однако несколько других очертаний известны в Хорасане.

Еще одна интересная каменная поделка была найдена при раскопках хозяйственно-жилого комплекса в юго-восточной части рабада. В плане она имеет подквадратную форму. Сбоку в центральной части оформлена рельефным пояском. Поделка исполнена грубо. В центре предмета круглый резервуар диаметром 2,8 см и глубиной 2,4 см. Подобные каменные поделки, только с ручками, известны в археологических материалах из Мерва (Кураева, 1969. с. 221) и Хульбука (Гулямова, 1961. с. 152-154). По мнению Л. Кураевой, сосуды использовались для разведения в них минеральных красок. Другие авторы, например, Э. Гулямова, полагают, что это курильницы. Нам же представляется, что рассматриваемые предметы являются чернильницами.

Характерно, что среди огромного количества различных керамических предметов в Термезе пока не известны чернильницы. В то же время в археологических материалах всех крупных керамических центров Средней Азии чернильницы являются довольно частой находкой. Не говорит ли

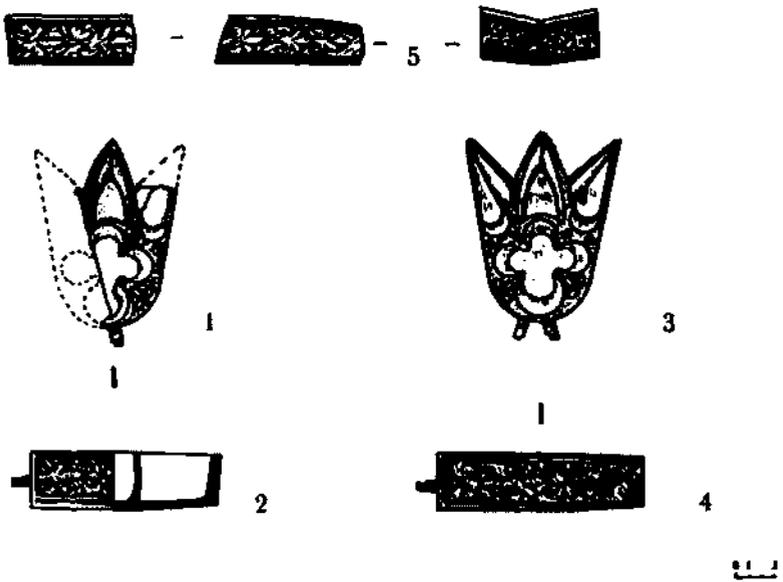

Рис.2. Каменные поделки.

это о том, что в Термезе средневековые жители отдавали предпочтение каменным чернильницам? На городище Старого Термеза найдены различные изделия из камня, связанные с хозяйственной жизнью городского населения: точильные бруски, терочники, отбойники и украшения.

Материалы дают основание считать, что изготовление каменных изделий в средневековом Термезе относится к числу традиционных видов городского ремесла. Мастера специализировались на изготовлении различных предметов хозяйственно-бытового назначения. Наиболее популярными были каменные котлы. Основной доход ремесленников скорее всего был связан с продажей каменных котлов и отдельных высокохудожественных поделок. Высокое качество изделий и характер их обработки указывают на профессионализм термезских ремесленников-камнетесов. При изготовлении каменных изделий отдельные детали термезские мастера обрабатывали на токарных станках, что способствовало массовости продукции и снижению ее стоимости. Следует полагать, что ассортимент продукции термезских ремесленников-камнетесов был значительно шире, чем варианты типов, имеющих в настоящее время в археологической коллекции.

Литература

Ал-Мухадаси. Извлечение из "Асхан ат-такасим фи-марифат ан акалим". МИТТ. Т. I. М. - Л., 1939.

Атагарриев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, 1973.

Ахраров И. Каменные котлы средневековой Ферганы. Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965.

Вактурская Н.Н. О раскопках 1948 г. на Шемахакала. Труды ХАЭЭ. Т. I. М., 1952.

Вишневская О.А. Раскопки караван-сарая Ак-Айла и Талахан-Ата. Труды ХАЭЭ. Т.П. М., 1958.

Гулямова Э. Раскопки цитадели на городище Хульбук в 1957 г. Труды АН Тадж. Т. XXVII. Душанбе, 1961.

Гулямова Э. Раскопки цитадели городища Хульбук в 1960 г. АРТ. Вып. VIII, 1960. Душанбе, 1962.

Иби-Хаукаль. Извлечение из "Китаб ал-месалик ва-ал мемалик". МИТТ. Т. I. М. - Л., 1939.

Кураева Л.А. Средневековая привозная каменная утварь из Мерва и Нисы, Труды ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад, 1969.

Рапопорт Ю.А. Раскопки городища Шахсенем в 1952 г. Труды ХАЭЭ. Т.П. М., 1958.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.

Якубов Ю.Я. Бронзовые средневековые котлы из Таджикистана. Материальная культура Таджикистана. вып. 4. Душанбе, 1987.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КЫРК-КЫЗ

Е.Г. Некрасова

Кырк-Кыз – уникальный памятник сырцово-архитектуры расположен близ Термеза. Это величественное здание с четко разработанным планом и совершенством арочно-сводчатых конструкций, квадратное в плане (54х54 м), ориентированное по странам света. Крестообразно рассечено по осям четырьмя сводчатыми анфиладными проходами, идущими к центральному пространству, вокруг которого группируются помещения и узкие сводчатые коридоры. По углам здание фланкировано круглыми башнями. В стенах помещений и коридоров находятся разных размеров световые и вентиляционные отверстия.

В исторических источниках каких-либо упоминаний о памятнике не обнаружено. Первое описание Кырк-Кыз появилось после его обследования экспедицией Музея Восточных культур в 1926 г. Его автор считал, что здание "... далеко не первоклассное художественное произведение, характерное для провинциального или консервативного искусства" (Згура, 1927, с. 19).

В. Згура писал об археологическом обследовании памятника, имея ввиду, очевидно, натурное обследование, т.к. археологических раскопок тогда не производилось. Автор считал, что при равноценности фасадов, главным является – южный, а четыре въезда на осях приводят в центральный внутренний двор (там же, с. 21). Назначение Кырк-Кыз определено как "... небольшой дворец или загородный замок" (там же, с. 25). В.Згура не датирует возведение памятника, указывая на близкую, с его точки зрения, аналогию с дворцом-крепостью Хигарла на берегу Ефрата, построенным Харунар-Рашидом (786–809) (там же, с. 26). С точки зрения В.Згура, датировка памятника затруднена тем, что "... здание расположено на территории монгольского города, возникшего в целом уже в XIII в., после разрушения старой крепости (1220)" (там же, с. 26). Во время второй экспедиции Музея Восточных культур в 1927 г. исследованием Кырк-Кыз занимался Б.Н.Засыпкин. Были сделаны первые обмеры памятника (Засыпкин, 1928, с. 29). В результате исследований, автор приводит сведения, полученные при раскопках в центральной части Кырк-Кыз: "Купол не сохранился", но куски его были найдены при раскопках центрального помещения, имевшего форму квадрата" (Засыпкин, 1928, с. 31).

Б.Н. Засыпкин отмечает также, что в Кырк-Кыз не обнаружены признаки культового назначения и подчеркивает полную аналогию центральной части Кырк-Кыз с ханака в ансамбле Султан-Саодат. На

этом основании он пришел к выводу, что Кырк-Кыз это ханака — странноприимный двор с кельями. В первой статье автор воздерживается от точной датировки памятника, считая его домонгольским (там же, с. 32–33). В следующей работе Б.Н. Засыпкин датирует Кырк-Кыз VIII–IX вв. (Засыпкин, 1948, с. 30).

В 1936 г. исследование Кырк-Кыз было продолжено Термезской Археологической комплексной экспедицией (ТАКЭ) под руководством М.Е. Массона. Архитектор С. Полупанов произвел обмер памятника. Его точка зрения на дату возведения Кырк-Кыз приведена в одной из работ М.Е. Массона: «При ознакомлении с памятником С.Н. Полупанов находился под ложным впечатлением, что это здание следует относить к довольно позднему времени и, вернее всего, к эпохе господства узбеков».

М.Е. Массон до специального археологического обследования датировал Кырк-Кыз VI–VII вв. (Массон, 1941, с. 66). В 1957 г. исследованием Кырк-Кыз занималась А.М. Прибыткова, уделив основное внимание конструкциям памятника (Прибыткова, 1961, с. 170). В ряде работ Г.А. Пугаченковой встречаются упоминания этого памятника. В одной из публикаций автор приходит к заключению, что «...Кырк-Кыз, это крупная феодальная усадьба, где пребывает родовитая семья». (Пугаченкова, 1963, с. 37). В этой же работе Г.А. Пугаченкова отказывается от своего прежнего предположения о наличии в центральной части памятника внутреннего двора, «... скорее всего на линии стен айванов здесь лежало четыре мощных круглых столба. На них и на стенах находились сводчатые перекрытия галерей, проходивших по двум этажам и открытых в центральный пролет, увенчанный единственным верхним куполом» (там же, с. 36–37). В другой, более поздней работе Г.А. Пугаченкова выдвигает другую версию о назначении памятника: «Кырк-Кыз расположен вне укреплений раннесредневекового Термеза, на загородных землях, в местности, еще в прошлом веке именовавшейся Шахри-Саман, в названии которой не случайно запечатлена связь с династией Саманидов. По всем данным им и принадлежала огромная дворцовая загородная усадьба, каковой является Кырк-Кыз. По-видимому, это была летняя резиденция царствующего рода (столица Саманидов находилась в Бухаре), выполненная в монументальных архитектурных формах» (Пугаченкова, 1973, с. 24, 26).

Б.В. Веймарн считал, что Кырк-Кыз был караван-сараям (Веймарн, 1940, с. 22).

В 1967 г. на Кырк-Кыз были проведены археологические работы Узбекистанской искусствоведческой комплексной экспедицией, в частности З.А. Хакимовым. В центре памятника в юго-западной части был заложен стратиграфический шурф (7х5х4м), главной целью которого было убедиться в наличии купола над центральной частью и уточнить дату Кырк-Кыз. Стратиграфия напластований, вскрытая шурфом, распределяется следующим образом: под небольшим слоем пушонки располагается 80 см слой, подстилает его 50 см завал из жженого кирпича на лессовом растворе, в этом же слое содержится большое количество боя сырцового кирпича; под этим завалом

находится мощный слой зольника с обгорелыми кусками сырца. Этот слой, как отмечает автор, "...прослежен на всей площади шурфа, что свидетельствует о большом пожаре." (Хакимов, 1983, с. 151). К сожалению, толщина этого слоя в статье не приведена. Далее З. Хакимов описывает обнаруженное в шурфе оформление входа в южный и западный коридоры, обуглившиеся остатки четырехгранной арки. "Балка вставлена в арочную нишу шириной 20 см, оформлявшую вход" (там же, с. 151). Из описания не ясно: 20 см ширина балки или арочной ниши? Древний уровень дверной поверхности подходит к нижней грани балки, он представлен толстым утрамбованным слоем земли толщиной 20 см. Фундамент в этой части здания толщиной 1 м, сложен из жженого кирпича. В шурфе, в строительном завале З.А. Хакимов обнаружил несколько фрагментов керамики, покрытых белой глазурью с черной, либо коричневой надглазурной росписью, датированной X—XI вв.

Две плохо сохранившиеся монеты, как отмечает автор, по типу напоминают чекан предарабского времени. Микрорельеф в месте закладки шурфа постепенно понижается к центру внутреннего пространства Кырк-Кыз и образует в середине небольшую впадину. Мощность слоев, вскрытых в шурфе, уменьшается к центральной части; сокращается и процент боя жженого кирпича. На этом основании автор отвергает точку зрения Б.Н. Засыпкина, "...предполагавшего наличие центрального купола, даже если допустить разбор кирпичей обрушившегося купола местным населением, то и в этом случае, несомненно, должны были бы сохраниться щебень и ганчевая промазка, на которой крепилась кладка купола". (Хакимов, 1983, с. 152).

З. Хакимов не принимает в расчет временной отрезок между его исследованиями и работами Б.Н. Засыпкина (40 лет), в течение которого, по сообщениям местных жителей, не только разбирался кирпич памятника, но предпринимались попытки устроить в его центральной части овощехранилище. Сам же Б.Н. Засыпкин пишет о том, что куски купола были найдены при раскопках центрального зала (Засыпкин, 1928, с. 31).

На основании исторических источников, топонима Шахри-Саман, отмеченного для территории, на которой находится Кырк-Кыз еще в конце XIX в., Г. Капю, З.А. Хакимов предполагает, что это родовой замок Саманидов (Хакимов, 1983, с. 154).

В 1979–80 гг. по заказу ГлавНПУ памятников культуры Министерства по делам культуры Республики Узбекистан, сотрудниками УзНИПИ реставрации производилось археологическое исследование памятника. В последние десятилетия резко поднялся уровень грунтовых вод, стены памятника на высоту двух метров пропитаны влагой, при просыхании происходит постоянное их отслаивание и растрескивание. Перекрытия сохранились лишь над узкими длинными коридорами, но большая часть их под угрозой обвала. Конструктивные элементы и архитектурные членения Кырк-Кыз во многих местах смыты. По существу от окончательного разрушения памятник удерживала естественная консервация, которая на протяжении веков сложилась под воздействием ветра и атмосферных осадков.

В связи с археологическим исследованием Кырк-Кыз появилась возможность уточнить некоторые положения, выдвинутые ранее и получить новые материалы к истории памятника. Уровень земли в центральной части памятника понижен на 1,3 м, расчищена северо-западная четверть памятника, заложен ряд шурфов.

В северо-западной части после археологического вскрытия предполагалось, согласно проекта консервации, укрепить все стены этой четверти, фундаменты и нижние части стен.

Основным строительным материалом служит квадратный сырцовый кирпич размером 30–32х5–6,5 см. В составе кирпичной массы содержалось некоторое количество самана, кладка осуществлялась на глино-саманном растворе толщиной 2 см, причем в растворе содержится большое количество самана.

В завале центральной части памятника и во входных нишах, открывающихся в центральную часть, находится мощный завал жженого кирпича с большим количеством ганча. Части ниш, выходящие к центру, сложены из жженого кирпича. Ряды жженого кирпича бессистемно введены в кладку стен во многих частях памятника. Он введен в замки арок, перекрывающих помещения, причем здесь зафиксирован кирпич различного формата: 24–25х24–25х4, 5–5 см и 27–28х27–28х4, 5–5–6 см, но преобладает 30х30х5–6 см.

Очень часто на Кырк-Кыз использовалось дерево: в оконных перемычках, в основании и пят подпружных арок, в толщах стен. Наличие деревянных деталей, очевидно, придавало зданию дополнительную прочность, дерево служило арматурой. Сейчас оно совершенно сгнило и образовавшиеся пустоты ослабляют памятник.

Арки, своды, стены помещений покрыты слоем глино-саманной штукатурки.

Северо-западная часть памятника.

Высота пяти помещений, дверные проемы которых выходят в коридоры, 6,8–7 м, перекрытия сводчатые. Коридоры двухэтажные, высота нижних – 4,5–4,8 м, верхних – 2,6–2,8 м.

Помещение 17. Размер 7,2х4,6 м. Ширина проема в южной стене – 1,6 м. Перекрытие не сохранилось, верхние участки стен обрушены. Стены помещения и дверной проем сложены из сырцового кирпича. В дверном проеме в пяту арки свода введен ряд жженого кирпича.

Слой завала над первоначальным полом около 3 м. В верхней части шурфа почти полутораметровый слой рухнувших перекрытий, перемежающихся 10–15 см слоями натеков, под ним находится 70 см слой хлева, перемежающийся со слоями натеков. Слой хлева перекрывает 60–70 см зольно-шлаковый слой. Зола белого и черного цвета, куски шлака крупные, пористые. Шлаковый слой подстиляет завал с включениями фрагментов поливной керамики. Под слоем завала находится уровень первоначального пола. Он неровен, на поверхности расплывчатые зольные пятна толщиной от 10 до 20 см, уровень его постепенно повышается за счет слоев золы.

В юго-западном углу помещения был заложен шурф. На глубине 2 м появились грунтовые воды. Фундамент ленточного типа, сложен заподлицо со стенами, заглублен в материковый лесс более чем на метр, сложен разреженной кладкой из сырцового кирпича.

В помещении две небольшие печи. Одна круглая в диаметре, с вертикально стоящими стенками, диаметром 80 см. Стенки сформованы из глины с большой примесью гальки, сохранились на высоту 40 см. Вторая печь — небольшой очаг, составленный из четырех вертикально-поставленных кирпичей размером 30х30х6 см. Обе печи доверху заполнены тонкой белесой золой.

Помещение 18. Размером 7,2х4 м, в западной стене дверной проем шириной 1,7 м. Частично сохранилось сводчатое перекрытие. Слой завала колеблется от 2 до 2,5 м. Под слоем натеков на расстоянии 2,1 м от входа помещение перегородено поперечной стенкой из сырцового кирпича размером 30х30х6 см, сохранилась на высоту 90 см, конструктивно не связана со стенами помещения. Пространство от входа до стенки использовалось под хлев, который время от времени чистили, а отходы перебрасывали за стенку. Слой хлева толщиной 1,2 м, подстилает его 20–30 см слой запустения, представленный натечными слоями. Ниже расположен слой, состоящий из золы и крупных кусков спекшегося шлака, толщина этого слоя 30–40 см. Пол представлен неровной горизонтальной поверхностью.

Помещение 19. Размер 7,2х4,8 м, в западной стене дверной проем шириной 1,7 м. Перекрытие сохранилось над западной частью помещения. Завал над полом толщиной от 2 до 3 м, наибольшая толщина его в восточной части за счет рухнувших перекрытий.

Под слоем натеков и рухнувших перекрытий находится почти метровый слой овчарни, перемежающийся прослойками надувного характера. Подстилает его пятидесятисантиметровый зольный слой со спекшимися пористыми кусками шлака. Пол представляет собой неровную поверхность, покрытую зольными пятнами. В восточной части, по всей ширине помещения находится суфа высотой 40 см, длиной 3 м. На ней обнаружено зольное пятно от круглого в плане очага. Фундамент, вскрытый в юго-восточном углу ленточного типа, выступает за линию стен на 15–20 см, сложен разреженной кладкой из фрагментов сырцового кирпича.

Помещение 20. Размер 6,8х4 м, в восточной стене дверной проем шириной 1,6 м. Перекрытий над помещением не сохранилось, толщина слоя завала над полом 3 м. Под слоем натеков находится 60 см слой рухнувших перекрытий, который лежит на тонком (10 см) глинисто-зольном слое.

Подстилает его 80 см слой хлева, перемежающийся натечно-надувными глинистыми прослойками. В этом помещении зафиксировано два слоя, содержащих золу и пористые шлаки. Верхний толщиной 20 см расположен под слоем овчарни, отделен от нижнего прослойкой глины. Толщина нижнего слоя 30 см. Уровень пола представлен относительно ровной горизонтальной поверхностью.

Помещение 21. Размер 8,4х4 м. Перекрытие, верхние участки стен,

северная часть дверного проема обрушены. Стратиграфия напластований в целом аналогична обнаруженным в предыдущем помещении. У входа под слоем завала находится слой ганчевой штукатурки и фрагменты жженого кирпича с включениями небольшого количества керамики. Уровень пола горизонтальный, постепенно повышающийся за счет подсыпок золы черного цвета. На полу два очага, сложенные из четырех горизонтально стоящих жженных кирпичей, доверху заполнены тонкой белесой золой. Найдены две монеты и фрагменты керамики, одна монета определена Э.В. Ртвеладзе, как темуридская, чеканенная в Термезе.

Коленчатый коридор 31 шириной 2 м, длина южной и западной части одинакова – 18,5. Завал над полом у входа в центральную часть памятника достигает наибольшей мощности – 2,5 м, на остальной части 2–1,5 м. Под слоем натеков толщиной 25–30 см находится 35–45 см слой хлеба, подстилает его зольник с кусками пористого шлака толщиной 50–60 см. Под ним находится довольно рыхлый завал с включениями щебня. Пол представлен горизонтальной поверхностью, постепенно повышающейся за счет зольных подсыпок. Нижняя грань пола – плотный, утрамбованный десятисантиметровый слой, подстилает его чистая глина с небольшими зольниками с кирпичным боем. У выхода в центральную часть памятника коридор сужался за счет специального выступа, здесь была вставлена сырцовая дверная коробка – 12 см толщины и 55 см длины. В завале этой части обнаружены остатки обрушившегося сырцового свода, оформлявшего вход в коридор. Дверной проем, ведущий в коридор из зала, шириной 1,5–1,6 м.

Коридор 32. Длиной 18,5 м, шириной 2 м. Под слоем натеков лентовидные слои хлеба, перемежающиеся надувными прослойками и небольшими зольными линзами. В середине коридора они достигают толщины 50 см, увеличиваясь до метра к северной стене. Под ним находится слой золы с включением пористых шлаков толщиной 40–50 см. Над полом коридора расположен 70 см слой завала с включением фрагментов жженого кирпича, сложившимся сырцом, зольниками.

В северной части коридора обнаружена линза хозяйственных отходов с включениями костей животных, бытовой керамики, фрагмента стеклянного браслета, монеты. Монета определена Э.В. Ртвеладзе как темуридская, чеканенная в конце XIV – начале XVв.

Из линзы на полу коридора 32 собран значительный комплекс бытовой керамики, состоящий из сосудов открытых форм. Это археологически целые, в основном, полусферические фрагменты чаш на кольцевом уступчатом поддоне. Черепок чаш желтый либо красный, довольно пористый, в тесте некоторых зафиксированы выгоревшие примеси. Черепок покрыт белым ангобом, на который нанесился рисунок, поверх росписи прозрачная глазурь. При сравнительно ограниченном наборе красителей, композиция росписи разнообразная. Основные цвета: синий с оттенками бирюзового и голубого, черный, фиолетовый и в одном случае – темно-зеленый на черном фоне. Композиция росписи центрическая, наиболее распространенным является растительно-геометрический орнамент.

Коридор 32 тоже сужен у входа в центральное пространство выступом северной стены. Здесь зафиксированы остатки сырцовых коробок, конструктивно не связанные с основной кладкой стен.

Башни, фланкирующие углы Кырк-Кыз, полые, цилиндрические, со слегка заметным расширением книзу; конструктивно связанные с основными стенами памятника. Внешний диаметр 8,5–8,2, внутренний – 4 м. Сложены из сырцового кирпича, кое-где в кладку введены пояски жженого кирпича. В кладку башен во время строительства перпендикулярно к поверхности стены были введены деревянные балки, которые сгнили и во многих местах прослеживаются гнезда от них диаметром 30–60 см.

Внутренние полости башен забутовывались послойно грунтом без каких-либо включений. Забутовка, как показали наблюдения, производилась сразу же по мере выкладки стенок. Изнутри на высоту 5–6 кирпичей и толщину 1 кирпича выводилась внутренняя грань стены футляра, затем образовавшееся углубление забутовывалось и доводилась стена башни на всю толщину. Ствол башни изнутри постепенно сужался кверху приемом постепенного напуска рядов кирпича кольцевой кладкой. В самом верху отверстие закладывалось деревянными брусками, которые перекрывались несколькими рядами кирпича.

В юго-восточном секторе в помещении 9 был заложен стратиграфический шурф. Размеры помещения 21,7×10,8 м, вытянуто по оси север-юг, вход находится в северо-западном углу, ширина его 1,7 м.

Шурф был заложен между южным пилоном и крестообразным столбом зала. В нижней части шурфа обнаружен тандыр диаметром 90 см, толщина стенок 10 см, в тесте большая примесь галечника.

С внешней стороны стенки тандыра обложены фрагментами жженого кирпича, в нем обнаружен завал золы, бытовой керамики, яичной скорлупы. Стенки тандыра и земля вокруг него прокалены, что говорит об интенсивном его использовании. Стены пилона и устьи в нижней части сложены из жженого кирпича. Фундамент пилона сложен в верхней части из двух рядов жженого кирпича, выступает относительно поверхности стены на 15 см. Жженный кирпич подстилает плотная забутовка из сырцового кирпича и лёсса.

Таким образом, археологическое исследование северо-западной части Кырк-Кыз показало: стратиграфия напластований во всех помещениях и коридорах идентична; уровень первоначального пола колеблется в помещениях в пределах ± 20 см; вымостка отсутствует, уровень пола повышается за счет подсыпки золы; на уровне первоначального пола найдены монеты, относящиеся, по определению Э.В. Ртвеладзе, к XIV–XV вв., найдена лишь одна монета XII в.

Керамический материал, собранный с уровня пола интересен по цветной гамме и орнаментации, исключается момент случайного попадания ее на памятник. Керамический комплекс может быть датирован не ранее XIV в., хотя основная его часть относится к XV в., керамика IX–X вв. встречается на Кырк-Кыз лишь в сырцовом кирпиче, но в нем встречаются и фрагменты керамики XIV в.

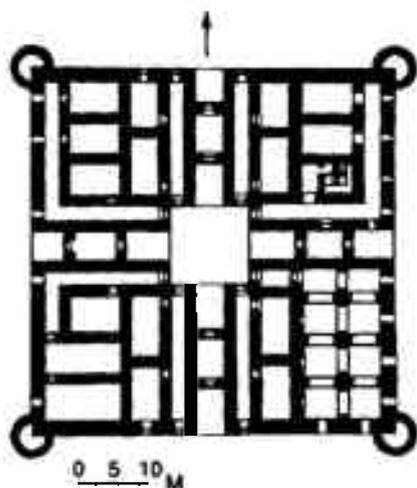

Рис.1. Кырк-Кыз. План после археологических исследований.

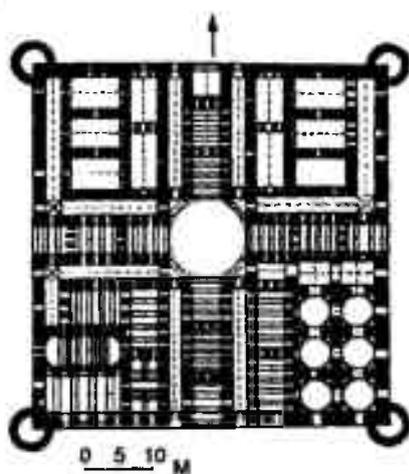

Рис.2. Кырк-Кыз. План проекции перекрытий (по В.М.Филимонову).

Над первым полом расположены натечно-надувные слои, свидетельствующие о длительном запустении памятника.

Второй период эксплуатации памятника связан со значительным зольно-шлаковым слоем, зафиксированным на всей вскрытой территории. Судя по остаткам помещения, коридоры были использованы для обжига кирпича.

Литература

- Веймарн Б.В.** Искусство Средней Азии. М.—Л. 1940.
- Засыпкин Б.Н.** Памятники архитектуры Термезского района. Сб. Культура Востока, вып. II, М. 1928.
- Засыпкин Б.Н.** Архитектура Средней Азии. М., 1948.
- Згура В.** Развалины дворца около Термеза. Сб. Культура Востока, вып. I, М., 1927.
- Прибыткова А.М.** Здание Кырк-Кыз как образец строительной техники IX века. Архитектурное наследие, № 13, М. 1961.
- Пугаченкова Г.А.** Мавзолей Араб-ата. Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1963.
- Пугаченкова Г.А.** Термез, Шахрисабз. Хива. М., 1976.
- Хакимов З.А.** Памятники архитектуры в Южном Узбекистане. Сб. Художественная культура Средней Азии IX—XIII века. Ташкент, 1983.

Приложение к статье С.В.Левушкиной «Цветной металл Кампиртепа».

Химический состав цветного металла Кампиртепа. Таблица I.

№ п/п	Название предмета	Шифр анализа	Табл.	Химический состав										
				Fl	Ni	Cu	Pb	Ag	Sb	Bi	As	Zn	Sn	Au
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
I группа														
1.	Зеркало	3 л	I, 1	0.3	0.004	ОСН.	-	0.0001	-	-	-	0.004	0.006	
2.	Чаша весов	12 л	I, 12	0.9	0.008	→-	0.1	0.1	-	-	-	0.02	0.003	
3.	Ручка ковша	16 л	I, 13	0.9	0.02	-	0.1	0.008	-	-	-	0.006	0.001	
4.	Гвоздик	52 л	II, 4	0.3	0.3	-	0.06	0.001	-	-	-	-	-	
5.	Гвоздик	53 л	II, 5	0.3	0.9	-	0.06	0.002	-	-	-	-	0.001	
6.	Плошка свет.	10 л	I, 11	0.6	0.006	-	-	0.008	-	-	-	-	0.001	
7.	Зеркало	5 л	I, 4	0.006	0.004	-	-	0.0001	-	-	-	-	3-6	
8.	Зеркало	6 л	I, 3	0.6	0.01	-	0.04	0.001	-	-	-	-	3-6	
9.	Зеркало	8 л	I, 7	0.3	0.01	-	0.03	0.003	-	-	-	-	3-6	
10.	Браслет	43 л	II, 12	3.0	0.008	-	>10	0.06	-	-	-	>10	0.001	
11.	Браслет	55 л	II, 13	3.0	0.04	-	>10	0.2	-	-	-	>10	0.003	
12.	Серьга	36 л	II, 31	0.1	0.008	-	0.06	0.04	-	-	-	>10	0.03	
13.	Подвеска	21 л	II, 8	0.9	>1	-	0.006	0.9	-	-	-	3-8	0.003	
II группа														
14.	Зеркало	1 л	I, 5	0.3	0.06	ОСН.	-	0.004	0.01	-	-	-	0.9	
15.	Перстень	32 л	II, 33	0.01	0.03	→-	0.6	0.6	0.06	-	-	0.1	0.9	
16.	Серьга	37 л	II, 29	0.6	0.01	→-	0.01	0.06	0.06	-	-	>10	0.04	
III группа														
17.	Стрела	18 л	II, 1	0.06	0.006	→-	0.03	0.6	0.6	0.01	-	-	0.003	
18.	Бляшка	23 л	II, 7	0.9	0.04	→-	-	0.04	0.04	0.04	-	-	0.9	
19.	Навершие б.	54 л	II, 15	0.1	0.06	→-	3-8	0.1	0.6	0.04	-	-	3-6	
20.	Бляшка	26 л	II, 2 4	0.9	0.3	→-	3-8	0.6	0.3	0.01	-	0.01	0.9	
21.	Колокольчик	13 л	I, 18	0.6	0.4	→-	3-8	0.9	0.3	0.9	-	0.006	3-6	
22.	Крючок	25 л	II, 17	0.1	0.08	→-	3-8	0.08	0.006	0.006	-	-	3-6	
23.	Бляшка	40 л	II, 27	0.03	0.04	→-	3-8	0.9	3.0	0.006	-	-	3-6	

IV rpyrma

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
24. Byarska	50 a	II, 21	0.1	0.04	--	0.04	0.03	--	--	0.002	0.08	--	0.06	--
25. Фп. sepraks	2 a	I, 6	0.9	0.04	--	0.03	0.006	--	--	0.001	0.06	--	3-6	--
26. Rosemsa	24 a	I, 17	3.0	0.06	--	0.08	0.08	--	--	0.006	0.1	0.006	3-6	--
27. Epcner	42 a	II, 10	3.0	0.06	--	3-8	0.04	--	--	0.003	0.04	0.04	3-6	--
28. Фп. sochenosa	11 a	I, 9	0.4	0.006	--	0.04	2-5	--	--	0.1	3.0	--	0.006	--

V rpyrma

29. Byarska	46 a	II, 26	0.9	0.03	--	0.03	0.1	--	--	0.002	--	--	0.002	--
30. Crpasa	51 a	II, 3	0.6	0.01	--	0.1	0.006	--	--	0.04	0.006	0.001	0.001	--
31. Byarska	45 a	II, 18	0.3	0.03	--	0.06	0.03	--	--	0.04	0.04	0.3	0.3	--
32. Benusa	21 a	II, 23	>10	0.06	--	3-8	0.01	--	--	0.06	>10	0.03	0.03	--

VI rpyrma

33. Haeyume 6.	28 a	II, 16	0.9	0.03	--	0.03	0.2	--	--	0.001	--	0.03	0.006	--
34. Haeyume 6.	27 a	II, 14	3-8	0.1	--	0.02	0.1	--	--	0.01	--	0.04	0.06	--
35. Caxda	56 a	I, 15	0.9	0.03	--	0.02	0.02	--	--	0.002	0.1	0.004	0.004	--
36. Pyasa kosusa	15a	I, 14	0.9	0.004	--	0.06	0.006	--	--	0.001	--	0.006	0.001	--
37. Baccocaxa n.	35a	II, 32	0.4	0.008	--	--	0.004	--	--	0.001	--	--	0.01	--
38. Haayusa	14a	II, 25	3.0	0.1	--	--	0.1	--	--	0.006	--	0.03	3-6	--
39. Cepaxasa	17a	I, 10	0.6	0.02	--	0.01	0.06	--	--	0.001	--	--	0.9	0.01
40. Japaxasa	7a	I, 2	0.4	0.08	--	0.04	0.003	--	--	0.001	--	--	0.3	--
41. Epcner	41a	II, 11	0.9	0.1	--	0.9	0.06	--	--	0.003	--	--	3-6	--
42. Ercyasa	22 a	II, 6	0.9	0.01	--	3-8	0.1	--	--	0.003	--	>10	0.03	0.006
43. Epcner	44 a	II, 9	3.0	0.02	--	>10	0.04	--	--	0.002	--	>10	0.004	--
44. Cepasa	39 a	II, 28	3.0	0.02	--	0.03	0.06	--	--	0.01	--	>10	0.02	--
45. Cepasa	38 a	II, 30	3.0	0.03	--	0.3	0.006	--	--	0.06	--	>10	0.01	--
46. Depcra	31 a	II, 34	0.9	0.03	--	3-8	0.6	--	--	0.004	--	>10	0.03	--
47. Kosa	33 a	II, 35	0.6	0.006	--	3-8	0.06	--	--	0.001	--	>10	0.02	--
48. Kosa	34 a	II, 36	3.0	0.008	--	3-8	0.03	--	--	0.001	--	>10	0.006	--

VII rpyrma

49. Crpasa	19 a	II, 2	0.9	0.008	--	0.01	0.008	--	--	0.06	0.006	0.3	0.001	--
50. Seprako	4 a	I, 8	0.8	0.06	--	0.9	0.3	--	--	0.1	0.001	0.2	>10	--
51. Pyasa cbr.	9 a	I, 10	0.9	0.8	--	3-8	0.1	--	--	0.08	0.3	0.3	3-6	--
52. Byarska	47 a	II, 19	3.0	0.2	--	>10	0.3	--	--	0.1	0.1	>10	3-6	0.03
53. Byarska	48 a	II, 22	3.0	0.1	--	3-8	0.6	--	--	0.06	0.03	0.3	3-6	--
54. Ykocnpasa	49 a	II, 20	3.0	0.1	--	3-8	0.6	--	--	0.03	0.1	>10	3-6	0.006

Химический состав цветного металла из Ялангтушского некрополя. Таблица № III.

№ п/п	Название предмета	Шифр анализа	Химический состав										
			Fl	Ni	Cu	Pb	Ag	Sb	Bi	As	Zn	Sn	Au
IV группа													
1.	Кольцо	35 480	0.7	0.3	ОСН.	0.6	>1	-	0.0015	0.03	-	0.03	0.03
2.	Браслет	35 486	0.1	0.003	"-	0.03	0.0001	-	0.003	0.03	0.07	0.7	-
3.	Чашечка	35 517	0.3	0.015	"-	0.009	0.0001	-	0.001	0.04	-	>1	-
4.	Чашечка	35 518	0.1	0.002	"-	0.015	0.00015	-	0.001	0.02	0.007	0.7	-
VI группа													
5.	Браслет	35 521	0.4	0.004	"-	-	0.0005	-	0.001	-	-	0.0005	-
VII группа													
6.	Перстень	35 489	0.7	0.0015	"-	>3	0.002	0.01	0.004	0.03	>3	0.5	-
7.	Фр. кольца	35 496	1.0	0.3	"-	>3	0.01	0.04	0.5	0.5	>3	0.5	0.003
8.	Фр. кольца	35 501	0.5	0.05	"-	>3	0.03	0.015	0.003	0.1	>3	0.004	0.006
9.	Серьга	35 502	0.7	0.05	"-	>3	0.01	0.03	0.03	0.2	>3	1	0.002
10.	Кольцо	35 504	1.0	0.003	"-	>3	0.007	0.01	0.003	0.03	>3	0.02	-
11.	Кольцо	35 505	0.4	0.003	"-	>3	0.009	0.015	0.001	0.03	>3	0.01	0.004
12.	Кольцо	35 507	0.5	0.04	"-	>3	0.01	0.015	0.003	0.1	>3	0.04	0.003
13.	Кольцо	35 512	0.5	0.02	"-	>3	0.01	0.01	0.001	0.08	>3	0.07	0.003
14.	Фр. кольца	35 513	0.5	0.04	"-	>3	0.01	0.015	0.004	0.08	>3	0.002	0.005
15.	Кольцо	35 514	0.7	0.004	"-	>3	0.007	0.01	0.004	0.03	>3	0.3	0.001
16.	Браслет	35 522	0.5	0.4	"-	>3	0.02	0.06	0.02	0.2	>3	>1	0.002
17.	Браслет	35 524	0.9	0.2	"-	>3	0.03	0.05	0.02	0.2	>3	1.0	0.003
18.	Браслет	35 527	0.9	0.2	"-	>3	0.03	0.05	0.02	0.2	>3	1.0	0.003
19.	Кольцо	35 506	0.4	0.015	"-	1.0	0.008	0.01	0.001	0.02	>3	0.0009	0.003
20.	Перстень	35 509	0.3	0.007	"-	1.0	0.006	0.01	0.001	0.05	>3	0.02	0.002
21.	Накладка	35 515	0.9	0.002	"-	3.0	0.004	0.01	0.001	0.02	3.0	0.04	-
22.	Браслет	35 523	1.0	0.8	"-	3.0	0.01	0.05	0.05	0.1	1.0	>1	0.002
23.	Серьга	35 503	0.6	0.03	"-	1.0	0.003	0.02	0.007	0.1	1.0	>1	0.001
24.	Кольцо	35 510	0.9	0.004	"-	2.0	0.007	0.01	0.001	0.05	3.0	0.005	0.0015
25.	Колокольчик	35 495	0.7	0.01	"-	1.0	0.0015	0.01	0.001	0.03	0.05	0.007	-
26.	Колокольчик	35 499	0.4	0.2	"-	>3	0.01	0.05	0.015	0.1	0.01	1.0	0.002
27.	Колокольчик	35 497	0.6	0.2	"-	>3	0.01	0.7	0.02	3	0.1	>1	0.001
28.	Зеркало	35 516	0.5	0.03	"-	0.009	0.0002	0.01	0.001	0.07	0.007	>1	-
VIII группа													
29.	Браслет	35 525	1.0	>1	"-	0.04	0.007	0.01	-	0.2	-	0.3	0.003

Химический состав цветного металла Дальварзинтепа. Таблица IV.

№ п/п	Название предмета	Шифр анализа	Химический состав										
			Fl	Ni	Cu	Pb	Ag	Sb	Bi	As	Zn	Sn	Au
IV группа													
1.	Бляшка	35 472	0.3	0.003	ОСН.	0.002	0.0015	-	0.009	0.03	0.009	0.003	-
2.	Ободок	35 473	0.9	0.0007	--	0.3	>1	-	0.5	0.015	-	0.05	0.9
3.	Зеркало	35 483	0.5	0.0007	--	0.01	0.0003	-	0.0015	0.02	-	>1	-
4.	Булавка-стиль	35 496	0.1	0.0007	--	0.001	0.00001	-	0.001	0.015	-	0.0005	0.001
5.	Стержень	35 484	0.9	0.06	--	0.0015	0.0015	-	0.003	0.04	-	0.005	-
V группа													
6.	Фр. кольца	35 485	0.3	-	--	0.002	0.009	-	-	0.02	-	0.0007	0.001
VI группа													
7.	Браслет	35 478	0.1	0.0005	--	0.01	0.0003	-	0.002	-	0.04	>1	-
VII группа													
8.	Браслет	35 477	0.5	0.07	--	1.0	0.015	0.06	0.02	0.2	>3	0.7	0.002
9.	Ложечка	35 508	0.7	0.03	--	0.5	0.004	0.015	0.01	0.3	>3	0.4	0.0015
10.	Фр. браслета	35 488	1.0	0.03	--	0.5	0.003	0.01	0.015	0.05	>3	>1	0.0015
11.	Браслет	35 476	0.2	0.09	--	3.0	0.05	0.6	0.03	0.3	>3	>1	0.004
12.	Браслет	35 487	1.0	0.02	--	1.0	0.007	0.01	0.02	0.05	3.0	>1	0.001
13.	Кольцо	35 527	0.9	0.4	--	>3	0.05	1.0	0.1	3.0	1.0	>1	0.003
14.	Колокольчик	35 474	0.1	0.4	--	>3	0.04	0.05	0.02	0.3	0.04	>1	0.004
15.	Колокольчик	35 475	1.0	1.0	--	>3	0.04	0.4	0.15	1.0	0.007	>1	0.004
16.	Чашка	35 526	0.7	0.03	--	0.02	0.0004	0.01	0.004	0.05	-	>1	0.001
17.	Фр. зеркала	35 481	0.2	0.004	--	0.06	0.003	0.01	0.003	0.5	-	>1	0.001
18.	Ручка зерк.	35 482	0.4	0.003	--	0.04	0.0015	0.01	0.002	0.4	-	>1	-

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Э.В. Ртвеладзе.</i> К ВОПРОСУ О ПЕТРАХ	7
<i>А.А. Восковский.</i> КЕРАМИЧЕСКИЕ ПЕЧИ ГРЕКО-БАКТРИЙСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЦИТАДЕЛИ ДАЛЬВАРЗИНТЕПА	12
<i>Д.В. Русанов.</i> ДРАХМА АГАФОКЛА ИЗ ДАЛЬВАРЗИНТЕПА	15
<i>К.А. Абдуллаев, Т.Д. Аннаев.</i> НОВЫЙ МОГИЛЬНИК КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЮГЕ ГИССАРСКОГО ХРЕБТА	19
<i>И.Т. Батыров, К.А. Шейко.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ КАМПЫРТЕПА В ФОНДАХ СУРХАНДАРЬИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЕЧЕСКОГО МУЗЕЯ	25
<i>С.В. Левушкина.</i> ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ КАМПЫРТЕПА	31
<i>В.П. Никоноров.</i> НОВЫЕ ТЕРРАКОТЫ ИЗ КАМПЫРТЕПА	39
<i>Н.Г. Скугарова.</i> КОСТЯНЫЕ ЗАКОЛКИ ИЗ КАМПЫРТЕПА	44
<i>Б.Я. Ставиский.</i> ГОРА ОРЛИНАЯ – ХОДЖА ГУЛЬСУАР	52
<i>В.В. Лулева.</i> НЕКОТОРЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ БАКТРИЙСКО-КУШАНСКОГО ЮВЕЛИРНОГО ПРОИЗВОДСТВА	55
<i>В.А. Завьялов, Ш.Р. Пидаев.</i> ИЗОБРАЖЕНИЯ БОДХИСАТВ В ТЕРРАКОТАХ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ	59
<i>С.Б. Болелов.</i> КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ VII–VIII ВЕКОВ ИЗ СЕВЕРНОГО ТОХАРИСТАНА	64
<i>Г.М. Майтдинова.</i> ЗНАЧЕНИЕ КОСТЮМНОГО КОМПЛЕКСА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА (ПО АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ДАНЫМ СРЕДНЕЙ АЗИИ)	81
<i>П.И. Гендельман.</i> РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЦИТАДЕЛИ ШУРОБ-КУРГАНА	91
<i>Ш.Р. Пидаев.</i> СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ СТАРОГО ТЕРМЕЗА	108
<i>Е.Г. Некрасова.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КЫРК-КЫЗ	114
ПРИЛОЖЕНИЕ	122

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА СУРХАНДАРЬИ

Сборник научных статей

Государственное научное издательство
«Узбекистон миллий энциклопедияси»

Редактор *А.Кременцова*
Художественный редактор *С.Соин*
Компьютерная верстка *А.Билак*

700129, Ташкент, ул. Навои, 30. Подписано в печать 04.01.2001г.
Формат 60x84 1/16, гарнитура Antiqua. Бумага офсетная. Усл.-печ. л.8. Тираж 500.
Отпечатано в ООО «Агнарпринт». Ташкент, ул. Х.Байқаро, 51.

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Посвящённых археологическим
исследованиям в
Сурхандарьинской области
республики Узбекистан

